

А. П. Чудинов

**РОССИЯ
В МЕТАФОРИЧЕСКОМ
ЗЕРКАЛЕ:**

**КОГНИТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ**

(1991—2000)

УДК 408.52
ББК Ш 1
Ч-84

РЕЦЕНЗЕНТЫ

член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор
Ю. Н. КАРАУЛОВ (Институт русского языка РАН)

доктор филологических наук, профессор
Е. С. КУБРЯКОВА (Институт языкознания РАН)

Чудинов А. П.

Ч-84 Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. — 238 с.

ISBN 5-7186-0277-8

Монография посвящена исследованию закономерностей моделирования образа современной России в зеркале концептуальной метафоры, в котором вне зависимости от чьих-либо симпатий и антипатий достаточно объективно фиксируется подлинная картина национального самосознания, в котором отражаются как традиционные черты народной ментальности, так и все новое, что приносит эпоха революционных преобразований. Создаваемые в политической речи образы дома, родства, болезни, растения, войны и преступности говорят специалисту по политической лингвистике не меньше, чем материалы социологических исследований.

Книга ориентирована как на лингвистов и политологов, так и на широкий круг читателей, на всех, кому дороги Россия и русский язык

УДК 408.52
ББК Ш 1

Настоящая монография подготовлена и издана
при финансовой поддержке
Министерства образования Российской Федерации
(грант ГОО-1.6-491)

ISBN 5-7186-0277-8

© Чудинов А. П., 2001

Оглавление

Введение7

Глава 1 Теоретические основы исследования современной российской политической метафоры ----- 11

X 1.1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ КРАСНОРЕЧИЕ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ОБЪЕКТ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ----- 12

 1.2. ИСТОЧНИКИ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ
ИССЛЕДОВАНИЯ ----- 22

1.3. ТЕОРИЯ РЕГУЛЯРНОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ И
КОГНИТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ
МЕТАФОРЫ (КОНТРАСТИВНОЕ ОПИСАНИЕ) ----- 29

2 1.4. МЕТОДИКА ОПИСАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ
МОДЕЛИ ----- 39

1.5. ФУНКЦИИ МЕТАФОРЫ В СОВРЕМЕННОМ
ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ----- 47

1.6. ЧЕЛОВЕК, СОЦИУМ, ПРИРОДА И ВЕЩИ:
ПОНЯТИЙНЫЕ СФЕРЫ-ИСТОЧНИКИ
МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ ----- 52

Глава 2 Субсфера «Человек» как источник политической метафоры ----- 58

=	2.1. ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА -----	59
%	2.2. МОРБИАЛЬНАЯ МЕТАФОРА-----	68
□	2.3. МЕТАФОРА РОДСТВА-----	78
∞	2.4. СЕКСУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА -----	86

Глава 3 Субсфера «Социум»

как источник политической метафоры ----- 95

]	3.1. КРИМИНАЛЬНАЯ МЕТАФОРА -----	95
4	3.2. МИЛИТАРНАЯ МЕТАФОРА -----	104
	3.3. ТЕАТРАЛЬНАЯ МЕТАФОРА -----	114
Υ	3.4. СПОРТИВНАЯ И ИГРОВАЯ МЕТАФОРЫ -----	122

Глава 4 **Э** Субсфера «Природа»

как источник политической метафоры ----- 132

β	4.1. ЗООМОРФНАЯ МЕТАФОРА -----	133
----------	--------------------------------	-----

□	4.2. ФИТОМОРФНАЯ МЕТАФОРА -----	145
----------	---------------------------------	-----

Глава 5 **Ц** Субсфера «Артефакты» как источник политической метафоры ----- 154

ζ	5.1. МЕТАФОРА ДОМА-----	154
----------	-------------------------	-----

∇	5.2. МЕТАФОРА МЕХАНИЗМА-----	164
----------	------------------------------	-----

Глава 6 Проблемы и перспективы исследования русской политической метафоры ----- 172

6.1. ПРОБЛЕМЫ ИНВЕНТАРИЗАЦИИ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ-----	172
--	-----

6.2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В КОНТЕКСТЕ, ТЕКСТЕ И ДИСКУРСЕ -----	182
--	-----

6.2.1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА И КОНТЕКСТ -----	184
---	-----

6.2.2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ТЕКСТЕ -----	188
---	-----

6.2.3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ДИСКУРСЕ-----	198
--	-----

6.3. О СТЕПЕНИ ОБЪЕКТИВНОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ЗЕРКАЛА-----	210
--	-----

6.4. ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ -----	216
--	-----

Заключение -----226

Библиографический список-----230

Введение

Величайшие социальные изменения, произошедшие за два последних десятилетия в России, привели к коренному преобразованию социальных отношений в нашем обществе. Политики, ученые, бизнесмены, публицисты — едва ли не каждый гражданин страны — стремятся осмыслить российскую социальную реальность на рубеже тысячелетий. Своего рода неосознанным отражением нового состояния страны стали и изменения в русской речи, и в частности активизация целого ряда моделей метафорического представления современной действительности.

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена исследованию закономерностей метафорического моделирования действительности в современном политическом дискурсе России, то есть, несколько перефразируя Н. Д. Арутюнову, изучению метафорических моделей, погруженных в политическую жизнь России конца XX века. Автора интересует прежде всего образ родной страны, отраженный в метафорическом зеркале, где вне зависимости от чьих-либо симпатий и антипатий достаточно объективно фиксируется подлинная картина национального самосознания, где отражаются как традиционные черты народной ментальности, так и все новое, что приносит эпоха наших революционных преобразований.

Феномен современной российской политической метафоры имеет лингвокультурный характер и не может рассматриваться в отрыве от политической и экономической жизни страны, в изоляции от ее традиций и самосознания русского народа. Здесь особенно важен человеческий фактор, учет личности как автора, творца метафоры, так и адресата. Все это определяет мультидисциплинарный характер настоящего исследования, стремление автора учесть все многообразие фактов и данные самых разнообразных научных дисциплин, избрать в качестве теоретической базы своей работы такое научное направление, которое соответствовало бы материалу и задачам исследования и имело бы признанные достижения в избранной для изучения области.

Исследование метафоры стало одним из важнейших направлений современной когнитивной лингвистики, которая в изучении рас-

сма­три­вае­мо­го фе­но­ме­на пол­но­стью от­ка­за­лась от тра­ди­ци­он­но­го (и­ду­ще­го е­ще от А­ри­сто­те­ля) взгля­да на ме­та­фо­ру как на «со­к­ра­щен­ное срав­не­ние», один из спо­со­бов «ук­ра­ше­ния» ре­чи или от ха­рак­тер­но­го для ге­не­ра­тив­ис­ти­ки (Н. Хо­м­ский, Л. Н. Мур­зин и др.) пред­став­ле­ния о ме­та­фо­ре как о сво­е­го ро­да вза­им­о­дей­ствии двух глу­бин­ных (ба­зис­ных) струк­тур, а так­же от при­су­щей струк­ту­ра­лиз­му ори­ен­та­ции на изу­че­ние «соб­ствен­но язы­ко­вых» за­ко­но­мер­но­стей ме­та­фо­ри­за­ции. Со­вре­мен­ная ког­ни­тив­ис­ти­ка (Дж. Ла­ко­фф, М. Д­жон­сон, Н. Д. А­ру­тю­но­ва, А. Н. Ба­ран­ов, Ю. Н. Ка­рау­лов, Е. С. Куб­ря­ко­ва и др.) рас­сма­три­ва­ет ме­та­фо­ру как ос­нов­ную мен­таль­ную опе­ра­цию, как спо­соб поз­на­ния, струк­ту­ри­ро­ва­ния и объ­яс­не­ния ми­ра. Че­ло­век не толь­ко вы­ра­жа­ет свои мы­сли при по­мо­щи ме­та­фор, но и мы­слит ме­та­фо­ра­ми, соз­да­ет при по­мо­щи ме­та­фор тот ми­р, в ко­то­ром он жи­вет.

Важ­ная идея пред­став­ляе­мо­го ис­сле­до­ва­ния — син­тез луч­ших дос­ти­же­ний ког­ни­тив­ной те­о­рии ме­та­фо­ры и уже тра­ди­ци­он­ной для рос­сий­ской лин­г­в­ис­ти­ки те­о­рии ре­гу­ляр­ной мно­го­знач­но­сти (Ю. Д. А­пре­сян, Д. Н. Ш­ме­лев, Н. И. Ба­х­му­то­ва, Л. В. Ба­ла­шо­ва, Л. А. Но­ви­ков, И. А. Стер­нин, А. П. Чу­ди­нов и др.), ко­то­рая ори­ен­ти­ро­ва­на на ис­сле­до­ва­ние систем­но­сти вто­рич­ных зна­че­ний у семан­ти­че­ски близ­ких слов, а так­же ти­пов и спе­ци­фи­ки функ­ци­о­ни­ро­ва­ния мо­делей, по ко­то­рым соз­да­ют­ся парал­лель­ные вто­рич­ные зна­че­ния.

Ме­та­фо­рич­ность — один из важ­ней­ших при­зна­ков со­вре­мен­ной агита­ци­он­но-по­ли­ти­че­ской ре­чи. При ис­сле­до­ва­нии «ме­та­фо­рич­е­ско­го моря», бу­шу­ю­ще­го в сред­ствах мас­со­вой ин­фор­ма­ции, автор стре­мил­ся вы­де­лить мо­де­ли, наи­бо­лее яр­ко от­ра­жа­ю­щие со­вре­мен­ные пред­став­ле­ния о рос­сий­ской дей­стви­тель­но­сти и «язы­ко­вой вкус эпо­хи» (вы­ра­же­ние В. Г. Ко­сто­ма­ро­ва). К со­жа­ле­нию, зна­чи­тель­ное место при­шлось от­ве­сти опи­са­нию ме­та­фо­рич­е­ских мо­делей с ис­ход­ны­ми по­ня­тий­ны­ми сфе­ра­ми «криминал», «война» и «бо­лезнь», в ко­то­рых наи­бо­лее яр­ко про­яв­ля­ют­ся ха­рак­тер­ные для со­вре­мен­но­го по­ли­ти­че­ско­го дис­кур­са век­то­ры опас­но­сти, аг­рес­сив­но­сти и тре­вож­но­сти, а так­же ме­та­фо­рич­е­ским мо­де­лям с ис­ход­ны­ми по­ня­тий­ны­ми сфе­ра­ми «театр», «цирк», «игра», ко­то­рые свя­за­ны с ак­цен­ти­ро­ва­нием не­са­мо­сто­ятель­но­сти «ак­те­ров», про­ти­во­ест­ест­вен­но­сти и «не­под­лин­но­сти» про­ис­хо­дя­щих со­бы­тий. Ина­че го­во­ря,

современная Россия в метафорическом зеркале часто предстает как больное общество, проникнутое криминальными отношениями, как нечеловеческий мир, где идет «война всех против всех», где политическая жизнь напоминает театральное представление, а политики — артистов цирка или азартных игроков.

Вместе с тем в монографии анализируются и традиционные для российской политической речи продуктивные метафорические модели с исходными понятийными сферами «мир животных», «мир растений», «дорога», «дом», «спорт», а также относительно малопродуктивные, но достаточно важные для осознания специфики современной политической речи модели с исходными понятийными сферами «механизм», «семья», «секс». Большинство из этих моделей отражают традиционные для русской национальной ментальности представления о родной стране, о межличностных взаимоотношениях и взаимоотношениях человека и общества.

Специальные разделы монографии посвящены исследованию функций политической метафоры, методике выявления и описания метафорических моделей, их классификации, проблемам воздействия на реализацию и развертывание метафорической модели таких факторов, как ближайший контекст, общие свойства текста, политическое событие, политическая эпоха, а также политические взгляды автора соответствующего текста.

Автор стремился проследить за тем, как отражаются в метафорическом зеркале мировосприятие граждан России, их представления о специфике современного этапа экономического и политического развития родной страны, их отношение к властным структурам и оппозиции, к политической деятельности и новым условиям жизни, их реакция на важнейшие события в жизни государства. Хочется верить, что в результате максимального обобщения исследуемых метафорических моделей можно будет выявить ведущие черты своего рода метафорической сверхмодели: **РОССИЙСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ КОНЦА XX ВЕКА — ЭТО...**

Композиционно основная часть монографии состоит из шести глав. Первая из них представляет собой своего рода теоретическое введение в теорию когнитивного исследования русской политической метафоры. Четыре последующие главы — это последователь-

ное описание четырех важнейших понятийных сфер-источников метафорической экспансии в русском политическом дискурсе (соответствующие сферы можно схематично представить как «Человек и природа», «Человек и общество», «Человек и результаты его труда», «Человек как центр мироздания»). Заключительная глава монографии посвящена теоретическим проблемам и перспективам дальнейшего исследования русской политической метафоры.

При работе над текстом были использованы материалы ряда выполненных под руководством автора дипломных и диссертационных сочинений. Особой благодарности заслуживают А. А. Каслова, Е. В. Колотнина, А. Б. Ряпосова, Ю. Б. Феденева, Т. В. Шитикова.

Материалы исследования неоднократно обсуждались на научных конференциях (Екатеринбург, Москва, Санкт-Петербург и др.) и в беседах с лингвистами и политологами Екатеринбурга, что сыграло важную роль в подготовке данной книги. Кристаллизации ряда изложенных в работе положений способствовало участие автора в семинарах Ю. Н. Караулова и Е. С. Кубряковой, проводимых в рамках летней лингвистической школы, организованной при поддержке фонда «Открытое общество» кафедрой современного русского языка Уральского государственного университета в августе 2000 года.

Автор выражает благодарность Министерству образования России за финансирование темы «Метафорическое моделирование российской действительности в агитационно-политическом дискурсе конца XX века» в рамках конкурса грантов по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук (грант — ГОО-1.6-491).

Глава 1

Теоретические основы исследования современной российской политической метафоры

Важным предварительным этапом в исследовании закономерностей функционирования современной российской политической метафоры является рассмотрение общего состояния современного российского политического дискурса как исторически развивающегося явления, поскольку «вне широкой историко-культурной перспективы факты развития языка и литературы не получают исчерпывающего объяснения» [Успенский, 1994, с. 333]. Не менее значима характеристика используемого речевого материала и хронологических рамок проводимого исследования. Политическая метафора необычайно динамична, она понятна и действенна только «здесь и сейчас», «on-line», и вместе с тем она согласована «с метафорической структурой основных понятий данной культуры» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 404], имеет национальные корни.

Еще одним необходимым предварительным этапом исследования современной российской политической метафоры является обсуждение теоретической базы для описания метафорического моделирования, изучение научной «биографии» развиваемых в настоящей монографии идей, характеристика методики изучения метафорических моделей и их функций в современном российском политическом дискурсе, определение принципов классификации рассматриваемых моделей.

Современная когнитивная лингвистика считает метафору не тропом, призванным украсить речь и сделать образ более понятным, а формой мышления. В коммуникативной деятельности метафора —

важное средство воздействия на интеллект, чувства и волю адресата. Соответственно для ученого анализ метафорических образов — это способ изучения ментальных процессов и постижения индивидуального, группового (партийного, классового и др.) и национального самосознания.

Именно поставленные выше проблемы и решаются в настоящей главе, которую можно рассматривать в качестве своего рода введения в теорию и практику изучения современной политической метафоры как одного из активно развивающихся направлений когнитивной социолингвистики.

Х 1.1. Политическое красноречие современной России как объект лингвистических исследований

Специфика современного российского политического языка в последние годы активно обсуждается специалистами (В. Н. Базылев, А. Н. Баранов, Н. А. Безменова, О. И. Воробьева, О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Е. Г. Казакевич, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, В. Г. Костомаров, Л. П. Крысин, Н. А. Купина, П. Б. Паршин, Г. Г. Почепцов, П. Серю, Л. И. Скворцов, Ю. А. Сорокин, Ю. Б. Феденева, А. П. Чудинов, В. Н. Шапошников, В. И. Шаховский, Е. И. Шейгал и др.). В настоящем исследовании политический язык понимается как особая подсистема национального языка, предназначенная для политической коммуникации: для пропаганды тех или иных идей, эмоционального воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям, для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе [Ср.: *Баранов, Казакевич*, 1991; *Паршин*, 1999, *Серю*, 1999; *Шейгал*, 2000]. По справедливому замечанию Е. И. Шейгал, главная функция политического языка — борьба за власть [2000, с. 35]. Политический язык отражает существующую политическую реальность, изменяется вместе с ней и одновременно участвует в ее создании и изменении. В нашей стране яр-

кая политическая метафора все чаще становится материальной силой, способной решать судьбы законов, политиков, партий.

Повышенное внимание современных специалистов к исследованиям политической речи связано еще и с тем, что в советский период едва ли не всякое опубликованное исследование по проблемам политической речи было априорно скомпрометировано: в условиях жесткой цензуры и самоцензуры было крайне сложно объективно охарактеризовать особенности речи как коммунистических лидеров (идейная чистота и высокая должность как бы предопределяли их речевое мастерство), так и их политических противников; допускались лишь своего рода «советы» пропагандистам, стремящимся увеличить воздействие своей пропаганды, а также рекомендации журналистам по проблемам «языка и стиля» в средствах массовой коммуникации, а также критический анализ языка «буржуазной» прессы. Положение изменилось только после начала «перестройки», когда гласность сделала возможной публикацию хотя бы скольконибудь объективных исследований.

В современной отечественной «политлингвистике» сформировалось несколько относительно автономных, хотя и взаимосвязанных направлений.

При «хронологической» (ориентированной на исследуемый исторический период развития русского политического языка) классификации противопоставляются публикации, посвященные, с одной стороны, «тоталитарному языку» советского периода, а с другой — политической речи постсоветской эпохи (начиная с «перестройки»). Ярким примером может служить монография Н. А. Купиной «Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции» [1995], в которой тщательно рассматривается словарь советских идеологов, относящихся к политической, философской, религиозной, этической и художественной сферам, а также языковое сопротивление и языковое противостояние коммунистической идеологии внутри России.

Проблемы «русско-советского языка», его «диалектов» (диссидентского, официального и обывательского) и языкового сопротивления анализируются также в публикациях В. И. Жельвиса [1999], С. Кордонского [1994], Ю. И. Левина [1998], Б. Ю. Нормана [1994], Е. А. Покровской [2001], Г. Г. Почепцова [1994], Р. И. Розиной

[1991], П. Серию [1999], А. П. Чудинова [1997] и ряда других авторов.

Публичный политический дискурс тоталитарного общества характеризовался как ритуальный, в нем существовали освященные традицией правила политической коммуникации: всем фигурантам было известно, кто, что, когда и в какой форме должен сказать. Основная задача публичной ритуальной коммуникации — фиксация своей приверженности правилам и подтверждение своей социальной роли [Баранов, Казакевич, 1991; Безменова, 1989; Игнатьев, 1991; Почепцов, 1994; Феденева, 1998; Шейгал, 2000 и др.]. Политические функционеры и журналисты «советской школы» гордились своим умением «в рамках дозволенного» и со ссылками на классиков марксизма поставить сложнейшую проблему. Представляется, что современная политическая коммуникация часто бывает не менее ритуальной, чем в советские времена, но сейчас изменились ритуальные правила и соответствующие им роли. Современный ритуал — это исполнение ролей «народного заступника», «поборника прав человека», «патриота», «центриста», «ортодоксального коммуниста» и др.

К числу наиболее многоаспектных исследований современного политического языка следует отнести монографию В. Н. Шапошникова «Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении» [1998]. Автор анализирует все уровни языка: фонетику, лексику и фразеологию, грамматику. В специальном разделе, посвященном ключевым словам и концептам, метафорам и символам, отмечается, что «содержательная специфика лингвокультуры заключается в характерных переносах, последующих обобщениях и генерализациях смыслов» [Там же, с. 229], что постоянно сопровождается отрицательной оценкой. Многие подобные образы приходят из криминального жаргона, из профессиональной речи (*наезд на губернатора, девальвация обещаний, раскрутка кандидата, финансовая амнистия, шоковая терапия*) или заимствуются из других языков (*красный пояс, отмывание грязных денег, высокая мода*). Изменяется «эмоционально-экспрессивное и функционально-стилистическое содержание многих слов» [Там же, с. 225].

Общетеоретический характер имеет и монография Е. И. Шейгал [2000]. В этой книге дано определение основных понятий политиче-

ской лингвистики, представлена общая характеристика политического языка и политического дискурса, рассмотрены вопросы категоризации мира политики в знаках политического дискурса и интенциональные характеристики политического дискурса, проанализирован ряд политических жанров. Автор приходит к выводу, что в политическом дискурсе обнаруживается «примат ценностей над фактами, преобладание воздействия и оценки над информированием, эмоционального над рациональным [2000, с. 46]. Характерными признаками языка политики, по мнению исследователя, являются смысловая неопределенность (политики часто избегают высказывать свои мнения в максимально обобщенном виде), фантомность (многие знаки политического языка не имеют реального денотата), фидеистичность (иррациональность, опора на подсознание), эзотеричность (подлинный смысл многих политических высказываний понятен только избранным), дистанцированность и театральность. Политическая коммуникация преимущественно институциональна: общение происходит не между конкретными Иваном Петровичем и Иваном Сидоровичем, а между представителем одного социального института (правительства, парламента, общественной организации, муниципалитета и т. п.) и представителем другого социального института или «гражданином», «избирателем».

Каждый новый поворот в историческом развитии государства приводит к языковой «перестройке», создает свой лексико-фразеологический тезаурус, включающий также концептуальные метафоры и символы. Поэтому вполне закономерно множество исследований по проблемам политического лексикона постсоветского периода. Прежде всего это словари, фиксирующие новые явления в русской лексико-фразеологической системе второй половины 80-х и 90-х годов: «Словарь перестройки», подготовленный под руководством В. И. Максимова [1992], «Словарь новых значений и слов языка газеты» С. В. Молокова и В. Н. Киселева [1996], «Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики)» А. Б. Новикова [1999] и др.

Лексико-фразеологические инновации в политической речи последних лет многоаспектно проанализированы в публикациях О. И. Воробьевой [2000], О. П. Ермаковой [1996], Е. А. Земской [1997],

В. Г. Костомарова [1991; 1999], Н. В. Черниковой [2000], В. Н. Шапошникова [1998] и ряда других лингвистов.

Легко заметить, что в современной отечественной политлингвистике наблюдается тенденция, прямо противоположная «агиографической» традиции советской эпохи. Многие авторы тщательно фиксируют всевозможные реальные и мнимые недостатки в речи российских политиков и журналистов, справедливо демонстрируя, что отечественная политическая элита по своему риторическому мастерству еще очень далека от Демосфена и Цицерона, что прямой телеэфир слишком безжалостен и что напрасно в некоторых газетах сократили должности литературного редактора и корректора.

Как известно, речевое творчество современных политиков и журналистов — едва ли не основной источник беспокойства лингвистических пуристов, ибо подобное творчество вызывает тревогу и у общества в целом. Подборки «перлов» политического слога стали в последние годы едва ли не постоянной рубрикой многих авторитетных средств массовой информации («Литературная газета», «Аргументы и факты», «Итого», «Комсомольская правда» и др.), речевые ошибки политиков и журналистов нередко становятся предметом тщательного разбора профессиональных филологов. Показательно, что значительное место среди названных ошибок занимают неуместные метафорические образы.

Среди лучших публикаций рассматриваемого типа можно назвать книгу М. В. Горбаневского, Ю. Н. Караулова и В. М. Шаклеина «Не говори шершавым языком» [1999], в которой проанализированы наиболее типичные нарушения норм русской литературной речи в электронных и печатных средствах массовой информации. Как справедливо отмечает редактор указанного издания Ю. А. Бельчиков, задача таких публикаций — это вовсе не фиксация ошибок конкретного автора: «принципиально важно, проводя систематические наблюдения над языковой жизнью современного общества, стремиться выявить тенденции в использовании языковых средств, в их функционировании в повседневной речевой коммуникации, в различных ее сферах, «участках» — социокультурных, функционально-стилистических, жанрово-тематических» [Там же, с. 3]. Конкретные примеры коммуникативных неудач и их теоретическое ос-

мысление, рекомендации по предупреждению ошибок широко представлены и в ряде других публикаций [Агеенко, 1996; Баранов, Казакевич, 1991; Виноградов, 1993; *Культура* парламентской речи, 1994 и др.]. Вместе с тем заслуживает несомненного внимания позиция специалистов, которые подчеркивают, что современный русский язык находится в состоянии динамичного развития, а многочисленные ошибки конкретных политиков и журналистов могут служить свидетельством низкой речевой культуры лишь отдельных носителей русского языка [Земская, 1996].

Политический дискурс российского общества в последнее десятилетие XX века отличается кардинальным обновлением содержания и формы коммуникативной деятельности, стремлением к индивидуальному («фирменному») стилю, экспрессивностью, а также яркостью, граничащей с карнавальностью; раскрепощенностью, граничащей с вседозволенностью и политическим хамством. Специфику этого дискурса в значительной степени определяют и характерные для социального сознания концептуальные векторы тревожности, подозрительности, неверия и агрессивности, ощущение «неправильности» существующего положения дел и отсутствия надежных идеологических ориентиров, «национальной идеи», объединяющей общество. Как это часто бывает в революционные эпохи, общественное сознание чрезвычайно быстро наполняется необъяснимым доверием не только к некоторым политическим лидерам и партиям, но и даже к некоторым политическим терминам и метафорам, однако столь же стремительно и утрачивает иллюзии.

По справедливому замечанию Л. П. Крысина, для русского литературного языка конца XX века особенно характерны два явления: интенсификация процессов заимствования иностранных слов и «сильнейшее влияние жаргонной и просторечной языковой среды [2000, с. 30]. О. И. Воробьева [2000] выделяет «стилистическое снижение» в качестве основной тенденции современной политической речи. Активное использование в современной политической речи просторечных и жаргонных слов видят и многие другие исследователи.

Многие специалисты (М. Р. Желтухина, О. С. Иссерс, Н. А. Купина, Л. М. Майданова, А. А. Романов, В. И. Шаховский, Е. И. Шей-

гал и др.) отмечают повышенную агрессивность современной политической речи, активное использование конфронтационных стратегий и тактик речевого поведения (угрозы, игнорирование, дискредитация, ложь, наклеивание ярлыков, оскорбления и др.). Так, по наблюдениям В. Н. Шапошникова, «в речи многих верховных, официальных и политических лиц (легко назвать любые примеры: Б. Ельцин, А. Чубайс, А. Руцкой, Ю. Батулин, Е. Гайдар) встречаются такие оскорбительные выражения, как недоумки, популисты, спекулянты, политическая паранойя, бредовые прожекты... не говоря о таких “мелочах”, как бред, чушь» [*Шапошников*, 1998, с. 157]. В публикациях В. И. Жельвиса [1997;1999] рассмотрены многочисленные примеры использования бранных выражений (в том числе с использованием метафоры) в современной агитационно-политической речи. Разнообразные виды речевой агрессии в средствах массовой коммуникации проанализированы Л. М. Майдановой и ее соавторами в книге «Речевая агрессия и гуманизация общения в СМИ» [1997]. Специфика современных политических лозунгов и особенно проявление в них разнообразных видов речевой агрессии детально исследованы А. Н. Барановым [1993], Д. Б. Гудковым [1999], Л. В. Ениной [1998] и Е. И. Шейгал [2000].

Значительный интерес представляют публикации, подготовленные с использованием методик политической психолингвистики, во многом заимствованных из психопэтики. Так, Ю. А. Сорокин [1999] ставит перед собой задачу реконструировать психопортрет Григория Явлинского, в статье В. Н. Базылева по специальной методике исследуются речевые автопортреты Бориса Немцова, Александра Коржакова, Егора Гайдара, Валерии Новодворской, Александра Лебеда. Языковеды стремятся также охарактеризовать роль идиостиля в формировании харизматического восприятия политика [*Булгакова, Захаренко, Красных*, 1999].

В работе Н. А. Купиной выделены пять используемых в современных избирательных кампаниях жанров влияния на адресата: протеста, поддержки, рационально-аналитические и аналитико-статистические, юмористические и виртуально ориентированные низкие жанры. Автор отмечает и типичные для выделенных жанров метафорические образы: в частности, в жанре поддержки активно

используется «семейная» метафора — образы «отца родного», «благородного сына», «единой семьи» [Купина, 2000, с. 223]. На широкую распространенность метафорических номинаций в публицистике постсоветского периода указывают В. Г. Костомаров [1998] и целый ряд других авторов [Булдыгина, 1999; Кокорина, 1996; Крючкова, 1991; Чепкина, 2000; Шапошников, 1998; Шейгал, 1999 и др.]. Метафора рассматривается как одно из средств не прямой коммуникации, оценочности и намеренной смысловой неопределенности политических высказываний [Базылев, 1999; Дементьев, 2000; Шейгал, 2000 и др.].

Для настоящего исследования особенно значимыми оказались публикации, непосредственно посвященные систематизации политической метафоры постсоветской России. Важное место в этом отношении занимают публикации А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова и особенно рассмотрение проблем выделения и представления метафорических моделей во вводных разделах словаря «Русская политическая метафора» [1991] и «Словаря русских политических метафор» [1994], в которых дано определение метафорической модели, выделены ее структурные части, охарактеризованы языковые способы оживления метафоры, ее функции в политических текстах и др. Сами указанные словари являются блестящим образцом конкретного описания метафорических моделей.

В диссертации Ю. Б. Феденевой [1997], выполненной под руководством автора настоящей монографии, и в ее последующих публикациях [1999; 2000] дана характеристика ведущих моделей метафорического представления современной политической реальности. В агитационных текстах политические реалии метафорически представляются то как «живой организм», то как некий «механизм», то как «растение» или «животное», как находящийся в пути человек (или транспортное средство) и т. п. Автор подробно рассматривает воздействие крупнейших политических событий в России первой половины 90-х годов XX века (референдум, путч, выборы) на употребительность и особенности реализации указанных выше моделей. Новая политическая реальность (а, возможно, и своего рода «мода») рождает новые фреймы и слоты известных моделей, определяет повышение или понижение частотности метафорических словоупотреблений, соответствующих той или иной модели.

Ряд публикаций характеризует отдельные метафорические модели, активные в политическом дискурсе современной России. Так, в посвященной концепту «Деньги» статье Е. Ю. Булыгиной [1999] рассматриваются, помимо прочего, относящиеся к финансовой сфере метафорические наименования в современных публицистических текстах; Н. В. Багичева [2000] анализирует метафору родства; Е. В. Колотнина [2000; 2001] — образные словоупотребления с исходными понятийными сферами «Больной — здоровый» и «Царство животных»; А. Б. Ряпосова [2001] — метафорические модели, имеющие источником военную сферу. Ориентационные (*левый — правый*) и цветковые политические метафоры (*красный, коричневый, зеленый* и др.) исследует Е. И. Шейгал [1999]. В работе О. П. Ермаковой [2000] охарактеризованы тематические группы метафор «Война», «Дом», «Дорога», «Болезнь», «Животные».

В монографии Н. А. Кузьминой [1999] предлагается детальное описание метафорической модели «жизнь — это театр», традиционно широко представленной в художественных текстах и активно используемой в современных публицистических текстах. Автор выделяет такие компоненты модели, как тип театра (драматический, кукольный, абсурда, масок, пантомимы и др.), жанр представления (драма, трагедия, мыльная опера, сериал, шоу, спектакль и др.), элементы представления (акт, действие, увертюра, антракт, пролог, эпилог, выход на бис и др.), «люди театра» (автор, сценарист, режиссер, кукловод, дирижер, актеры, труппа, массовка, статисты, хор, примадонна, комик, суфлер, клакеры и др.), театральные реквизиты (парик, костюм, декорации, занавес, грим, маски), части театра (сцена, авансцена, рампа, кулисы, галерка, партер, ложи, подмостки и др.). Анализ рассматриваемой модели показывает, что в ней подчеркиваются типовые смыслы «фальшь», «двуличие», «несамостоятельность» многих политических деятелей, что эта модель практически всегда несет негативную оценку. Эта же метафорическая модель подробно рассматривается в монографии Е. И. Шейгал [2000].

В монографии Л. В. Балашовой на широком историческом фоне представлен ряд моделей социальной метафористики. Автор отмечает активность моделирования социальных отношений по аналогии с родственными связями и по аналогии с противопоставлением «сво-

его» и «чужого»), моделирование иерархических отношений по аналогии с ролями «старшего и младшего» члена семьи, а также развитие модели имущественных отношений (например, приобретение или утрата покая). Автор делает важный вывод о том, что «характерная особенность именно социальной макромоделю — тенденция к постоянной оценочной характеристике именуемых явлений» [1998, с. 193].

Разумеется, представленный обзор не является полным, но он отражает тот интерес, который проявляется в современной лингвистике к политической речи, и ту боль, которую испытывают люди, наблюдая за пренебрежением к нормам русского литературного языка, за все более широким распространением в русской политической речи концептуальных векторов тревожности, агрессивности и неискренности.

В наиболее общем виде каждое конкретное современное исследование в области отечественной политической лингвистики можно охарактеризовать с использованием следующей системы не всегда эксплицитно выраженных противопоставлений:

- 1) хронологические рамки исследования: советская или постсоветская эпоха;
- 2) анализ с позиций соответствия норме (обычно критический, с призывами к борьбе с «порчей русского языка») — изучение и описание новых явлений без их оценки;
- 3) изучение новых явлений в языке (в том числе в лексике, фонетике, грамматике) — исследование текста и дискурса (в том числе коммуникативных стратегий и тактик, проявлений речевой агрессии и др.);
- 4) изучение изменений в языке — исследование идиостилей отдельных носителей языка, политических направлений, партий и т. п.;
- 5) использование методов психолингвистики, когнитивистики, структурализма и др.

Представленное в настоящей монографии исследование относится к числу выполненных на постсоветском материале, описательных (автор искренне считает, что современный русский язык динамично развивается), ориентированных на учет дискурса, осуществленных в рамках когнитивистики, не ориентированных на анализ отдельных идиостилей.

1.2. Источники и хронологические рамки исследования

Главный источник материала для настоящего исследования — метафорическое словоупотребление, зафиксированное в современных российских средствах массовой информации. В используемой автором картотеке «Современная русская политическая метафора» (более 40 тысяч контекстов) отражены материалы ряда центральных и региональных (уральских) электронных и (преимущественно) печатных средств массовой информации, а также распространяемых политическими партиями, движениями и отдельными участниками политической жизни листовок и справочных материалов. Использовались также созданные (часто при участии соавторов-профессионалов) некоторыми известными современными политическими деятелями (Б. Н. Ельцин, В. В. Жириновский, А. В. Коржаков, А. И. Лебедь, Б. Е. Немцов, А. А. Собчак и др.) публицистические книги (часто мемуарного характера).

При отборе материала некоторое предпочтение отдавалось наиболее высокотиражным изданиям («Аргументы и факты», «Известия», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Советская Россия», «Труд»), а также популярным в Свердловской области газетам «Уральский рабочий», «Вечерний Екатеринбург», «На смену!»). Вместе с тем в картотеке отражены издания, отличающиеся различной (и правой, и левой, и центристской) политической ориентацией, в том числе экстремистской («Завтра», «Не дай Бог!», «Лимонка», «Искра уральская» и т. п.). Использовались только средства массовой информации, ориентированные на широкий круг читателей, поэтому за пределами выборки остались материалы научных и узкопрофессиональных изданий.

Все исследуемые тексты отличались агитационно-политической направленностью, то есть не рассматривались материалы по конкретным вопросам организации хозяйства, информация по литературе и искусству, рекламе и т. п. Специфической чертой агитационно-политических текстов является их общая коммуникативная установ-

ка на то, чтобы увлечь, заинтересовать, убедить адресата, повести его за собой. Как известно, авторами большинства публикаций в современной прессе являются профессиональные журналисты, которые, по наблюдениям Е. И. Шейгал, выполняют роль «медиатора — посредника между политиками и народом» [2000, с. 62], выступая как ретрансляторы высказываний политиков, как комментаторы и аналитики политических событий. Вместе с тем многие рассмотренные тексты подписаны известными политиками, деятелями культуры, учеными, руководителями предприятий, бизнесменами, а также «рядовыми гражданами»: рабочими, крестьянами, инженерами, учителями и т. п. Еще более широким является круг потенциальных читателей указанных текстов. Все это позволяет сделать вывод о том, что предлагаемые нами материалы отражают речемыслительную деятельность самых широких слоев общества (с учетом коммуникативных ролей и адресата, и адресанта).

Политический язык (политический дискурс) во многих случаях пересекается с дискурсом научным, юридическим, художественным, бытовым и особенно публицистическим. В монографии Е. И. Шейгал [2000] отношения между политическим дискурсом и дискурсом масс-медиа представлены как шкала, начальные элементы которой максимально приближаются к дискурсу масс-медиа, а конечные относятся к собственно политическому. Исследователь выделяет на этой шкале следующие жанры: *памфлет, фельетон — проблемная аналитическая статья, написанная журналистом — колонка комментатора — передовая статья — репортаж (со съезда, митинга и т. п.) — информационная заметка — интервью с политиком — полемика (теледебаты, дискуссия в прессе) — политический документ (указ президента, текст закона, коммюнике) — проблемная аналитическая статья (написанная политиком) — публичная речь политика.*

Материалом для нашего исследования послужили тексты всех указанных жанров, за исключением текстов законов, указов президента и коммюнике, которые обладают признаками прежде всего официально-деловой юридической речи. За рамками исследования остались также научные тексты (монографии, учебники по политологии и т. п.) и литературные произведения (или произведения, хотя бы претендующие на художественность).

В процессе создания картотеки совмещались методики целенаправленной и сплошной выборки. Последняя оказалась необходимой прежде всего при выявлении типов метафоры, используемой в современных средствах массовой информации, при определении частотности и продуктивности различных метафорических моделей. Вместе с тем опыт показал, что в исследовании конкретных метафорических моделей более широко должна применяться целенаправленная выборка. Дело в том, что некоторые метафорические словоупотребления настолько распространены, что вполне могут быть проанализированы на материале ограниченной по объему выборки, а для выявления специфики других (встречающихся относительно редко) метафорических словоупотреблений необходимо изучение значительно большего корпуса текстов. Следует отметить, что даже при сплошной выборке во внимание не принимались объявления, тексты с рекламой товаров и услуг, статьи, репортажи и заметки, посвященные зарубежным проблемам и (или) написанные иностранными авторами, материалы, в которых рассматривались события прошлых эпох или давались прогнозы на отдаленное будущее, а также некоторые публикации, которые расценивались как совершенно аполитичные.

Чтобы не загромождать текст многочисленными повторами и не обязательной информацией, в настоящей монографии при цитировании тех или иных фраз с метафорическим словоупотреблением в качестве иллюстрации соответствующих положений и выводов обычно указывается только автор публикации. Зафиксированные при отборе материала название текста, название органа массовой информации и дата публикации приводятся лишь в самых необходимых случаях.

Хронологические рамки для отбора материала ограничены последним десятилетием XX века, которое в политической жизни России в основном приходится на период президентства Б. Н. Ельцина. Если использовать терминологию когнитивной лингвистики, то в этом периоде можно выделить «прототипические» и «непрототипические» отрезки, то есть центр и периферию.

Центральный отрезок, наиболее полно отражающий сущность периода, начинается с путча (август 1991), повлекшего распад Советского Союза и превращение России в суверенное государство (01.01.92) и заканчивается досрочным добровольным уходом

Б. Н. Ельцина с поста президента (31.12.99). К менее показательному периоду можно отнести время после избрания Б. Н. Ельцина на должность Президента Российской Федерации (июнь 1991 года), а возможно, и период работы будущего президента Председателем Верховного Совета России (с 1989 года), когда Россия была самой крупной, но все-таки лишь частью Советского Союза. Второй отрезок, условно включаемый в рассматриваемый период, — это начало 2000 года, своего рода «междоцарствие», то есть время, пока еще не был избран новый президент (март 2000) или даже пока не произошло официальное вступление В. В. Путина в должность.

Политический язык в отличие от политической власти не может измениться в один точно назначенный день. Политический язык эпохи Б. Н. Ельцина начал зарождаться в период «перестройки» (эпохи М. С. Горбачева) и, разумеется, не исчез бесследно в новогоднюю ночь 2000 года и даже в день инаугурации следующего президента. Это в полной мере относится и к системе базисных метафор, которая обычно преобразуется медленнее, чем прямые номинации.

В настоящем исследовании политический язык ельцинского периода сопоставляется с политическим языком периода «перестройки» (1985—1993), эпохи застоя (1964—1985), периода волюнтаризма (1953—1964), времен культа личности (1929—1953) и первых лет советской власти (1917—1929). Большинство из названных периодов хронологически совпадает со временем полновластия политического лидера страны (В. И. Ленин, И. В. Сталин, Н. С. Хрущев, Л. И. Брежнев, М. С. Горбачев) и последующего «междоцарствия». Названия каждого периода имеют эмотивные синонимы, отражающие различные политические и личные взгляды лидера на сущность соответствующего этапа развития государства: так, И. В. Сталин считал, что он живет в эпоху построения социализма, а его политические противники говорили о тоталитарном обществе; Н. С. Хрущев провозгласил эпоху построения коммунизма, но его непосредственные преемники назвали ее периодом волюнтаризма, а либералы — «оттепелью».

Далеко не все рассмотренные в настоящем исследовании примеры можно считать подлинными «жемчужинами» политического красноречия: вполне естественно, что некоторым авторам отказывает «чувство меры», некоторые метафорические образы производят

впечатление надуманных, в них можно усмотреть стремление к «красивости», а также смысловую непроясненность или двусмысленность, механическое нагромождение образов без их внутренней взаимосвязи. Например, Валерия Новодворская, стремясь войти в образ Геннадия Зюганова, сначала представляет его (точнее, себя) скорпионом:

- Просыпаюсь я утром и чувствую, что у меня отрос хвост с ядовитым жалом и много ножек. То есть просыпаюсь я жутким необъяснимым существом. Скорпионом. И от этого я мучаюсь, потому что скорпиону трудно повеситься. А повеситься мне обязательно нужно, поскольку я — Зюганов (В. Новодворская. Зюганов — дуршлаг русской революции // Не дай Бог! 1996. 4 мая) .

При дальнейшем развертывании образа агрессивный среднеазиатский скорпион превращается в растягивающего паутину для мух паучка:

- Зюганов — хитренький, жирненький паучок, который подбирается к жертве не сразу, а ждет, когда она окончательно запутается и затихнет, чтобы спокойнее можно было пить из нее кровь. Он всегда выжидал и трусил (Там же).

Развертывание текста продолжается с использованием наименования кухонной утвари (дуршлага), образа неотесанного бревна — единственного материала, который остался для вытесывания «коммунистических бойцов», и опять же паучка, который и обрабатывает бревна. Ср.:

- Теперь, когда все улеглось и затихло, он [Зюганов] начал строить свою КПРФ из подручного материала. Ну, вы знаете, каким бывает подручный материал — неотесанные бревна. И за этими деревяшками он сейчас и прячется, паучок с психологией дуршлага. Это именно дуршлаг. Потому что Зюганов просеивает через себя историю и остается одна только дрянь (Там же).

Продолжается нагромождение метафорических образов: *сон, переселение души, самоубийство — раскаяние, ядовитое жало и жестокость ног, выпитая кровь, коварство, повешение, трусость, люди-бревна и дуршлаг* как способ познания истории. Подобные метафоры соответствуют скорее жанру романа ужасов, чем стилю заочной дискуссии с политическим оппонентом. Однако каковы времена — таковы и нравы. Все рассматриваемые в данной монографии тексты

анализируются именно в том виде, в каком они были представлены в средствах массовой информации.

Автор настоящей монографии не считал возможным брать на себя функции упраздненной в России политической цензуры, а поэтому в исследуемых текстах отражаются политические взгляды и правых, и левых, и центристов, политические пристрастия как коммунистов, так и сторонников рыночной экономики, как национал-патриотов, так и демократов-западников. Некоторые рассматриваемые тексты с достаточными основаниями могут быть оценены как клеветнические, призывающие к неконституционному свержению существующего строя, пропагандирующие классовую, религиозную и национальную ненависть. Ср.:

- Лидеры экстремал-коммунистов призвали снова подняться на бой с преступным оккупационным режимом Бени Ельцина (Ю. Черныга. Большевицкое меньшинство // Коммерсант. 1999. 5 мая); Я вас, жидов, с собой на тот свет минимум десять человек по списку возьму (А. Макашов. Интервью // Сегодня. 1998. 7 окт.); Гайдар с Чубайсом нажили состояния на несчастьях ограбленных стариков (Н. Ильин. Народ не обмануть // Искра Уральская. 1996. 17 мая).

Подобные номинации, разумеется, выходят за рамки «джентльменских» дискуссий. Давать правовую оценку таким выражениям — дело суда и прокуратуры, а лингвист может лишь посетовать на недостаток политической и речевой культуры в современной России и выразить надежду, что языковеды нового поколения будут работать с более «изысканным» материалом. Но времена не выбирают.

Автор допускает, что некоторые рассмотренные в настоящей монографии высказывания не должны были бы тиражироваться в средствах массовой информации по причине их несоответствия нравственным нормам общества. Вице-премьер Валентина Матвиенко рассказывала, что она полгода пыталась отучить одного из высших чиновников от использования грубо-просторечной лексики на заседаниях правительства (Комсомольская правда. 2000. 24 нояб.), но добилась весьма скромных успехов. Многочисленные факты использования чрезвычайно грубой лексики в средствах массовой информации приводятся в статье В. И. Жельвиса [1998] и в книге М. В. Горбаневского, Ю. Н. Караулова и В. М. Шаклеина [1999]. Ср.:

- На же тебе, падла, социализм! У народа достаточно дерьма накопилось (М. Леонтьев. На самом деле // TV-центр. 1998. 31 окт.); А рабочему человеку трудно по одномандатному округу переговорить всех этих юристов, артистов, экономистов. Я вот вижу, как они красиво говорят, но ни хера не делают (С. Мостовщиков // Московские новости. 1999. март); Говорят, политика — грязное дело, политика — говно и политики тоже. Но политики разные. Одних, когда опускают в говно, они, чтобы выжить, начинают походить на массу, которая вокруг, растворяется. Другие отбрыкиваются — хотя оно все равно липнет (Б. Немцов. Интервью // Коммерсант-Власть. 1998. 17 нояб.).

К сожалению, подобные образы активно используются современными политиками и журналистами и поэтому не могли остаться за рамками настоящего исследования. Конечно, можно было бы попытаться ограничиться более пристойными метафорами, но тогда материал пришлось бы извлекать исключительно из пасхальных бесед послушниц Новодевичьего женского монастыря.

В последние годы нередко приходится слышать горестные стенания о деградации русского языка, который нуждается в защите от неких темных сил непатриотической внешности, которые наводят порчу на русский язык, стремясь тем самым навредить русской культуре и России в целом. Чтобы противостоять навшим чарам, предлагается объединиться «всем патриотическим миром» и создать специальную науку, призванную защищать русский язык (что-то вроде лингвистической милиции).

Подобная активность не имеет серьезных причин. Приводимые «лингвоэкологами» факты говорят, разумеется, не о порче русского языка, а о низкой речевой культуре его носителей (к их числу иногда относятся и известные журналисты, и политики). Сам же русский язык находится в состоянии динамичного развития, интенсивность которого соотносима с интенсивностью социальных изменений. Кроме того, нет уверенности в том, что предлагаемые «лингвоэкологами» для спасения русского языка лекарства действительно окажутся полезными: опытные врачи знают, что пичканье практически здорового человека разнообразными снадобьями может принести вред пациенту. Язык — это саморегулирующаяся система: нет сомнений в том, что в новом веке русский язык, отбросив все случайное, наносное и сиюминутное, станет еще богаче. Вполне возможно, что отвергаемые

многими инновации будут признаны обществом и это будет способствовать оптимальному отражению новых явлений в жизни страны.

1.3. Теория регулярной многозначности и когнитивное исследование концептуальной метафоры (контрастивное описание)

Феномен метафоры уже более двух тысячелетий продолжает находиться в центре внимания лингвистов, имеется немало исследований, специально рассматривающих однотипные вторичные значения. Однако в этой области по-прежнему остается множество «белых пятен» и дискуссионных проблем.

Нетрудно заметить, что существует множество терминов для обозначения метафорических моделей, которые образно представляют ту или иную денотативную (понятийную) сферу. При этом используется лексика, относящаяся в первичном значении к совсем иной сфере (концепты, принадлежащие к иной понятийной сфере). Для обозначения такого моделирования (и ряда близких явлений) специалисты используют термины «архетип» или «метафорический архетип» [Панченко, Смирнов, 1976; Юнг, 1987], «концептуальная метафора», «базисная метафора» [Лакофф, Джонсон, 1990], «ментальная модель» [Джонсон-Лэрд, 1983], «метафорическая модель» [Баранов, Караулов, 1991], «образ-схема» [Лакофф, 1988], «парадигма образов» [Павлович, 1995], «поэтическая формула» [Кузьмина, 1999], «образ» [Илюхина, 1998], «модель регулярной многозначности» [Шмелев, 1964; 1973; Апресян, 1974; Чудинов, 1988], «метафорическое поле» [Скляревская, 1993] и др. Все эти термины имеют различную внутреннюю форму, которая акцентирует собственно лингвистический, общефилологический, психологический или когнитивный аспекты рассматриваемого явления, отражают традиции различных научных школ и направлений.

Едва ли не каждое новое направление в лингвистике предлагает свое понимание сущности и свои представления о функциях метафоры, свои методики изучения отдельных метафор, типов метафор и метафорических моделей. Для лингвистической науки конца XX

века особенно значимыми оказались представления о концептуальной метафоре (метафорической модели) как о средстве познания и объяснения действительности.

Теоретической основой предлагаемого ниже описания закономерностей метафорического моделирования действительности стали два научных направления: теория регулярной многозначности, разрабатываемая отечественными лингвистами в рамках структурно-семантического описания языка (Ю. Д. Апресян, Д. Н. Шмелев, Н. В. Багичева, Л. В. Балашова, Н. И. Бахмутова, Л. А. Новиков, И. А. Стернин, А. П. Чудинов и др.), и теория концептуальной метафоры, возникшая в США как направление когнитивной лингвистики (Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.) и успешно развиваемая в России. В настоящей работе автор стремился использовать все лучшее, что создано представителями каждого из названных лингвистических направлений — совершенно различных по исходным теоретическим предположениям и в то же время удивительно близких по методике и некоторым конкретным результатам исследования речевой деятельности.

Истоки современной теории регулярной многозначности можно обнаружить в истории нескольких областей научного знания.

Во-первых, в психологических исследованиях поэтического творчества: так, К. Г. Юнг относил рассматриваемые им «архетипы» к сфере коллективного бессознательного, где откладывается совокупный, миллионы раз повторяющийся опыт человечества; эти архетипы сохраняются тысячелетиями и вместе с тем постоянно обновляются: например, «вместо Зевесова орла или птицы Рок выступает самолет, вместо сравнения с драконом — железнодорожная катастрофа, вместо хтонической матери — толстая торговка овощами» [1979, с. 187].

Во-вторых, теория регулярной многозначности восходит и к наблюдениям над параллельными семантическими процессами в истории языка (Ш. Балли, Ж. Вандриес, В. Вундт, М. Бреаль, Ф. И. Буслаев, М. М. Покровский, А. А. Потебня и др.).

В-третьих, большую роль в возникновении рассматриваемого направления сыграли исследования по системности лексики и лексико-семантическим группам слов, в ходе которых были обнаружены многочисленные факты однотипности вторичных значений (У. Вейнрейх,

С. Креш, Дж. Лайонз, С. Ульманн, Л. М. Васильев, Э. В. Кузнецова, А. А. Уфимцева, Д. Н. Шмелев и др.).

В-четвертых, для теории регулярной многозначности оказались очень важными идеи А. Н. Веселовского, который стремился выявить истоки «вековых метафор» и определить, почему они воспроизводимы в новых условиях, в чем причины их «емкости по отношению к новым спросам чувства, подготовленного широкими образовательными и общественными течениями» [1989, с. 153], а также дальнейшее развитие этих идей в трудах В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, А. И. Ефимова, А. Д. Григорьевой, В. П. Григорьева, Н. Н. Ивановой, Н. А. Кузьминой, Б. А. Ларина, Л. В. Щербы и др. Несомненную роль в возникновении учения о регулярной многозначности сыграли и исследования по регулярности словообразовательных процессов (Г. О. Винокур, Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова, В. В. Лопатин, И. С. Улуханов и др.).

Термин «модель» при описании регулярной многозначности впервые употребил Д. Н. Шмелев, который писал о распространенности «контекстно обусловленных метонимических замен, опирающихся на определенную более или менее устойчивую семантическую модель» [1964, с. 64].

Далее исследователь говорит о необходимости вхождения слов в одно семантическое объединение как обязательном условии развития параллелизма семантических структур, разграничивает регулярные, относительно регулярные и нерегулярные вторичные значения, рассматривает вопрос о продуктивности метонимических и метафорических переносов. При описании однотипных семантических преобразований в конкретных группах лексики Д. Н. Шмелев впервые демонстрирует принципы, методы и приемы исследования регулярной многозначности.

В исследованиях Ю. Д. Апресяна [1971; 1974] предпринята попытка определить состав ведущих моделей многозначности для русских существительных, прилагательных и глаголов, создать своего рода перечень моделей с указанием степени их продуктивности и регулярности. Ю. Д. Апресян впервые ставит вопрос о критериях квалификации параллельных вторичных значений в качестве регулярной многозначности.

В дальнейшем была существенно усовершенствована методика описания регулярной многозначности, предложена многомерная классификация моделей и широкая теория регулярного семантического варьирования, осуществлено описание множества конкретных моделей, выявлены разнообразные факторы, способствующие и препятствующие развитию регулярной многозначности (Н. В. Багичева, Н. И. Бахмутова, Н. А. Боровикова, Л. М. Васильев, А. А. Кретов, Э. В. Кузнецова, Т. И. Новоселова, Е. В. Падучева, С. В. Плотникова, Н. П. Сидорова, И. А. Стернин, С. В. Томилова, А. В. Цыганкова, А. П. Чудинов и др.).

Теория концептуальной метафоры была впервые изложена в книге Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [1980]. На русском языке отрывки из этой книги опубликованы в сборниках «Язык и моделирование социального взаимодействия» [1987] и «Теория метафоры» [1990].

В основе теории концептуальной метафоры лежит представление о метафоре как о языковом явлении, отражающем процесс познания мира. В соответствии с рассматриваемой теорией метафорические модели заложены в понятийной системе человеческого разума, это своего рода схемы, по которым человек думает и действует. Соответственно наблюдения за функционированием метафор признаются важным источником данных о функционировании человеческого разума.

История развития и основные положения теории концептуальной метафоры достаточно полно и объективно изложены не только в зарубежных и поэтому не всегда доступных для отечественного читателя изданиях, но и в опубликованных на русском языке работах А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [1997], В. З. Демьянкова (1994), Е. С. Кубряковой (1994; 1999), Е. В. Рахилиной [1998], Т. Г. Скрещевой [2000] и целого ряда других авторов. Сложился даже определенный стереотип композиции подобных публикаций: противопоставление традиционной (генеративистской) и новой (когнитивной) лингвистики. Такой подход вполне закономерен: основоположники когнитивистики как нового направления в американской лингвистике начинали свои исследования в период всеобщего увлечения теорией порождающей грамматики Ноэма Хомского.

Идеи порождающей грамматики плодотворно развивались и в Советском Союзе (в этом отношении особо выделяется деривационная теория Л. Н. Мурзина), однако в нашей стране генеративистика не стала ни основным, ни даже ведущим научным направлением. Значительно более широкое признание получили структурные методы исследования словесной семантики, в том числе компонентный анализ отдельного значения слова, системы значений полисемантического слова, регулярности во вторичных значениях близких по семантике слов. Следовательно, в публикациях, ориентированных на российского читателя, сопоставление основных положений структурной и когнитивной лингвистики столь же необходимо, как сопоставление когнитивистики и генеративистики в публикациях, ориентированных на американскую аудиторию.

В настоящей работе специфика созданной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном теории концептуальной метафоры (как составной части когнитивной лингвистики) будет рассмотрена на фоне получившей в России широкое распространение теории регулярной многозначности (как одного из вариантов структурно-семантического описания словесной семантики). Для контрастивного рассмотрения каждого из указанных направлений ниже будут даны типичные представления структуралистов и когнитивистов о целях семантического анализа, о значении слова, о семантической структуре многозначного слова, об отношениях между значениями многозначного слова, метафорической модели и охватываемых такой моделью единицах. Следует учитывать, что в данном обзоре говорится только о наиболее типичных представлениях, а это (да и сам жанр краткого обзора) не позволяет в полной мере отразить мнение всех специалистов и все богатство каждого из названных направлений.

1. Предмет и цель когнитивного (семантического) анализа

1а. Структурно-семантический подход

Изучить структуру (внутреннее строение) языка, то есть прежде всего выделить по возможности все его элементы (семы, значения слов и т. п.) и правила сочетания этих элементов, выявить структуру семантических полей и взаимосвязи между ними. В последние годы специалисты настойчиво подчеркивают полевую природу многих

языковых единиц (наличие центра, ядра и периферии, диффузность границ и др.), а также взаимосвязь собственно языка и условий его функционирования, особую роль языковой личности.

1б. Когнитивный подход

Исследовать закономерности категоризации и концептуализации действительности человеческим мышлением с учетом субъективности восприятия мира, различных фокусов его восприятия, профилирования, степени детализации, использования не строго логических, а естественных категорий, «наивного» членения мира. Языковое содержание воспринимается только как часть общей когнитивной системы человека. Язык не обладает самодостаточностью и не может быть объективно описан без учета когнитивных процессов. Именно поэтому во многих работах по когнитивной лингвистике крайне осторожно используются собственно лингвистические термины («семантический компонент», «семантическое поле» и др.) и предпочитают когнитивные термины «понятийная сфера», «концепт», «домен» и др.

2. Значение слова

2а. Структурно-семантический подход

Значение слова атомарно, то есть оно разложимо на ряд семантических признаков, среди которых, по мнению Д. Н. Шмелева, выделяются категориальные, дифференциальные, интегральные и ассоциативные (в других концепциях количество выделяемых типов сем обычно увеличивается). Важно максимально полно определить число образующих значение сем, выявить их статус и специфику взаимосвязей. В последние годы особое внимание специалистов привлекают периферийные компоненты семантики слова — факультативные, ассоциативные, вероятностные, слабые, коннотативные семы. Все это позволяет представить значение слова как поле. Важный источник сведений о компонентном составе слова — толковые словари.

2б. Когнитивный подход

Значение слова является частью общей понятийной системы человека. Оно определяется особенностями концептуализации мира человеком, которые в свою очередь обусловлены опытом его взаимо-

действия со средой и способностью к мышлению. Значение слова — это своего рода гештальт, поле, в котором выделяются центр и периферия, яркие и слабые признаки; точный подсчет их числа не имеет особого смысла, крайне сложен и не входит в число первоочередных задач, поскольку когнитивная лингвистика постулирует невозможность и ненужность дифференциации языковой и энциклопедической информации.

3. Семантическая структура многозначного слова

3а. Структурно-семантический подход

Семантическая структура многозначного слова состоит из отдельных значений (лексико-семантических вариантов). В семантической структуре многозначного слова различаются первичное (основное) и вторичные значения. Один из надежных источников сведений о количестве значений слова и их семной структуре — материалы толковых словарей. Основное значение слова первым приводится в словарной статье, оно, как правило, наиболее частотно, характеризуется сильными парадигматическими связями. Вторичное значение слова воспринимается как производное от основного, оно особым образом представляется в толковом словаре, его актуальный смысл определяется контекстом (синтагматическими связями). В словарях часто разграничиваются пронумерованные значения слова и пронумерованные оттенки значения слова, но это разграничение преимущественно лексикографическое и при конкретном семантическом анализе его можно не принимать во внимание.

3б. Когнитивный подход

Многозначное слово характеризуется размытыми границами как вовне (например, между омонимами), так и внутри (между значениями). Не имеет особого смысла подсчитывать количество этих значений. Когнитивная лингвистика не поддерживает также инвариантный подход к значению полисеманта, то есть не признает наличия единого, хотя и очень обобщенного значения. Существующие толковые словари не могут служить надежным источником сведений о специфике отношений между значениями слова. Внутренняя структура многозначного слова представляет собой сетевую модель,

узлы (значения) которой связаны между собой отношениями различной природы и различной степени близости; одни из этих компонентов соответствуют всем основным признакам категории (представляют собой своего рода «лучший образец»), а другие — лишь некоторым признакам. Все названные компоненты объединяются признаками «семейного сходства».

4. Отношения между значениями слова

4а. Структурно-семантический подход

Отдельные значения многозначного слова противопоставляются друг другу по семному составу. Анализ многозначного слова — это прежде всего выявление сем, по которым различаются значения этого слова, а также выявление типов связей между значениями, в том числе метафорической и метонимической.

4б. Когнитивный подход

Первостепенное внимание уделяется изучению метафоры, а также (позднее) метонимии, которые рассматриваются в качестве важнейшего источника сведений об организации человеческого мышления. Производящее и метафорическое (производное) значения имеют общие компоненты, которые могут представлять интерес при анализе метафоры, но более показателен анализ ментальных пространств (понятийных сфер), к которым относятся прямое и метафорическое значения слова.

5. Метафорические модели

5а. Структурно-семантический подход

Близкие по основному значению слова часто имеют однотипные вторичные значения. Типовое соотношение первичных и вторичных значений близких по значению слов может служить моделью для модификации значений иных слов, принадлежащих к той же лексико-семантической группе. Модель многозначности — это существующее в сознании носителей языка типовое соотношение семантики находящихся в отношениях мотивации первичных и вторичных значений, являющееся образцом для возникновения новых вторичных значе-

ний. Указанные модели подразделяются на метафорические и метонимические, причем степень регулярности первых выше, чем вторых. В последние годы все чаще внимание специалистов привлекают однотипные вторичные значения слов, относящихся не только к одной лексико-семантической группе, но и к любому семантическому объединению слов. В связи с этим различаются общие, специальные и частные модели многозначности, а также широкие и узкие модели.

5б. Когнитивный подход

Метафора — это не образное средство, связывающее два значения слова, а основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы. Метафора — это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления. Метафоры заложены уже в самой понятийной системе мышления человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует. Различаются ориентационные метафоры (они опираются на пространственные оппозиции типа «верх — низ», «центр — периферия», «больше — меньше» и т. п.), онтологические метафоры (например, представление человеческой души как некоего вместилища чувств, представление неодушевленных предметов как живых существ) и структурные метафоры, которые дают возможность использовать одну понятийную сферу для описания другой. Например, течение спора нередко описывается как боевые действия, жизнь человека — как путешествие. В последние годы наряду с моделями концептуальной метафоры все чаще и чаще описываются метонимические модели, которые также рассматриваются как своего рода схемы человеческого мышления.

6. Охватываемые моделью единицы

6а. Структурно-семантический подход

Каждая модель предопределяет возможность преобразования значений семантически близких слов одной части речи, например глаголов перемещения, прилагательных вкуса, существительных с общим значением «возраст» и т. п. В последние годы внимание специалистов все чаще привлекают однотипные значения слов различ-

ных частей речи. В соответствии с первоначально приведенным определением при описании модели не учитываются фразеологизмы (поскольку это не слова), сравнительные обороты (поскольку в них нет преобразования значения слова), близкие по значению слова, принадлежащие к различным частям речи.

66. Когнитивный подход

В соответствии с общими представлениями когнитивной лингвистики язык — это единый континуум символьных единиц, не подразделяющийся естественным образом на лексикон, морфологию и синтаксис. Поэтому при анализе концептуальной метафоры принимаются во внимание не только собственно метафоры, но и сравнительные обороты, разнообразные перифразы, метонимия и иные образные средства, учитываются не только собственно слова, но и фразеологизмы, составные наименования; в равной степени рассматриваются слова, относящиеся к различным частям речи, лексико-грамматическим разрядам и семантическим объединениям. Иначе говоря, понятийное сближение воспринимается как фактор значительно более важный, чем уровневые или структурные различия.

В целом сопоставление структурного и когнитивного подходов к рассмотренным проблемам позволяет сделать следующие выводы:

- 1)** несмотря на все отмеченные различия, в теории и особенно в методике описания моделей концептуальной метафоры и моделей регулярной многозначности существуют общие элементы;
- 2)** в некоторых случаях возможен своего рода «перевод» терминов с одного лингвистического «языка» на другой;
- 3)** различия между рассмотренными теориями нередко связаны с фокусированием внимания: вопрос, чрезвычайно важный для представителей одной теории, нередко предстает как второстепенный в публикациях, отражающих взгляды другой лингвистической школы;
- 4)** рассмотренные концепции способны в определенной степени обогатить друг друга; во всяком случае, всякий серьезный лингвист стремится учитывать опыт, накопленный другими школами и направлениями;

- 5) многие публикации специалистов по регулярной многозначности уже в той или иной степени учитывают достижения когнитивистики; к сожалению, пока трудно говорить о двустороннем взаимовлиянии американской и российской лингвистики, в том числе и по отношению к рассмотренным направлениям.

2 1.4. Методика описания метафорической модели

Как уже было показано выше, в теории регулярной многозначности и в теории концептуальной метафоры выделяются как сопоставимые, так и совершенно особенные черты. Для более полной характеристики специфики каждого из рассмотренных направлений ниже приводятся примеры описания моделей регулярной многозначности и концептуальной метафоры.

При описании модели регулярной многозначности необходимо охарактеризовать лексико-семантические группы (или другие семантические объединения), к которым относятся соответствующие слова в первичных и вторичных значениях, а также типовой компонент семантики, служащий основой для развития вторичных значений, и (по возможности) семы первичного значения, которые актуализируются во вторичном значении.

Типовой образец регулярной многозначности представляет система значений глаголов передвижения в пространстве. Указанные значения могут иметь не только глаголы горизонтального перемещения (*идти, бежать, плыть, скакать, ехать, уходить, возвращаться* и др.), но и глаголы вертикального перемещения (*подниматься, взлетать, падать* и т. п.), а также глаголы со значением каузации горизонтального и вертикального перемещения (*везти, гнать, тащить, поднимать, сбрасывать* и т. п.).

В соответствии с одной из моделей эти глаголы могут обозначать во вторичных значениях социальные изменения: человек может продвигаться вперед на пути к социальному успеху, подниматься по социальной лестнице, но иногда он останавливается, отстает и даже падает с вершин власти. Приведем несколько примеров:

- Понимаете, Валя, вот ваш отец садовник, вы медсестра. А я всю жизнь карабкался, карабкался (Ю. Трифонов); Не получится здесь — буду возвращаться в старую контору, там работы всем хватит (И. Штемлер); Деловая женщина. Никакой диалектики. Далеко пойдет (А. Иванченко); Из дремучего угла ты, Федот Васков, в коменданты выполз (Б. Васильев); Дело в том, что Якушев гонит меня из треста без согласования с Москвой (Ю. Сергеев); Ну, Никитин, прорвешь целину и в Чеховы на белом коне выедешь (Ю. Бондарев); В придворных сферах Петербурга началась передвижка персон, и кое-кто подвинулся, а кое-кто поднялся на ступеньку выше, и очень высоко подскочил Артемий Вольнский (В. Пиккуль).

При описании регулярной многозначности отмечается, что во вторичных значениях обычно сохраняются (хотя и в несколько ином виде) дифференциальные и ассоциативные признаки, присущие слову в первичном значении. Это в значительной мере помогает более точно отразить особенности социальных изменений.

Например, в рассмотренных выше контекстах для глаголов *ползти* и *карабкаться* очень значимы признаки «трудоемкость», «замедленность»; для глагола *выехать* в сочетании с контекстуальным распространителем *на белом коне* очень значимы признаки «торжественность», «престижность для субъекта». У глагола *гнать* сохраняется сема «каузативность». Показательно, что социально идти вперед, подниматься, останавливаться или падать может не только отдельный человек, но и государство, общественная организация, коммерческая фирма и другие социальные структуры.

Помимо рассмотренной, глаголы перемещения в пространстве имеют еще несколько моделей многозначности. В частности, они способны обозначать динамику интеллектуальной деятельности и эмоциональных состояний. Ср.:

- Постепенно пришла уверенность в себе, наладились отношения (И. Штемлер); Лихачев лениво жевал перепаренное мясо, и настроение его все больше и больше падало (Г. Марков); Хорошие мысли приходили ему в голову: жаль только, что редко они там оставались надолго (А. Тонков).

В соответствии со второй моделью глаголы перемещения в пространстве способны обозначать темпоральные изменения: время может *идти*, *бежать*, *ползти*, *тянуться* и т. п. Ср.:

- *Катились* дни, быстро *перепрыгивая* через темные ямы ночей (М. Горький); И *потекли* часы, складывающиеся в быстрые сутки, сутки — в еще более длинные недели (В. Астафьев); Весна по всем приметам *шла* скорая, дружная (Ф. Абрамов).

В соответствии со следующей моделью многозначности глаголы, характеризующие среду перемещения и его способ (*идти, плыть, лететь, скользить, литься, сыпаться, течь, ползти* и т. п.), обозначают перемещение в иной среде или иным способом. Ср.:

- Змея отвела прочь голову и, струясь острозубчатой выпестринкой спины, *потекла* в сторону (В. Иванов); Самолетик, вздрагивая, *бежит* по земле и вдруг останавливается (С. Георгиевская).

Нетрудно заметить, что во всех рассмотренных метафорических словоупотреблениях глаголов важную роль играет акцентирование таких периферийных сем, как «скорость», «трудоемкость», «приятность», «непрерывность» и др.

В первые десятилетия существования теории регулярной многозначности рассматривались однотипные вторичные значения слов только одной части речи и только одной лексико-семантической группы. Позднее было высказано мнение о целесообразности изучения однотипных вторичных значений близких по семантике слов, относящихся к различным частям речи (межчастеречные модели). В это же время было снято требование о принадлежности соответствующих модели слов к одной лексико-семантической группе, после чего стала возможна дифференциация общих моделей (соответствующие слова принадлежат к одному лексико-грамматическому разряду), специальных моделей (соответствующие слова принадлежат к одной лексико-семантической группе) и частных моделей (соответствующие слова объединяются однотипными периферийными семами).

Примерами общих моделей могут служить абстрактивизация — развитие у слов конкретной семантики абстрактных значений — или персонификация — развитие у слов предметной семантики способности обозначать действия живых существ. Реализацию частной модели можно наблюдать при анализе однотипных вторичных значений, связанных с обозначением интенсивной работы с полной отдачей сил, у глаголов столь различной семантики, как *вертеться, вкалывать, гнутья, крутиться, ломить, пахать, потеть, пыхтеть*. Примером

реализации специальной модели могут служить рассмотренные выше типовые вторичные значения глаголов перемещения. В конкретных текстах нередко наблюдаются факты взаимодействия различных типов моделей многозначности [См.: Чудинов, 1986; 1988; *Многозначность* в лексике современного русского языка, 1999 и др.].

В русле теоретических положений когнитивной лингвистики рассмотренная выше модель регулярной многозначности глаголов перемещения в пространстве окажется лишь частным случаем реализации обширной метафорической модели, в соответствии с которой наименования из понятийной сферы «перемещение в пространстве» способны обозначать социальные изменения. Как уже говорилось выше, при когнитивном анализе метафорических моделей элиминируются все ограничения, определяющие особенности традиционного структурного подхода, в том числе не только требования о принадлежности рассматриваемых элементов к одной лексико-семантической группе или хотя бы к одной части речи, но и ограничения, связанные с уровнями языка: в рамках единой системы рассматриваются собственно лексические единицы, фразеологизмы и их компоненты, а также другие воспроизводимые единицы (пословицы, поговорки, афоризмы и т. п.). К анализу привлекаются не только собственно метафоры, но и другие тропы: метафорический эпитет, сравнение, ирония, гипербола, литота и т. п. Приведем несколько примеров подобной метафоры из современных российских политических текстов:

- Без порядка и дисциплины невозможно двигаться вперед по пути реформ (Э. Россель); Не последнюю роль в желании губернатора уйти в отпуск, вероятно, сыграла и необходимость остановиться, оглянуться, переоценить изменившуюся обстановку и наметить ориентиры для нового броска (В. Смелов); Все это лишний раз доказывает, что караван ушел, а Голубицкий образца 1999 года остался на обочине большой политики (Д. Левитан).

В рассмотренных примерах для обозначения социальных изменений используются не только глаголы перемещения в пространстве, но и связанные с данной понятийной областью слова иных частей речи. Метафорический образ становится развернутым: в одних случаях необходимо идти вперед, а в других — остановиться и огля-

нуться; можно двигаться по общему пути, можно искать свою тропинку, но можно и, отстав от каравана, остаться на обочине. Движение осложняют ухабы и рытвины на дороге, часто на пути оказываются барьеры; к тому же иногда трудно выбрать верную дорогу, особенно на распутье; нелегко бывает повернуть в нужную сторону. Ср.:

- Сейчас сельское хозяйство на распутье — то ли в фермерский путь отправиться, то ли в привычный совхозно-колхозный (П. Зелютин); Ухабы судебной реформы тормозят экономическое развитие (С. Добрынина); Понятно, что едем не по асфальтовой дороге, а по ухабистому проселку. И все-таки с улыбкой ехать легче (В. Филиппов); Зададимся вопросом: в состоянии ли Россия выдержать крутой поворот (П. Зелютин).

В следующих контекстах метафорический образ становится еще более многоаспектным, поскольку используются все новые и новые элементы структурирования исходной понятийной сферы: оказывается, что в плавание могут и не отпустить, для социального перемещения используются разнообразные транспортные средства, в составе экипажа выделяются профессиональные роли, движение осложняют политические бури, течения и рифы:

- Прежде чем отпустить эти республики в «свободное плавание», нужно было обо всем договориться с ними и зафиксировать это на бумаге (Ф. Шелов-Ковердяев); Развернувшись поперек течения, область дрейфует на камни. А рулевой все пытается убедить гребцов, что течение вот-вот повернет судно в обратном направлении (Г. Явлинский); Сейчас мы сидим не просто в худой лодке — мы тонем. Подумайте сначала о береге, на который вы выйдете, а потом будете расставлять приоритеты: кому сидеть по правую, а кому — по левую сторону (В. Зорькин); Корабль вот-вот налетит на рифы. А уж поскольку виновники предстоящего с фатальной неизбежностью кораблекрушения названы поименно, капитан — известен, то впереди — ожидаемый с нескрываемым злорадством отчет о причинах аварии с неизбежными оргвыводами (А. Алейников).

Использование этого варианта модели позволяет представить историческую судьбу страны (региона, политического движения, организации и т. п.) как движение корабля, то есть хорошо известной всем и детально структурированной понятийной сферы. Поэтому

при дальнейшем развертывании метафорического образа встают вопросы о том, насколько продуман маршрут, правильно ли намечен конечный пункт, хватит ли топлива и продовольствия, насколько квалифицированна и дисциплинированна команда, почему часто меняются штурманы и не пора ли заменить капитана.

Как показывают рассмотренные примеры (их круг легко может быть расширен), метафорическая модель характеризуется открытостью, способностью ко все более детальному, не имеющему каких-либо границ развертыванию с использованием все новых и новых компонентов. Вместе с тем можно определить типовые направления развертывания данной модели. К ним следует отнести тип, скорость и среду перемещения, его пространственные ориентиры, факторы, способствующие и препятствующие ему, используемые транспортные средства и др. Многие из названных направлений допускают своего рода «разветвления»: например, при появлении транспортного средства оказывается возможным развертывание по следующим направлениям: экипаж и отношения внутри его, составляющие транспортное средство элементы и т. п. Структурировав подобный материал, можно выделить несколько типовых направлений расширения рассматриваемой модели:

- 1) способ и среда передвижения (по поверхности земли, по воздуху, по воде; ходьба, бег и т. п.; с использованием или без использования транспортных средств и др.);
- 2) маршрут передвижения (начальный, промежуточный и конечный пункты, ориентиры, остановки и др.);
- 3) цель, причины и характер передвижения (добровольное или вынужденное, ожидаемые результаты, наличие плана и карты и др.);
- 4) факторы, способствующие и препятствующие успешному передвижению (погода, наличие дорог и мостов, наличие удобной одежды, перемещаемый груз и др.);
- 5) используемые транспортные средства (их конструкция, степень надежности, запасы топлива и др.);
- 6) попутчики (или команда транспортного средства), распределение функций, психологическая совместимость и др.;
- 7) анализ результатов путешествия.

Чем детальнее структурирована понятийная сфера-источник, чем больше номинативные возможности понятийной сферы-донора, тем больше потенциал метафорической модели. Используемая в теории регулярной многозначности методика описания моделей не является чем-то раз и навсегда данным, она постоянно совершенствуется и во многом зависит от задач исследования, его материала и теоретических взглядов исследователя. Это же можно сказать о методике описания метафорических моделей в когнитивной лингвистике. Представляется, что при анализе современной политической речи для описания метафорической модели необходимо охарактеризовать следующие ее признаки:

- 1) **ИСХОДНУЮ ПОНЯТИЙНУЮ ОБЛАСТЬ** (в других терминах — ментальную сферу-источник, сферу-донор, источник метафорической экспансии), то есть в терминах теории регулярной многозначности семантическую сферу, к которой относятся охватываемые моделью слова в первичном значении;
- 2) **НОВУЮ ПОНЯТИЙНУЮ ОБЛАСТЬ** (в других терминах — ментальную сферу-мишень, денотативную зону, реципиентную сферу, направление метафорической экспансии), то есть в терминах теории регулярной многозначности семантическую сферу, к которой относятся охватываемые моделью слова в переносном значении;
- 3) **ТИПОВЫЕ ДЛЯ ДАННОЙ МОДЕЛИ СЦЕНАРИИ**, которые отражают наиболее характерные для исходной понятийной сферы последовательности ситуаций: например, сценарий «войны» предполагает ее подготовку, объявление, ведение боевых действий с использованием разнообразного оружия, возможность ранения (с последующим лечением) и смерти участников боев, победу или поражение и т. п.;
- 4) **ОТНОСЯЩИЕСЯ К ДАННОЙ МОДЕЛИ ФРЕЙМЫ**, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира и которые структурируют соответствующую понятийную область (концептуальную сферу); такими фреймами, в частности, являются названные выше составляющие сценариев «войны» и «путешествия. По определению В. З. Демьянкова, фрейм — «это единица знаний, организованная вокруг

некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия... Фрейм организует наше понимание мира в целом... Фрейм — структура данных для представления стереотипной ситуации» [Кубрякова и др., 1996, с. 188];

- 5) **СОСТАВЛЯЮЩИЕ КАЖДЫЙ ФРЕЙМ ТИПОВЫЕ СЛОТЫ**, то есть элементы ситуации, которые включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации. Например, фрейм «Вооружение» включает такие слоты, как «огнестрельное и холодное оружие», «боевая техника», «боеприпасы» и т. п. При характеристике составляющих слота мы используем термин «концепт»; для обозначения концептов чаще всего используются слова естественного языка. Как отмечает Е. С. Кубрякова, концепт отражает представления «о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких *квантов* знания» [Там же, с. 90]. Концепт в отличие от лексической единицы (слова) — это единица сознания, ментального лексикона. По словам Е. В. Рахилиной, «главным свойством концептов нередко считается их неизолированность, связанность с другими такими же — это определяет то, что всякий концепт погружен в домены, которые образуют структуру... Домены образуют тот фон, из которого выделяется концепт» [2000, с. 3]. Совокупность всех существующих в национальном сознании концептов образует концептуальную систему, концептосферу;
- 6) **КОМПОНЕНТ, КОТОРЫЙ СВЯЗЫВАЕТ ПЕРВИЧНЫЕ И ВТОРИЧНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ОХВАТЫВАЕМЫХ ДАННОЙ МОДЕЛЬЮ ЕДИНИЦ**, то есть выяснить, что дает основания для метафорического использования соответствующих концептов, почему понятийная структура сферы источника оказывается подходящей для обозначения элементов совсем другой сферы.

При дальнейшей характеристике метафорической модели обычно можно определить ее продуктивность (способность к развертыванию и типовые направления развертывания) и частотность, выявить

прагматический потенциал, то есть типовые особенности воздействия на адресата, а также «тяготение» модели к определенным сферам общения, речевым жанрам, социальным ситуациям и т. п.

Если использовать метафорический образ, то сценарий модели можно сопоставить с последовательностью кадров на киноплёнке, фрейм — с отдельным кадром, а слот — с его частью. Если быть более точным, то сценарий модели следовало бы сравнивать не с каким-то конкретным фильмом, а с типовым содержанием фильмов определенного жанра (детектив, «мыльная опера» и т. п.). Соответственно фрейм — это как бы типичный кадр из соответствующих фильмов (например, полиция преследует преступников), а слот — типовой компонент такого кадра.

Прагматический потенциал модели (сценария, фрейма, слота) — это типовое эмоциональное воздействие, которое способно оказать соответствующее высказывание на адресата.

В целом материалы данного раздела свидетельствуют о наличии определенных точек соприкосновения между рассматриваемыми научными концепциями, и это дает основание для использования при исследовании современной российской политической метафоры всего лучшего, что создано отечественной теорией регулярной многозначности и родившейся в Соединенных Штатах теорией концептуальной метафоры.

1.5. Функции метафоры в современном отечественном политическом дискурсе

Для более полного понимания специфики метафорического моделирования в сфере современной российской политики необходимо рассмотреть функции политической метафоры, попытаться определить, почему отечественные политики и журналисты так часто используют образную номинацию, почему предпочтение отдается определенным сферам-источникам, в какой мере метафора способна участвовать в развитии социального самосознания. Рассматривая функции метафорического моделирования, специалисты по регулярной многозначности отмечают, что при его помощи человек «как бы отмечает пункты наиболее напряженной активности человеческой мысли по выработке адекватного миропонимания», эти модели сво-

его рода «русло, по которому привычно движется бессознательная творческая активность всенародного сознания, и дискуссионное поле, творческая лаборатория по созиданию образа мира у человека» [Постовалова, 1994, с. 208]. Использование новых слов по уже существующим моделям часто создает в тексте оптимальное соотношение стандарта (использование модели), экспрессии (различные виды оживления метафоры), привлекает внимание адресата к способу выражения мысли, которая воспринимается как более яркая и значимая.

В соответствии с представлениями современной когнитивной семантики метафорическое моделирование — это отражающее национальное, социальное и личностное самосознание средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к совершенно иной понятийной области. Соответственно в качестве основной выделяется **КОГНИТИВНАЯ** функция метафоры, то есть функция обработки и переработки информации. Следует уточнить, что когнитивная функция — это основная, но не единственная функция метафорической модели. В качестве материала для анализа рассмотрим следующие фразы, включающие метафоры:

- **1а)** Обросшая жирком КПРФ на столь резкие шаги не готова (Н. Еремеев) — **1б)** Имеющая немалую собственность (большой опыт?) КПРФ не готова к решительным действиям.
- **2а)** Бабицкого пожевали и выплюнули, сбивчиво путаясь в собственном вранье (И. Яковенко) — **2б)** Бабицкого использовали в нужный момент и быстро отказались от него.
- **3а)** Печатный пряник в виде государственных субсидий для прикормленных СМИ оборачивается кнутом (С. Новопрудный) — **3б)** Приманка в виде государственных субсидий для получающих деньги от государства СМИ может быть источником неприятностей.

Как известно, методика сопоставления метафорических и неметафорических обозначений, попытки установить степень их эквивалентности (синонимичности) часто вызывают вполне обоснованные возражения. Однако представляется, что такая методика все-таки возможна, хотя бы в качестве рабочего инструмента для изучения

функций политической метафоры. Для структурной семантики различия между метафорическими и неметафорическими номинациями заключаются преимущественно в следующем: слова с прямой и образной номинацией совпадают по набору основных семантических признаков, но метафора обладает мощным коннотативным ореолом: семы эмотивности, яркая внутренняя форма, образность — все это дает разнообразные дополнительные приращения смысла и влияет на восприятие текста адресатом.

В когнитивистике значение высказывания определяется прежде всего способом «ментального конструирования» говорящим той или иной ситуации, а эти способы в метафорических и неметафорических высказываниях принципиально различны. Сила метафоры, ее «голубая кровь» (А. Н. Баранов) в эффекте балансирования между сказанным и несказанным, между определенностью и неопределенностью, в известной условности и вместе с тем в прагматической значимости метафорической концептуализации мира. Метафора, как партком в коммунистической России, все решает и ни за что не отвечает. При сопоставлении фраз, помеченных выше индексами «а» и «б», можно предположить, что политическая метафора имеет, помимо уже названной когнитивной, следующие функции.

НОМИНАТИВНАЯ: метафора нужна для фиксации знания, особенно в случаях, когда у реалии нет общепринятого или хотя бы устраивающего автора краткого наименования. В подобных случаях метафора используется для создания наименования реалии и вместе с тем для осознания существенных свойств этой реалии. Примером может служить обозначение метафорой «пожевали и выплюнули» арест журналиста, предъявление обвинения и последующий его «обмен» у бандитов на пленных военнослужащих.

КОММУНИКАТИВНАЯ (передачи информации): метафора позволяет представлять новую информацию в краткой и доступной для адресата форме. Например, метафорическое обозначение партии «Медведь» воспринимается значительно легче, чем официальное ее наименование «Межрегиональное движение “Единство”» или возможная аббревиатура МДЕ.

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ (воздействия на адресата): метафора является мощным средством формирования у адресата необходимого гово-

рящему эмоционального состояния и мировосприятия. Например, ассоциируя название партии с образом медведя, люди переносят на партию традиционное для России позитивное восприятие «хозяина тайги», «генерала Топтыгина», сильного и добродушного героя народных и литературных сказок и даже символа Олимпиады-80.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ: метафора помогает сделать сообщение более образным, ярким, наглядным, эстетически значимым. Как известно, для публицистических текстов метафорическое словоупотребление традиционно считается абсолютно закономерным, на страницах газет и журналов оно представляет собой одно из характерных средств «текстовой экспрессии», с течением времени преобразующейся в стандарт, штамп [Костомаров, 1998; Крючкова, 1991 и др.]. Особенно распространены метафорические номинации в публицистике постсоветского периода [Булыгина, 1999, с. 6; Кокорина, 1996, с. 171 и др.].

ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ: метафора помогает субъекту мыслить, формировать собственные представления о мире. Например, Б. Н. Ельцин был законно избранным президентом, и отношения с таким президентом принято строить на конституционной основе. Но введение базисной метафоры «оккупационный режим» все изменяет в отношениях непримиримой оппозиции к администрации президента Б. Н. Ельцина. Если это «оккупационный режим», то он создан незаконно, помимо воли граждан страны, а поэтому каждый «патриот» должен бороться «с оккупантами» всеми возможными методами.

ГИПОТЕТИЧЕСКАЯ: метафора позволяет представить что-то еще не до конца осознанное, создать некоторое предположение о сущности метафорически характеризуемого объекта. Вполне возможно, что, начиная использовать метафору «перестройка», М. С. Горбачев еще не до конца представлял сущность и результаты своих реформ. Скорее всего, личностное гипотетическое осознание значения этого слова существовало в то время у многих «прорабов» и противников «перестройки».

МОДЕЛИРУЮЩАЯ (схематизирующая): метафора позволяет создать некую модель мира, уяснить взаимосвязи между его элементами. Например, метафора *общеевропейский дом* помогла выразить те взаимосвязи, которые должны были, по мнению М. С. Горбачева, развиваться между европейскими странами: предусмотрительные

жильцы поддерживают хорошие отношения со всеми соседями, помогают друг другу, совместно эксплуатируют и ремонтируют дом, защищают его от посторонних и т. п. Эта метафора должна была заменить прежний концептуальный образ железного занавеса (в метафоре «дома» — «глухого забора»), разделяющего мир на друзей и врагов, на своих и чужих, то есть переструктурировать фрагмент политической картины мира, предложить ее новую модель.

ЭФЕМИСТИЧЕСКАЯ: метафора помогает передать информацию, которую автор по тем или иным причинам не считает целесообразным обозначить при помощи непосредственных номинаций. Возможно, примером подобного использования метафоры может служить опубликованное газетой «Известия» (20.04.00) интервью, в котором Ю. Лужков отказался прямо говорить о своей оппозиционности «партии власти», но, рассказывая о своей пасеке, упомянул о том, что «если пчелы не будут защищать свой мед от всяких там медведей, то они погибнут».

ПОПУЛЯРИЗАТОРСКАЯ: метафора позволяет в доступной для слабо подготовленного адресата форме передать сложную идею. Подтверждением значимости популяризаторской функции политической метафоры может служить следующее сделанное профессиональными психологами наблюдение над особенностями выступлений бывшего председателя правительства России С. Кириенко:

- Убедительность выступлениям придают несколько простейших приемов. Например, прием объяснения сложных вещей на пальцах. Скажем, трудности принятия бюджета он сравнивал с ситуацией в бедной студенческой семье. Семья решает, что купить — холодильник или сапоги. И то и другое нужно, но денег все же не хватает... (В. Цепляев, А. Колесниченко. Человек, который всегда готов // АиФ. 2000. № 42.).

Заканчивая обзор, следует отметить, что рассмотренные функции метафоры лишь относительно автономны, они тесно переплетаются между собой, а некоторые из них можно рассматривать как специфический вариант когнитивной функции.

1.6. Человек, социум, природа и вещи: понятийные сферы-источники метафорической экспансии

Многообразие метафорических моделей, отражающих современную российскую действительность, требует их многомерной классификации. Этой проблеме в настоящей монографии будет посвящен специальный параграф. На данном же этапе исследования метафорические модели дифференцируются только на основе послуживших источниками концептуальной метафорической экспансии понятийных сфер (в других терминах — донорских зон, доменов, сигнификативных дескрипторов, исходных семантических полей, типов первичных значений).

Создаваемая человеком картина политического мира изначально антропоцентрична: этот мир строится разумом человека, который концептуализирует политические реалии, опираясь на свои представления о соотношении индивида и мира. Метафора реализует представления о человеке как о центре мира.

В настоящем исследовании представлены четыре основных разряда моделей русской политической метафоры. В каждом из этих разрядов рассматривается несколько наиболее типичных моделей. Эти модели, разумеется, не охватывают всего реального спектра источников метафорической экспансии, но дают относительно полное представление о специфике данного разряда. При выборе моделей для исследования учитывались такие факторы, как степень структурированности исходной понятийной сферы, частотность соответствующих модели метафор, функции модели в политическом языке конца XX века, продуктивность модели и возможность ее отнесения к числу доминантных для рассматриваемого периода развития языка и общества.

Учитывалась также целесообразность представления моделей с различными свойствами. Дискуссионному вопросу о классификации метафорических моделей будет отведено место в специальном параграфе настоящей монографии. Содержание основных разрядов русской политической метафоры последнего десятилетия XX века может быть обобщено следующим образом.

АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА. При исследовании этого разряда анализируются концепты, относящиеся к исходным понятийным сферам «Анатомия и физиология», «Болезнь», «Секс», «Семья». В данном случае человек моделирует политическую реальность исключительно по своему подобию.

МЕТАФОРА ПРИРОДЫ. Источниками метафорической экспансии в данном случае служат понятийные сферы «Животный мир», «Мир растений», то есть политические реалии осознаются в концептах мира окружающей человека живой природы.

СОЦИАЛЬНАЯ МЕТАФОРА. Исследуются концепты, относящиеся к понятийным сферам «Преступность», «Война», «Театр (зрелищные искусства)», «Игра и спорт».

АРТЕФАКТНАЯ МЕТАФОРА. Исследуются понятийные сферы «Дом (здание)» и «Механизм». В данном случае политические реалии представляются как предметы, созданные трудом человека.

Названные разряды метафор можно схематично представить следующим образом: «Человек и природа», «Человек и общество», «Человек и результаты его труда», «Человек как центр мироздания».

Важно подчеркнуть, что в основе каждой понятийной сферы лежит концептуализация человеком себя и мира в процессе когнитивной деятельности. Именно поэтому выделяется, например, понятийный разряд «Человек и природа», а не категория (или семантическое поле) «Природа». В соответствии с представлениями когнитивной лингвистики в основе метафоры лежат не значения слов и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты. Эти концепты содержат представления человека о свойствах самого человека и окружающего его мира. Всякий концепт является не изолированной единицей, а частью домена (ментального пространства, понятийной сферы). Домены образуют тот фон, из которого выделяется концепт. Концепты, как и домены в целом, отражают не научную картину мира, а обыденные («наивные») представления человека о мире (В. Гумбольдт и неогумбольдтианцы, американская этнолингвистика, гипотеза лингвистической относительности Сэпира — Уорфа, а также современные публикации Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Ю. Д. Апресяна, Л. Н. Иорданской, С. Е. Никитиной, Е. А. Урысон и др.).

Дифференциация научной и «наивной» картины мира опирается на предложенное А. А. Потебней еще во второй половине XIX века разграничение «ближайшего» (собственно языкового) и «дальнейшего» (соответствующего данным науки) значений слова, что предопределяет и дифференциацию научных и обыденных («наивных») классификаций. Например, научная (зоологическая) классификация «царства животных» (это биологический термин, а не «живая» метафора) очень сложна и многоступенчата: на первом этапе названное царство разграничивается на подцарства одноклеточных и многоклеточных. В составе многоклеточных дифференцируется множество подклассов и типов, в том числе губки, кишечно-полостные, плоские, первично-полостные, кольчатые черви, моллюски, иглокожие, хордовые. В последнем типе выделяется подтип позвоночных, в котором далее вычленяются классы рыб, земноводных, пресмыкающихся, птиц, млекопитающих; на следующей ступени этой иерархии разграничиваются... Едва ли имеет смысл приводить здесь хотя бы основную структуру зоологической классификации: очевидно, что она нужна только специалистам.

Большинство «не биологов» вполне обходится «наивной», или «обыденной», элементарной классификацией, и именно эта «наивная» классификация является основой концептуальной структурированности «царства животных», которое составляет исходную понятийную сферу для одной из рассматриваемых ниже разновидностей политической метафоры.

Обыденная классификация животного мира во многих случаях не соотносится с классификацией научной. В частности, в соответствующей современной русской ментальности обыденной классификации, видимо, выделяются в лучшем случае микробы, букашки, черви, змеи, раки, лягушки, рыбы, птицы и собственно животные (в смысле «млекопитающие»). Можно представить и менее детальный вариант классификации: животные, птицы, рыбы и «все остальное» (то есть то, что в научных работах называется «низшие животные»). Кроме того, обыденная классификация животных вне зависимости от семейств, отрядов и видов и прочей научной «зауми» различает домашних и диких животных (например, свиньи могут быть и домашними, и дикими), хищных и нехищных животных (однако к

хищникам относятся не только собственно животные, но также некоторые птицы и рыбы), обитателей моря, суши и неба, а также некоторые другие группы. Вместе с тем в обыденном сознании вовсе не существует, например, выделяемых зоологией класса хордовых и даже «семейства волчьих», то есть для нас собственно животные, птицы и рыбы не составляют какого-то единства, а собаки, лисы, шакалы и волки — это совершенно различные для «наивной» классификации животные.

Специальные наблюдения показывают, что в основе абсолютного большинства рассматриваемых ниже политических метафор лежит именно обыденная картина мира, наивные представления, которые, как отмечает Ю. Д. Апресян, «отнюдь не примитивны», а во многих случаях «не менее сложны и интересны, чем научные» [1995, с. 39]. Эти наивные представления «отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником» [Там же, с. 39] в познании национального менталитета.

В заглавие настоящей монографии вынесен образ метафорического зеркала. Концептуальная метафора — это не просто зеркало: это своего рода система взаимодействующих зеркал, состоящая по меньшей мере из трех элементов.

В **ПЕРВОМ ЗЕРКАЛЕ** мы видим ментальный мир человека и общества в целом: метафора дает нам великолепный материал для изучения когнитивных «механизмов» в сознании человека и социального мировосприятия: «наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливается метафорой», поэтому, изучая метафору, мы изучаем человеческое мышление [*Лакофф, Джонсон*, 1990, с. 387].

Во **ВТОРОМ ЗЕРКАЛЕ** мы видим отражение обыденных представлений человека о понятийной сфере-источнике метафорической экспансии: как уже было сказано, начало метафоре дают именно элементы «наивной» картины мира, например, в политической речи сердце — это орган эмоционального восприятия действительности. В этом случае для нас важно уже не то, как человек мыслит, а то, что

именно он думает о сфере-источнике, как он представляет себе ее строение.

В ТРЕТЬЕМ ЗЕРКАЛЕ мы видим отражение наивных человеческих представлений о понятийной сфере, к которой направлена метафорическая экспансия: человек метафорически концептуализирует и структурирует эту сферу, выделяя в ней самое важное и необходимое, давая эмотивную оценку ее элементам. Например, использование концептов из понятийных сфер-источников «Война» и «Криминал» для обозначения политических реалий позволяет выразить негативное отношение к политической деятельности вообще и к отдельным ее субъектам в частности. В данном случае для нас уже важно не то, как человек структурирует сферу-источник, а то, как он структурирует сферу-мишень, как он воспринимает современную политическую реальность.

Конечно, каждое конкретное метафорическое словоупотребление отражает только индивидуальные представления отдельного говорящего, но в результате анализа множества таких словоупотреблений появляется возможность выделить метафорические модели — своего рода типовые схемы, отражающие специфику национальной ментальности на данном этапе развития общества и социальные представления о концептуальной организации сферы-источника и сферы-мишени метафорической экспансии.

Аспект описания при анализе когнитивной метафоры определяется целью, которую ставит перед собой исследователь. Например, в монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона [1980] анализируется прежде всего первое зеркало — авторы стремятся выявить, как организовано человеческое мышление.

Наблюдения за вторым метафорическим зеркалом помогают Ю. Д. Апресяну и целому ряду других исследователей обнаружить строение «наивной» картины мира в русском национальном сознании, выделить важные свойства того или иного концепта. Возможно, некоторые материалы настоящей монографии окажутся в той или иной степени полезными при решении общих проблем когнитивной лингвистики или при дальнейшем изучении конкретных ментальных сфер-источников метафорической экспансии. Однако *в центре нашего исследования находится ТРЕТЬЕ ЗЕРКАЛО: анализ когнитив-*

ной метафоры в данном случае служит средством выявления существующих в национальном сознании представлений о современной политической ситуации в России, в том числе о деятельности высших органов государственной власти, политических партий и других общественных организаций, о жизни регионов, о состоянии финансовой системы, промышленности, сельского хозяйства и т. п.

В метафорических зеркалах, как и в любых других, картины постоянно меняются, а поэтому очень важно своевременно их зафиксировать, проанализировать и на этой основе выделить типовые модели метафорической концептуализации действительности в современном российском политическом дискурсе. Именно эта проблема и рассматривается в настоящей монографии.

Глава 2

Субсфера «Человек» как источник политической метафоры

Создаваемая человеком метафорическая картина политического мира в значительной степени антропоцентрична: как Бог создал человека по своему образу, так и человек метафорически создает (концептуализирует) политическую действительность в виде некоего подобия своего тела и составляющих его органов, своих физиологических и иных действий и потребностей, своих генетических и иных связей с собственными родственниками.

Политическую действительность России метафорически концептуализирует не «человек вообще», а наш соотечественник и современник, а поэтому создаваемые им образы имеют национальные корни и в то же время отвечают современным потребностям.

Все рассматриваемые ниже модели (в их основе лежат понятийные сферы «Части тела (органы) человека и физиологические действия», «Болезнь», «Секс», «Родство») вполне традиционны для русской политической метафоры, но «у каждого времени свои песни», и традиционные модели в новых условиях наполняются новым содержанием, отвечая каким-то не всегда осознанным потребностям общества.

В этих метафорах можно различить и гордость, и боль за родную страну, увидеть и любовь, и жестокую оценку реальности, по этим метафорам вполне можно изучать русский народный характер и национальную в чем-то наивную и вместе с тем очень точную картину политической действительности.

== 2.1. Физиологическая метафора

Физиологическая метафора — одна из наиболее традиционных и детально структурированных в отечественном политическом дискурсе. Отсутствие политических свобод издавна обозначалось как душная атмосфера, где человек задыхается, мечтает хотя бы о глотке чистого воздуха свободы. Недостаток информации традиционно связывается с нехваткой духовной пищи. У стен в Советском Союзе имелись «глаза» и «уши», гражданам нашей страны не рекомендовалось «распускать язык», поскольку известные всем органы имели «холодную голову» и «чистые (точнее, «длинные») руки с «железной хваткой». В нашей стране залогом успешной политической (и иной) карьеры с давних пор считаются «гибкий позвоночник», «прилично устроенная голова», «хороший нюх» и «чугунный» орган, обеспечивающий усидчивость и работоспособность, и особенно «мохнатая рука».

В последнее десятилетие XX века физиологическая метафора, как и в прежние времена, активно используется в политической речи: с этой точки зрения можно отметить лишь архаизацию некоторых прежних выражений и появление ряда новых образов.

Исходная сфера русской политической метафоры рассматриваемого типа — это «наивные» представления человека о своем теле, его частях (органах), их функциях и физиологических действиях.

Рассмотрим ведущие фреймы метафорической модели **ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ** — это **ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ** в современной политической речи. Вне рамок настоящего обзора пока останутся сексуальная и морбиальная метафоры, которые требуют специального изучения, а также детально рассмотренные Ю. Д. Апресяном и его последователями высшие системы: желания, мышление и речь [Апресян, 1995; Апресян, 1993; Урысон, 1995 и др.].

1. Фрейм «Тело (организм) человека»

Россия в целом, ее отдельные регионы, государственные и политические структуры часто обозначаются как единый биологический

организм (одно тело), который нельзя разделить. Ср.:

- Россия — это огромное пространство, огромный организм, с которым никто ничего не сможет поделять (А. Лазертский); В восстановлении подобия райсоветов нет необходимости. Это было бы шагом к дроблению единого городского организма (Я. Силин); Отпустить Чечню — это отрезать часть единого тела России, а значит, допустить ее четвертование (А. Кавторев).

В политической речи подобные метафоры обычно служат аргументом в пользу единства, нерасторжимости соответствующего объекта.

2. Фрейм «Физиологические органы»

И в обыденной, и в научной картине мира в составе человеческого организма разграничиваются части организма и его органы. Органы функциональны — они «отвечают» за какую-то сферу жизнедеятельности, несут какую-то функцию: например, *глаза* — орган зрения, *печень* предназначена для очистки организма от вредных веществ. Части тела — это *голова* (в том числе *лицо*, *затылок*, *подбородок* и др.), *шея*, *туловище* (в том числе *живот*, *спина* и др.), *руки*, *ноги*. Эти части выделяются преимущественно визуально, они не обязательно имеют определенную функцию. Названные классификации пересекаются, в частности, *уши* — это и орган слуха, и часть тела.

Политическая метафора, связанная с органами, обычно характеризует роль соответствующего учреждения (региона, партии, должностного лица и др.). Ср.:

- Представители президента — это лицо исполнительной власти. Это ее глаза, уши и все остальное (О. Вандышева); Кремль и «Александрхаус» четко поделили между собой функции «мозгового центра» и «тела» (Л. Шевцова); О мелком и среднем бизнесе в «грефологии» говорится как о «хребте» рыночной экономики (Б. Хорев).

Для последующего анализа важна разработанная Э. Рош и широко применяемая в современной когнитивистике (Дж. Лакофф, М. Джонсон, А. Вежбицка, Д. Герартс и др.) теория прототипов. В данном случае мы будем различать прототипические (основные, наиболее типичные, естественные) и непрототипические функции

органов. Указанные функции классифицируются, разумеется, не по медицинским основаниям, а на основе учета их возможностей для передачи метафорических смыслов.

В современной политической речи выделяются следующие прототипические метафорические функции органов.

Слот 2.1. Мозг и его метонимические заместители (голова, череп как «вместилище» мозга)

Основные функции — мышление и (особенно для концепта *голова*) общее руководство организмом. Ср.:

- Резкий разрыв в уровне зарплаты бюджетников и частного сектора — необходимое условие «перекачки *мозгов*» в сферу интересов крупного капитала (Г. Селезнев); Деятельность «Эха Москвы» — это целенаправленная «промывка *мозгов*» слушателям (Е. Сергиевская).

Слот 2.2. Органы перцепции (глаза, уши, нос, язык, а также зубы)

Прототипическая функция — сбор и оценка информации (причем *нос* призван улавливать необщедоступную информацию; *на зуб* оценивается твердость). Ср.:

- Финансовый кризис и отставка правительства дали депутатам серьезный шанс попробовать «*на зуб*» прочность президентской власти (К. Сергеев); На то она и византийская власть, что доступ к *уху* президента — это одно, кому он верит — это другое (И. Хакамада).

Слот 2.3. Лицо и его «составляющие» (щеки, брови, подбородок и др.)

Прототипическая функция — проявление подлинной сущности, основа для восприятия со стороны и вместе с тем создание «имиджа». Ср.:

- *Лицо* у новой партии будет, наверное, такое же, как у докладчика. Бесстрастное (П. Каледин); Нашей партии нет необходимости прятаться за чью-то спину и прятать свое истинное *лицо* (В. Жириновский).

Слот 2.4. Язык, голос

Прототипическая функция — передача информации, оценка не-

которых качеств субъекта. Ср.:

- Юношеский голос этого свободного профсоюза не окреп, но у него все еще впереди (Ю. Крутогоров).

Слот 2.5. Сердце

Основные функции — центральный по расположению и значимости орган, обеспечивающий общую жизнедеятельность организма («мотор»). Ср.:

- Екатеринбург — это промышленное сердце Урала и крупнейший деловой центр (Ю. Брусницын).

Роль сердца и груди как метонимического заместителя сердца в роли органа чувств будет рассмотрена ниже.

Слот 2.6. Мускулы, мышцы, кулак, зубы

Основные функции — демонстрация силы, решительное физическое и иное воздействие на оппонента. Ср.:

- Лидеры коммунистов решили снова «поиграть мускулами» и показать кулак власти (Ю. Чернега); Американцы размяли мышцы армии, обкатали новые виды вооружений. С этой базы в случае чего показать кулак — без проблем (Б. Мурадов).

Слот 2.7. Руки

Ведущие функции — разнообразная деятельность, в том числе осуществляемая «грязными» и «чистыми» руками; эти руки могут быть «длинными» и «короткими», важная функция — наличие доступа к чему-либо («своя рука»), сохранение, удержание, получение чего-либо (удерживать в своих руках, получить в руки) и др. Ср.:

- Это очень опасное дело — кидаться грязью... Многие после выборов не знают, где руки помыть (А. Шойгу).

Слот 2.8. Ноги

Основная функция — передвижение. Ср.:

- Многие голосуют ногами, то есть попросту не ходят на выборы (А. Бурков).

Особый случай — пята (ахиллесова) — наиболее уязвимый ор-

ган. Ср.:

- Кавказ давно уже называют ахиллесовой пятой России (П. Попов).

Слот 2.9. Позвоночник, хребет

Прототипическая функция — объединение организма, сохранение его целостности и поддержание его функциональных возможностей. Ср.:

- Все остальное (в работе радиостанции «Эхо Москвы». — А. Ч.) — лишь средство переломить хребет российской истории, уничтожить национальное самосознание (Е. Сергиевская).

Слот 2.10. Система дыхания (легкие и др.)

Основная функция — создание благоприятной атмосферы для жизнедеятельности (ср.: леса — это *легкие* планеты).

Слот 2.11. Печень

Ведущая функция — переработка и удаление вредных продуктов деятельности.

Слот 2.12. Кровь

Основные функции — взаимосвязь всех частей организма; обеспечение жизнедеятельности организма; сохранение наследственных признаков (ср.: *своя кровь, родная кровь, чужая кровь*; деньги — это *кровь экономики*).

2.13. Органы пищеварения: желудок и его метонимический заместитель живот (брюхо)

Основная функция — поглощение (денег, конкурентов и др.). Желудок (живот, брюхо) способен обозначать исключительно физиологическое существование, и на этой основе он нередко противопоставляется голове как символу разума и сердцу как символу эмоций. Ср.:

- Буржуазии страшна неоскотиненная молодежь. А вдруг та не пожелает жизни «в брюхо» (А. Кузнецов); У новых депутатов ярко горят глаза и отлично работают желудки: лоббистам не придется их долго уговаривать (А. Зув).

Лишь в отдельных текстах зафиксировано метафорическое использование наименований других человеческих органов. Отметим

также, что в некоторых контекстах с общепринятой точки зрения функция органа не может считаться прототипической, но в сознании отдельных людей она воспринимается как очень важная. Ср.:

- При дележке бюджетного пирога беспроblemное существование мог обеспечить только гибкий позвоночник (И. Бедеров).

Представленный материал свидетельствует, что фрейм «Физиологические органы» является наиболее детально структурированным в физиологической понятийной сфере. Основная часть рассматриваемых метафор способна нести эмотивную нагрузку.

3. Фрейм «Части тела»

Как уже было сказано выше, части тела не имеют прототипической функциональной нагрузки, причем один и тот же концепт может выступать как орган (*надо думать головой*) и часть тела (*его ударили по голове*). Вместе с тем отдельные части тела (особенно *лицо* и *спина*, *голова* и *ноги*) могут служить некоторым пространственным ориентиром, относясь тем самым к группе ориентационных метафор (по Дж. Лакоффу и М. Джонсону). Ср.:

- Российская армия вообще должна стоять лицом к границам и спиной к стране (Г. Явлинский); Ельцинская клика всю Россию поставила с ног на голову (И. Пестерев).

Спина в политической метафоре часто предстает как наименее защищенная часть тела, которую нужно укрывать и которая может подвергаться неожиданной атаке (ср.: удар в спину, нож в спину); вместе с тем очень удобно находиться за спиной сильного человека. Ср.:

- За спиной Черномырдина стоят самые разнообразные силы (В. Андреев).

Как наименование части тела следует рассматривать и метафорическое использование наименования органа в непрототипической функции. Ср.:

- Ельцин прыгал по головам, как по кочкам на болоте (А. Ковалев); Кстати, денежный вопрос точно не будет портить жизнь путинского штаба. По меткому выражению одного из штабистов, денег — хоть ушами ешь (Е. Трегубова); Из-под «патриотической» маски все равно торчат знакомые ушки, глазки и зубки рыночной западно-центристской

«демократии» (И. Коньков); Действовали, конечно, неправильно, и это было проявлением тоталитарного государства. Но «показывать уши» считалось неприличным (В. Путин); Достаточно вспомнить хотя бы исполненную коржаковским ГУОПом акцию «мордой в снег» осенью 1994 г. (Б. Александров).

Очевидно, что головы не предназначены для того, чтобы по ним прыгали, уши — это не орган поедания или демонстрации своего присутствия. Именно непрототипичность употребления обеспечивает рассматриваемым метафорам повышенную эмотивность.

4. Фрейм «Физиологические действия»

В качестве социальных могут метафорически представляться некоторые физиологические действия. Выделим основные слоты этого фрейма.

Слот 4.1. Питание, пищеварение и смежные процессы

Основная функция — уничтожение, присвоение, освобождение от ненужного. Ср.:

- Крупнейшие консалтинговые фирмы пришли в Россию с одной целью: «переварить» финансовые потоки помощи от международных организаций (С. Воробьев); Это будет уникальный случай, когда одна палата съест другую. Совет Федерации сам себе набросит петлю на шею (Э. Россель).

Вместе с тем возможны и непрототипические функции. Ср.:

- Наши законники изобретут юридическую формулу, которая позволит Шаймиеву остаться на третий срок. И в Москве это проглотят (М. Ростовский).

Слот 4.2. Сон (и его фазы)

Основная функция — отдых, успокоение; метафорически сон часто обозначает отсутствие работы, активной жизнедеятельности. Ср.:

- Власти невыгодно, если вся пресса будет только и делать, что убаюкивать и усыплять общество (С. Шахрай); Областная Дума погрузилась в летнюю спячку (В. Авдеев).

Слот 4.3. Рождение, смерть и смежные концепты

Основная функция — обозначение возникновения и исчезнове-

ния (гибели). Ср.:

- Что касается судов, то они до сих пор пребывают в зачаточном состоянии (Л. Шевцова); Программа «Намедни» давно почила в телеэфире (О. Кабанова); Американцы ослабили соперницу — Европу вместе с новорожденным, а, вернее, эмбриональным еще, евро (Б. Мурадов).

Слот 4.5. Наркотическое опьянение и смежные концепты

Основная функция — расслабление, временное облегчение и т. п. с последующими тяжелыми последствиями. Ср.:

- После первого эмоционального подъема наступило некоторое отрезвление. Чтобы не сказать похмелье (А. Архангельский).

Слот 4.6. Дыхание

Основная функция — обеспечение жизненно необходимым: для субъектов политической деятельности это могут быть демократические свободы, но иногда и материальные ресурсы. Ср.:

- Оппозиционным изданиям «перекрыли кислород», прислав налоговую инспекцию и санитарных врачей (А. Контеев).

Представленный материал свидетельствует о высокой структурированности исходной понятийной сферы и наличии у соответствующих метафор значительного эмотивного потенциала.

5. Фрейм «Органы психики»

Концепты, отражающие в сфере-источнике психические состояния человека, могут метафорически обозначать свойства некоторых политиков и субъектов политической деятельности.

Подобные функции как прототипические характерны преимущественно для двух слотов.

Слот 5.1. Сердце и его функциональный эквивалент «грудь»

Основная функция — обозначение эмоциональной характеристики, динамики эмоциональных состояний, эмоциональная мотивация поступков. Ср.:

- Отчасти наши люди легкомысленны и выбирают «сердцем» (С. Сте-

панов).

Особое место среди человеческих органов занимает «душа», о которой «в языке сохраняется устойчивое представление как о чем-то нематериальном, но настоящем» [Урысон, 1995, с. 16] и которая по представлениям наивной анатомии обычно находится в груди, хотя может перемещаться в пятки.

Слот 5.2. Нервная система, нервы

Основная функция — поддержание эмоционального благополучия и сигнализация о его нарушениях. Ср.:

- Бесконечные сражения на предвыборной арене сказываются на нервной системе всего общества (А. Гайда).

Слот 5.3. Взаимосвязь психических и физиологических характеристик

В обыденной картине устройства внутреннего мира человека имеются представления о связи некоторых физиологических характеристик человека с его психикой. Например, в соответствии с этими представлениями толщина кишки коррелирует со смелостью, низкий голос (бас) и мускулистость тела — с решительностью, наличие неких «жил» — с психологической устойчивостью. Не все эти представления подтверждаются наукой, однако соответствующие образы активно используются в политических текстах, что служит еще одним подтверждением различий в обыденной и научной картине мира. Ср.:

- Зюганова и всех сегодняшних «левых» в те горячие дни не было на баррикадах — кишка тонка (В. Жириновский); Мы единственная партия, которая получила прибавку на выборах. Значит, жила есть! (А. Лукьянов). Все остальные кандидаты в президенты слишком мягкотелы (В. Жириновский).

Среди других непрототипических органов, отражающих эмоциональные состояния, особенно выделяются глаза, которые могут быть горящими, скучными, жадными и др.

Заканчивая анализ физиологической метафоры в политической речи, еще раз отметим эмотивный характер большинства рассматриваемых словоупотреблений. В то же время для физиологической ме-

тафоры нетипичны какие-либо ярко выраженные концептуальные векторы и однородные прагматические смыслы, так характерные для криминальной, военной, морбиальной или театральной метафор (за исключением вектора агрессивности). Детальная структурированность сферы-донора, ее «близость» и «понятность» человеку создают необходимые условия для высокой продуктивности данной модели и ее значительного прагматического потенциала.

% 2.2. Морбиальная метафора

Широкое распространение в агитационно-политической речи конца XX века получила и метафорическая модель **СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ — это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ**. В соответствии с этой моделью образно используется лексика, обозначающая раны и болезни общества. Людям внушается мысль о том, что российское государство в целом и его отдельные составляющие нужно срочно лечить сильнодействующими лекарствами, поскольку отдельные органы организма уже омертвели и потеря времени грозит самыми печальными последствиями (полная инвалидность, смерть, эпидемия). Выписываемые властями рецепты могут только повредить больному, поскольку политические лекари получили неправильное образование и, возможно, подкуплены ожидающими наследства соседями.

Соответствующие рассматриваемой концептуальной метафоре образы объединяются концептуальными векторами агрессивности и тревожности, в них отражаются безысходность, дурные предчувствия и вместе с тем душевная боль за состояние родной страны, ощущение собственного бессилия. Еще один сильный концептуальный вектор — отклонение от естественного порядка вещей, представления о неправомерности и недопустимости существующего положения.

Разумеется, рассматриваемая метафорическая модель уже давно существует в русском языке, но в последние годы очень заметна ее активизация. Причины активизации метафорических моделей в том или ином обществе хорошо охарактеризовал немецкий лингвист Ст. Ульманн [1970, с. 253], который отметил, что источниками метафорической экспансии и метафорического притяжения всегда

служат семантические сферы, вызывающие особое внимание в народном сознании. Едва ли есть смысл специально останавливаться на том, почему проблемы здоровья и проблемы политики вызывают повышенный интерес у жителей современной России. Как гласит русская пословица, у кого что болит, тот о том и говорит. Все рассматриваемые ниже примеры объединяются общим признаком: слова, которые в первичном значении используются в понятийном поле «Болезнь» (в том числе обозначающие симптомы болезни, лекарства, медицинский персонал, пути лечения, выздоровление и т. п.), в данных текстах метафорически обозначают социальную действительность современной России. Ср.:

- При «переливании крови» в главных сосудах новой власти Анатолий Борисович имел возможность добавить кое-кому адреналина. Только нужен был для стерильности операции одноразовый инструмент. Не готовил ли господин Чубайс во время обсуждения с Лебедем ситуации в Чечне именно такой хирургический скальпель из закаленного генерала (А. Бархатов); Если в обществе нет интереса к политике, то это здоровое и благополучное общество. Интерес к политике подогревают социальные болезни (В. Кучерюк); Правительство предприняло ряд шагов по оздоровлению обстановки в стране, сумело вывести экономику из тяжелого положения (Е. Примаков); Тяжелая болезнь постигла Россию в обличье коммунизма. Может быть, она была попущена нам, чтобы избавить от какой-либо более страшной грозившей нам чумы (Патриарх Алексей Второй).

Метафоры, образованные по рассматриваемой модели, носят преимущественно эмотивный характер, то есть они создаются прежде всего для того, чтобы перенести имеющееся у читателя эмоциональное отношение к понятию-источнику (его обозначает слово в основном значении) на понятие, которое концептуализируется метафорическим значением слова.

Например, вполне традиционное для русского национального сознания сочувствие к больному закономерно переносится и на Россию, которая сопоставляется Патриархом Алексием с излечивающимся от тяжелой болезни человеком.

Соответственно естественное отношение всякого человека к очень опасной инфекционной болезни благодаря использованию метафоры как бы переносится и на отношение к коммунистической теории и

практике.

Как уже отмечалось выше, рассматриваемые в настоящей монографии тексты имеют агитационно-политический характер, а в подобного рода материалах традиционно подчеркиваются все реально существующие и даже мнимые недостатки: идущие «во власть» политики (и поддерживающие их «команды») стремятся показать, до чего довели страну их политические противники; соответственно «партия власти» демонстрирует, как много ей удалось сделать в чрезвычайно сложных условиях. И те и другие стремятся представить себя опытными медиками, способными не только поставить диагноз, но и излечить страну от тяжелых недугов. Поэтому можно отчасти надеяться, что тот негативный образ родной страны, который принято создавать в пылу российских агитационно-политических кампаний, все-таки не в полной мере отражает реальные представления авторов о современной России.

При детальном рассмотрении метафорической модели «Россия — это больной организм» регулярно выделяются следующие фреймы.

1. Фрейм «Пациенты и медицинский персонал»

Слот 1.1. Пациенты

В рассмотренных текстах Россия в целом, ее экономика, политические структуры, законодательство, отдельные регионы, отрасли хозяйства и иные составляющие часто метафорически обозначаются как *больной, полумертвый организм, израненный медведь, пациент*. Ср.:

- Нужно было дать обществу некий идеологический *наркоз*, призванный сделать предстоящую операцию менее болезненной, как для *пациента*, так и для его просвещенных *хирургов* (Г. Кертман); Вновь избранная Дума *недееспособна: больной* нуждается в свежей крови (А. Сваров); Чтобы *полумертвые* статьи кодексов заработали, нужна политическая воля (А. Колесников).

Вместе с тем пациента иногда подозревают в *симуляции*. Ср.:

- НТВ *симулирует* конфронтацию с Путиным (А. Теплюк).

Слот 1.2. Медицинский персонал

Рассматриваемая понятийная сфера детально структурирована, что предопределяет развитие базисной метафоры. Если Россия —

нуждающийся в срочной помощи пациент, то люди, партии и иные организации, стремящиеся что-то сделать для страны, обозначаются как *врачи, целители, хирурги, терапевты, акушеры, анестезиологи, наркологи*. Свою благородную миссию несут также *доноры*. Ср.:

- Обнаружились *целители* в правительстве, которые *лечат* народ заговорами (В. Шендерович); Мы — область-*донор*, таких всего с десяток, остальные — дотационные края, области, республики (Б. Тимофеев); *Терапевты* уже едва ли помогут Приморью, там нужны военные *хирурги* (Г. Номов).

Медицинская метафора закономерно способствует формированию прагматических смыслов, связанных с заботой, уходом, бережным отношением, и вместе с тем предопределяет отношение к стране и обществу как к пациенту, который уже не может и не должен в полной мере отвечать за свои действия.

2. Фрейм «Диагноз»

Слот 2.1. Физические болезни

При анализе метафорических образов оказывается, что в современном агитационно-политическом дискурсе нашей стране (ее политической системе, органам государственной власти, экономике, культуре, промышленности и сельскому хозяйству) постоянно метафорически приписываются разнообразные болезни; особенно часто Россия страдает от таких инфекционных заболеваний, как *чума, лихорадка, столбняк, проказа, СПИД, грипп, воспаление легких, гепатит, педикулез и чесотка*. Распространенность некоторых болезней грозит *эпидемией*. Ср.:

- Закончилась *лихорадка* с выплатой зарплаты — деньги сейчас выдаются регулярно (Л. Антонова); При желании противостоять бациллам экстремизма можно, но *чумная эпидемия* национализма продолжается (А. Колесников); Если мы не нейтрализуем как *очаги*, так и вирусоносителей коммунистического *столбняка* — не носить нам голов как в переносном, так и в прямом смысле (В. Ганюшкин); Во всем, что происходит сегодня с нашей Россией, видны симптомы *смертельно опасной болезни, наподобие СПИДа*, когда нарушена иммунная система общественного организма (Г. Судовцев).

Слот 2.2. Психические болезни

Показательно, что в современной политической речи широко распространено метафорическое использование названий не только физических, но и психических болезней (*шизофрения, паранойя, слабоумие, дебилность*, а также традиционный *алкоголизм* и быстро распространяющаяся *наркомания*), от которых страдает страна в целом, ее ведущие органы и регионы, а также ее политические лидеры, финансисты, производственники и др. В современной агитационно-политической речи наблюдается и метафорическое использование названий сексуальных расстройств. Ср.:

- В «красном поясе» приступы антиельцинской *паранойи* прошлой весной были особенно заметны (В. Носарев); Это — крайняя степень политического *слабоумия*, крайняя степень безответственности (В. Белов); В условиях тотальной *импотенции* Рушайло — один из тех, кто способен на резкие действия (А. Хинштейн); До недавнего времени военно-промышленный комплекс прочно *сидел на уральской алюминиевой игле* (С. Бинов).

Прагматические смыслы, формируемые метафорами этой группы, можно сформулировать следующим образом: страна близка к гибели, ее ждут всевозможные беды, а российская элита состоит из физически и душевно больных людей, от которых нельзя ожидать разумных действий. Вместе с тем уже само упоминание тяжелых болезней, от которых страдает российское общество, призвано вызывать сочувствие к родной стране, желание помочь ей.

3. Фрейм «Причины и возбудители болезней»

Слот 3.1. Инфекции

При характеристике причин охвативших Россию болезней чаще всего метафорически используются слова *бациллы, вирусы* и *микробы* (авторы обычно уточняют характер этих микроорганизмов), а также *аллергены*. Причиной заболевания могут оказаться вши и иные переносчики идеологической заразы. Таким образом как бы указывается на «внешние» источники политических катаклизмов. Ср.:

- Великие победы заражают национальные организмы *бациллами* разложения (А. Соколов); Вообще республикам в комментариях прессы

«комплиментов» достается больше, чем областям, а слово «суверенитет» действует как мощный аллерген (К. Толмачев); Едва я зашел в заблеваный подъезд, как в ноздри ударило с детства знакомой вонью социализма. Я остановился и решил не рисковать, дабы не подхватить коммунистический педикулез или чесотку (Н. Варсенов).

К этой же группе можно отнести и еще один концепт: по наблюдениям А. Архангельского и Ю. Богомолова, «российские политики имеют стойкий иммунитет к культуре».

Слот 3.2. Физическое воздействие, недостойные условия жизни и др.

Источником болезненного состояния и даже скорой смерти может быть *голод* (топливный, валютный и т. п.), информационное *облучение*, *удушение* (налогами, санкциями), *нарушение кровообращения* (финансового), *яд* враждебной пропаганды, *наркотическая зависимость* от долларовых инъекций и другие факторы. Ср.:

- Самарские энергетики посадили на голодный паек крупнейшего в России производителя алюминиевого проката. Отечественной металлургии перекрывают кислород (А. Бондаренко); В Восточной Европе не было длительного идеологического *облучения*, как у нас (А. Ципко); Предприятия задыхаются от долгов, многие уже бьются в предсмертных конвульсиях, но это мало кого интересует в правительстве (И. Белкова); Испытывая кадровый голод, «Преображение Урала» ослабляет свою хилую фракцию (О. Вишнеvский).

Подобное словоупотребление позволяет образно обозначить причины бедственного положения страны, вызывает наглядное представление об истоках недостатков и обостряет негативное отношение к их виновникам. Например, метафорическое наименование *идеологическое облучение* вызывает более сильную эмоциональную реакцию, чем традиционные наименования *идеологическое воздействие*, *идеологическая работа*, *идеологическое воспитание* и т. п.

4. Фрейм «Симптомы болезни»

При описании признаков болезни чаще всего метафорически используются слова *бред*, *конвульсии*, *судороги*, *метастазы*, *температура*, *язва*, *гнойник*, *нарыв*, *фурункул*, *паралич*, *понос*, *катаракта*, *атрофия*, *тромб*. Ср.:

- На сегодняшний день — это самые страшные язвы на теле российского общества, и излечить их необходимо как можно скорее (А. Хабаров); Сильные лекарства обычно часто дают побочные эффекты. Это относится не только к медицине, но и к экономике (Н. Шипицына); Вспоминаю «историческую» передачу, когда три особо доверенных полпреда второй древнейшей профессии делали умные лица, слушая бред нашего первого президента о его гениальном плане завершения чеченской войны (А. Ильин); Мы пробили тяжелейший финансовый тромб, который не давал нормально жить всему топливно-энергетическому комплексу (А. Чубайс).

Нередко отмечают также *близорукость* власти, ее неспособность прислушиваться к голосу народа, «*безголовость*» или *хромота*, а также *приступы удушья* у экономической системы. Типовые прагматические смыслы подобных метафор определяются тем, что первичные значения используемых слов хорошо известны читателям, соответствующие реалии вызывают эмоциональное отторжение, а значит, образ больной страны становится особенно действенным: так, обозначение недостатков как «гнойников» или «язв», оценка содержания речи как «брета», а экономических трудностей как «приступов удушья» или «предсмертных конвульсий» делает картину очень наглядной и активизирует эмоциональное восприятие читателями соответствующих реалий.

5. Фрейм «Способы лечения, используемые инструменты и лекарства»

Слот 5.1. Медицинские инструменты и лекарства

При диагностике и лечении болезней общества политические лекари (о них уже говорилось выше) используют *градусники*, *горькие пилюли*, *таблетки*, *клизмы*, *скальпели*. Больному могут потребоваться *костыли*. Ср.:

- В час болезни не грех опереться на костыли. Но постоянно использовать поддержку не стоит: мышцы атрофируются (Л. Жуховицкий); Этот законопроект является попыткой подсластить «горькую пилюлю», своеобразной платой главам субъектов за лояльность (С. Шахрай); Если бы мы ослабили налоговую удавку, вся Россия задышала бы, началось бы оздоровление экономики (Э. Россель); Финансы

— это градусник. Они показывают температуру больного. Если мы собираемся бороться с болезнью, то зачем бороться с градусником и температурой? Надо лечить болезнь (Г. Попов).

Слот 5.2. Способы лечения

При лечении болезней применяются *гипноз* и *инъекции*, иногда оказываются необходимыми *интенсивная* или даже *шоковая терапия*, *переливание донорской крови*, *хирургическое вмешательство* с использованием *наркоза* и даже *реанимация*. Ср.:

- Две русские смуты в XX веке — это две хирургические операции на русском народе. В революцию социал-демократическую из русского тела были вырезаны отдельные куски. В революцию демократическую русская нация была распилена на части по территориальному признаку (Н. Анисин); Быстрый эффект возможен только в реанимации. Но шоковую терапию мы уже проходили (Н. Шипицына); Долларовые инъекции закончились: пора опираться на собственные финансовые ресурсы (В. Бокров).

Формируемые рассматриваемым фреймом типовые прагматические смыслы призваны вызвать у читателей эмоциональное представление о необходимости решительной борьбы с болезнями общества, о разнообразии потенциальных лекарств и путей излечения.

6. Фрейм «Состояние пациента»

Слот 6.1. Больной находится в тяжелом состоянии

Состояние «больного» (России в целом, ее политических институтов, экономики, отдельных регионов, предприятий и т. п.) метафорически описывается в рассматриваемых текстах как *близкое к смерти*, как *чрезвычайно болезненное*, *требующее немедленной реанимации* или *применения других сильнодействующих средств*, а в лучшем случае — как *наркотическое опьянение*, при котором больной не в состоянии принимать разумные решения. Ср.:

- Выборы не принесли обещанного возрождения: агония народного хозяйства области продолжается (А. Спицын); Действия оккупационного правительства привели народное хозяйство на грань клинической смерти. Необходимо срочное оздоровление экономики (Н. Туев); После первого эмоционального подъема наступило некоторое отрезвле-

ние, если не сказать похмелье (А. Архангельский).

Слот 6.2. Смерть пациента

Во многих контекстах при развертывании метафоры оказывается, что *лечение не помогает*, больной *отходит в иной мир* (иногда при внешнем содействии) и его приходится *хоронить*. Ср.:

- Распустить правительство — значит породить кризис управления и окончательно укокошить паралитика, то есть нашу экономику (А. Баранов); Программа «Намедни» давно почила в телеэфире (О. Кабанова); Новоогаревский процесс был похоронен (Ф. Шелов-Ковердяев).

Слот 6.3. Выздоровление больного

В данном случае рисуется картина возможного выздоровления больного общества или его отдельных составляющих. Ср.:

- Заработали металлургические и машиностроительные заводы, началась выздоровление уральской промышленности (В. Чертков).

По образному выражению Н. Д. Арутюновой, метафора (в отличие от прямого наименования и даже сравнения) — «это приговор суда без разбирательства» [1999, с. 355], приговор, который не нуждается в доказательствах и который невозможно обжаловать.

И действительно, если в развернутом сравнении хотя бы представлены основные компоненты сопоставляемых ситуаций (что сравнивается, с чем сравнивается, по какому признаку сравнивается) и есть сравнительный союз (или другой элемент), показывающий, что это не полное отождествление, а лишь сопоставление по отдельным признакам, то в метафоре объекту просто приписываются свойства другого объекта. Кстати, очень ярким подтверждением буквальной невозможности обжаловать метафорический приговор послужили некоторые судебные процессы последних лет. Суды обычно легко признают клеветой прямое обвинение в совершении уголовных преступлений, но, по свидетельству опытных адвокатов, очень трудно добиться признания клеветой, например, метафорических обозначений истцов как параноиков или шизофреников (ответчики обычно сообщают, что это просто метафорическая оценка, а не ме-

дицинский диагноз) или доказать несоответствие истине сообщений о тяжелой болезни или умирании банка, предприятия или региона.

Интересно сопоставить особенности метафорического представления родной страны в текстах, относящихся к двум послереволюционным периодам в истории нашей Родины: к 20-м и 90-м годам XX века. Политические ситуации в указанные периоды во многом похожи: страна переживает переход от одной социально-экономической системы к другой, невозможно скрыть тяжелое материальное положение большинства простых граждан, которое новая власть объясняет преступлениями старой. Общество живет надеждами на светлое будущее: в первом случае — социалистическое, а во втором — капиталистическое, но значительная часть граждан успела потерять всякие надежды. Правящие структуры говорят о дальнейшем развитии демократии, но многие специалисты опасаются усиления авторитарных тенденций.

В агитационно-политических текстах 20-х годов Советский Союз постоянно представляется как не имеющее ничего общего с прежней Российской империей молодое государство, как «страна-подросток», переживающая вполне естественные временные трудности роста, постоянно подчеркивается пионерский возраст страны и комсомольский задор строителей нового мира. Существующие в стране проблемы чаще всего метафорически обозначаются как пережитки прошлого (наследственный фактор) и нанесенные врагами раны (то есть результат внешнего воздействия на организм), которые скоро будут залечены, поскольку созданы все условия для развития.

Совсем иные представления создают метафорические наименования России в конце века. Вместо образа страны-ребенка возникает образ когда-то крепкого и могущественного, но очень больного человека, которому нужно интенсивное лечение с применением сильнодействующих лекарств (шоковая терапия, долларовые инъекции), а возможно, даже предстоит ампутация зараженных гангреной органов (в частности, Чечни).

Однако надежды не потеряны, больной уверен в своей генетической предрасположенности к долгой и плодотворной жизни, ждет выздоровления и мечтает о новых успехах.

Интересно отметить, что метафорическое представление совре-

менной России как больного организма свойственно как для текстов, создаваемых сторонниками существующих властных структур, так и для текстов, в которых отражается мнение оппозиционных сил. Подобная близость между «властью» и «оппозицией» в метафорическом осознании действительности наблюдалась и в 20-х годах, если, конечно, учитывать только внутрироссийский политический дискурс, только имевшую хотя бы минимальные возможности для выражения своего мнения (преимущественно «троцкистскую») оппозицию и абстрагироваться от агитационно-политического дискурса «русского зарубежья», который в те времена был стараниями властей практически изолирован от собственно России.

Царившие в первые годы советской власти иллюзии давно рассеялись, и старые метафоры, предрекавшие стране здоровье, вечную молодость и все возрастающие жизненные силы, вышли из моды. Однако, как мудро заметил один немецкий политик, Россия никогда не бывает такой сильной, как это кажется со стороны, но она никогда не бывает и такой слабой, как это может кому-то показаться.

Поэтому можно надеяться, что потеряет актуальность и метафорическое представление России как тяжело больного общества, а российский политический дискурс нового века будет способствовать актуализации совсем других метафорических моделей, что лингвисты нового поколения отметят как свойство современного им русского самосознания такие модели, как «Россия — это крепкий здоровый организм», «Россия — это большая дружная процветающая семья». Конечно, такая семья не сможет совсем избежать каких-либо недугов, но опытные специалисты быстро подберут необходимые лекарства.

2.3. Метафора родства

Метафорическая модель ГОСУДАРСТВО — ЭТО СЕМЬЯ представляет отношения между государством и гражданами, между лидером страны (царем, президентом, генеральным секретарем и др.) и народом, между социальными силами, между регионами и иными

субъектами политической деятельности. Эти отношения могут концептуально представляться как отношения в семье, члены которой ощущают кровную связь между собой и душевную привязанность друг к другу, где младшие должны проявлять уважение к старшим, глава рода может при необходимости и наказать неразумного. Вместе с тем едва ли не в любой семье могут возникать противоречия, появляться взаимные обиды и непонимание. Отношения в семье регулируются не столько законами, сколько традиционными представлениями о том, как должны поступать родственники в тех или иных ситуациях. Все члены семьи — это «свои», и при необходимости они должны совместно противостоять «чужим»; в соответствии с семейной этикой на защиту «своего» надо становиться вне зависимости от того, прав он или нет.

Метафора родства широко использовалась в политической речи Российской империи (царь — *батюшка*, императрица — *матушка*, Россия — *мать*, славяне — *братья*, православные народы — тоже *братья*). Эта модель была унаследована и советским политическим дискурсом: как писал В. В. Маяковский, «партия и Ленин — *близнецы-братья*. Кто из них более матери-истории ценен?» В других случаях В. И. Ленин предстал уже как *дедушка*, а юные ленинцы назывались его *внуками*. И. В. Сталин постоянно именовался «*отцом народов*», правда, после «разоблачения культа личности» восприятие изменилось. Ср.:

- Кум сжевал свой огурец и промолвил с мукою: оказался наш отец не отцом, а сукою (А. Галич).

Каждый новый этап развития политического дискурса приносит изменения в закономерности развертывания рассматриваемой модели. Ведущая концептуальная метафора времен Л. И. Брежнева — это большая *семья братских народов* (партий), каждый рядовой (и не только рядовой) член которой испытывает *сыновьи* чувства в ответ на *отеческую* (и одновременно *материнскую*, одним словом, *родительскую*) заботу коммунистической партии и советского правительства.

В советскую эпоху политическая метафора родства воссоздавала отношения в идеальной семье, моделировалась скорее не обычная семья, а то, что Э. Рош называет «лучший экземпляр», некий оторванный от реальной жизни идеал, или, иначе говоря, то, о чем меч-

тают родители жениха и невесты: такая семья — это любящие друг друга супруги, счастливые и благодарные дети, поддержание лучших традиций, прочные связи между всеми близкими и дальними родственниками и т. п. Однако в период «перестройки» рассматриваемая концептуальная метафора стала отражать уже не «лучший экземпляр», а самую обычную, если не сказать откровеннее, советскую семью со всеми ее внутренними противоречиями, дрызгами, мелкими обидами и постоянными напоминаниями о родственных обязанностях, которые каждым понимаются в меру своих потребностей, но не чужих возможностей. Семью часто неполную, не изначальную (то есть с мачехой или отчимом, с любимыми детьми и папынками), сохраняющуюся не столько по причине взаимной любви, сколько из экономических соображений, по привычке и расчету или на основе паремий «жить с кем-то надо», «где гарантия, что в другом месте будет лучше», «он, конечно, сукин сын, но наш сукин сын». Впрочем, даже такая семья обладает в каких-то пределах некоторыми чертами прототипической семьи. Именно этот вариант модели продолжает развиваться и в ельцинской России.

Рассмотрим фреймовую структуру модели на основе анализа исходной понятийной сферы.

1. Фрейм «Кровное родство»

Слот 1.1. Семья в целом

Россия может метафорически представляться как единая семья, состоящая из народов, регионов, партий и отдельных граждан. В качестве единой семьи может номинироваться также историческое единство восточных славян или даже всех народов и государств СНГ (Советского Союза). Ср.:

- Мы (русские, украинцы и белорусы) были непобедимы, когда были вместе. У нас общие корни, мы — единая семья (В. Путин); В российской семье не должно быть старших и младших братьев (В. Пашков).

В виде семьи может представляться также группа друзей, единомышленников, совместно работающие люди, жители одного дома, двора, района или региона. К сожалению, значительно чаще слово

семья (а также *клан*) стало в политической речи конца века обозначать мафиозную группу, по существу преступную банду, связанную, помимо прочего, и родственными отношениями. Ср.:

- НТВ явило всему миру, что они не просто дружный трудовой коллектив, но крепкая здоровая *семья*, где наемные работники и хозяева — братья и сестры (Ю. Богомолов); Рущкой считает область источником обогащения, а бюджет области — семейным своим бюджетом. Известно, что в Москве, в Кремле «*семья*», и здесь то же. *Клан*, который он сформировал (Н. Иванов); Президенты уходят, а *кланы* остаются. Борются с этими *кланами* можно, только имея свободное информационное поле (И. Хакамада).

Слот 1.2. Родители и дети

Традиционно политический лидер государства именуется в нашей стране — *отец* (*батька*), а все остальные граждане представляются как его *дети*. Эта традиция продолжалась и в эпоху Горбачева, которого до сих пор (обычно иронически) нередко называют «отцом перестройки и ускорения». Ср.:

- *Отец* «перестройки и ускорения» признался, что целью всей его жизни было уничтожение коммунизма (И. Смолина); Давно замечено, «*отец* перестройки» не слишком жалуется своих *наследников* (А. Вернов).

Метафора родства использовалась и по отношению к президенту Б. Н. Ельцину, но его называли *дед* или *дедушка*; а его дочери Татьяне Дьяченко, как свидетельствует журналист Н. Гужева, «лихие депутаты второго созыва придумали псевдоним *дочка* Франкенштейна». По аналогии с «большим папой» в партиях, в регионах и в бывших советских республиках стали выдвигаться свои *батьки*, *отцы* и *папаши*. Ср.:

- Так, «*батька*» Кондратенко публично отмежевался от призывов голосовать за Зюганова и на Кубани Путин «вдруг» получил 53% голосов (А. Нагорный); Соревноваться с ВВЖ может только Зюганов, он же *Папаша* Зю (Н. Гужева); *Батька* стал лауреатом (заголовок информации О. Улевич о присуждении А. Лукашенко премии «За сплочение и единение славянских народов»).

Поскольку женщин-президентов и губернаторов в России пока нет, постольку в отличие от екатерининских времен нет у народа и государственного лидера-«*матушки*». Матерью и матушкой некото-

рые политики патетически называют Россию в целом или русскую землю. Так, один из постоянных аргументов противников продажи земли состоит в том, что «Земля — мать, а мать продавать нельзя». По наблюдениям лидера Аграрной партии Н. Харитонов, «мы все говорим, что после матери вторая мать деревня». В других случаях фразы с подобной метафорой звучат иронически. Ср.:

- «Не к чему воспитывать паразитов, надеющихся, что родина-мать их прокормит. Родина-мать у нас одна, а вот кормилицы-матери должны быть разные» — эти мысли, видимо, легли в основу новой концепции Минтруда России (С. Добрынина).

В рассматриваемый период продолжается также использование слова *дети* как обозначение нового поколения по отношению к *отцам* — прежнему поколению, а также традиционное установление родственных связей между «духовными отцами» и «детьми» — продолжателями традиций. Ср.:

- С развалом СССР в МИД пришли совершенно новые кадры. Дети советской номенклатуры, выросшие и воспитанные в зарубежных командировках своих папаш, они с молоком матери впитали угодливый восторг перед Западом (А. Смоленцев).

Возможно, сюда же следует отнести и концепт *киндерсюрприз*, как со времени недолгого премьерства Сергея Кириенко начали иронически именовать молодых политических лидеров. Ср.:

- Можно сказать, что Горбачев был первым киндерсюрпризом в нашей истории (А. Н. Яковлев); Киндерсюрприз оказался неудачным и привел к дефолту (А. Проханов).

Как семейные нередко метафорически представляются и отношения субъектов экономической деятельности. Ср.:

- Дочку — к матери. Родство «Итеры» и «Газпрома» исследует независимый аудитор (О. Губенко); Каждый наш металлургический гигант обзавелся дочерними компаниями в офшорных зонах (В. Петухов).

Слот 1.3. Братья и сестры

Граждане России могут метафорически обозначаться как *братья* и *сестры*, то есть дети одной матери — России; братские отношения могут существовать и между государствами, обществом и государством, а

также между другими субъектами политической деятельности. Ср.:

- Общество и государство не должны быть ни *близнецами*, ни просто *родственниками*, ни друзьями, ни врагами (Ю. Богомолов); А когда *старшие братья* и *родители* отворачиваются от *младших сыновей*, то *детям* не достается денег даже для того, чтобы купить мороженое (Н. Петрушенко); На самом деле Москва одержала новую дипломатическую победу, а вот Киев, напротив, сделал шаг на пути к полной экономической зависимости от *«большого брата»* («Рейтинг слухов» МК).

«Семейные» отношения могут связывать также людей с близкими политическими взглядами, увлеченных одной идеей, членов одного трудового коллектива. Ср.:

- С НТВ примерно такая же история. Те, кто остался там, — *братья* и *сестры*. А о тех, кто ушел на другую работу, на другие проекты, в другие компании, говорят либо плохо, либо ничего (Ю. Богомолов).

Нередко в этом слоте появляются также *братки* и *братаны* — то есть члены одной преступной «семьи».

В других сферах речи (и особенно в другие времена) фрейм «Кровное родство» прежде всего позволяет метафорически выразить особую духовную близость, привязанность, наследование каких-то свойств. В современной политической речи соответствующие концепты все чаще приобретают негативную окраску, их использование характерно для иронических контекстов.

Слот 1.4. Отдаленное родство

Как уже было сказано, наиболее близкие отношения в политическом дискурсе часто обозначаются как братские. Менее близкие отношения могут обозначаться как *отдаленное родство* (по боковой линии и т. п.). Ср.:

- Утратив половину населения и производственного потенциала, разрушив отлаженную систему охраны границ и военных баз, «демократы» валялись у порога «золотого миллиарда», выпрашивая у богатых западных *дядюшек* и *тетюшек* долларовые подачки (Г. Судовцев); Если, например, тот или иной губернатор состоит в одной партии с Чубайсом или Гайдаром, на которых все жулье молится, то он что — не будет *братом*, *сватом* или *кумом* этому жулью? (В. Стародубцев).

2. Фрейм «Родство по супружеству»

Социальная востребованность слотов данного фрейма оказалась в современной политической речи очень различной. Наиболее частотным оказывается метафорическое использование лексики, обозначающей супружеские отношения

Слот 2.1. Муж и жена, жених и невеста

В рассмотренных материалах абсолютное большинство контекстов ориентировано на образное представление союза страны и ее официального лидера. Президентские выборы могут метафорически представляться как *обручение*, последующий период — как *предсвадебный*, вновь избранный президент и страна — как *жених* и *невеста*, инаугурация — как *вступление в брак*, а последующий период — как *медовый месяц*. Предложение занять важный государственный пост в нашей стране нередко называется *сватанье*, или *сватовство*. Как вступление в брак и начало совместной семейной жизни может образно представляться также утверждение и первый период работы нового правительства. Ср.:

- Столыжник — это особая дата для политиков. Считается, что именно столько длится «*медовый месяц*» — период, когда *избиратели-невесты* искренне очарованы своим *вождем-женихом*. Ну, а после, мол, начинается нормальная *супружеская* жизнь... Но об одном результате *предмедового месяца* В. В. Путина мы можем говорить уже сейчас (М. Ростовский); *Венчаясь* с Россией, Путин забирает в *свадебное путешествие* и кладет между собой и *невестой* смердящий труп, с оскаленным ртом, с выпученными червивыми глазами (А. Проханов); *Медовый месяц* между правительством и народом начался с попытки изнасилования (Б. Немцов).

Женихам, отвергнутым страной в целом, нередко предлагают «руку и сердце» невесты из провинции. Ср.:

- Продолжается *сватанье* варягов и всяческих федеральных знаменитостей на губернское правление. Уже начинается *сватовство* и на следующий год: к мартовским выборам уже готовится бывший министр экономики Андрей Нечаев (П. Акопов).

Политическая жизнь не менее сложна, чем семейная, а поэтому случаются и разводы. Ср.:

- Развод. Путин расходуется с ельцинским окружением (С. Бабаева, Г. Бовт); В блоке «Отечество — вся Россия» дело идет к разводу. Стороны, похоже, не сошлись характерами (К. Винников).

Бракосочетание со всеми его атрибутами может состояться также между государствами и даже между экономикой России и зарубежными инвесторами. Не исключены и разводы. Ср.:

- Цзян Дзэминь сделал Путину предложение, от которого невозможно отказаться: а именно юридически оформить брак с Россией (А. Гамов); Экономику республики можно сравнить с богатой невестой, которая ждет женихов с инвестициями, но может и не дожидаться (Н. Степанов); Еще с лета 1990 г. Россия начала переговорный процесс с другими союзными республиками о «мирном разводе» (Ф. Шелов-Ковердяев).

Слот 2.2. Свекровь, невестка и т. п. (родственники по супружеству)

В словаре А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова приводятся метафорические образы *свекрови* и *невесток*. Ср.:

- А многие националы, причем небезосновательно, убеждены в том, что центр, или Москва, или Россия выдавливают их внутренности, как пасту из тьюбика. Сварливая свекровь должна отпустить невесток — вдруг и сама помолодеет (И. Драч).

Фрейм 3. Родство по религиозным обрядам

В традиционной русской жизни значительное место занимали *крестные отцы* и *матери*, их *крестники* (крестные дети). В современной политической речи из всего этого фрейма оказался востребованным только один образ — *крестный отец*, как под влиянием западной, с позволения сказать, культуры именуют в современной России главарей преступных объединений.

Рассматриваемый материал показывает, что в последние годы древняя метафора родства по-прежнему используется в политической речи, однако, во-первых, востребованными оказались не все фреймы и слоты (особенно это касается некровного и непрямого родства), а во-вторых, концепт «семья» все чаще предстает как со-

стоящее из «братков» преступное объединение, вовсе не обязательно связанное родственными отношениями, но возглавляемое «крестным отцом». Исследуемый фрейм отличается сильным эмотивным потенциалом. Особенно ярко противопоставляются «своя» и «чужая» семья. Все связанное со «своим» кланом априорно приобретает положительную оценку, а все относящееся к «чужому» — отрицательную. Гораздо чаще встречается и ироническое использование рассматриваемой лексики. По-видимому, современный политический дискурс предопределяет востребованность именно конфликтных вариантов реализации рассматриваемой модели.

2.4. Сексуальная метафора

В настоящем параграфе рассматривается метафорическая модель **ПОЛИТИКА** — это СЕКС. В соответствии с ней слова, относящиеся в первичном значении к сексуальной понятийной сфере (в том числе обозначающие различные виды секса, взаимоотношения между партнерами, сексуальные расстройства и венерические болезни, половые органы и т. п.), метафорически обозначают социальные процессы, взаимоотношения политических организаций и конкретных политиков, моральные и деловые качества субъектов общественной борьбы и т. п. За пределами исследования по экстралингвистическим причинам осталась нецензурная лексика, инвективное употребление которой, как показал, в частности, В. И. Жельвис [1999], распространено в современной русской политической речи.

Известно, что сексуальная метафора издавна используется в русском национальном языке (показательно, что именно с сексуальной сферой связаны наиболее сильные русские инвективы), но областью ее использования традиционно считались жаргоны и просторечие, тогда как в литературной речи, и особенно в средствах массовой информации, подобные образы практически не встречались.

Скорее всего, указанная активизация связана с общей тенденцией к снятию ограничений в выборе языковых средств, в том числе вполне оправданных ограничений на использование в средствах массовой информации просторечной и жаргонной лексики. Освобо-

ждение средств массовой информации от цензуры и даже самоцензуры нередко понимается некоторыми политиками и журналистами как освобождение от любых ограничений, в том числе нравственных.

Второй фактор активизации метафор данной группы — это все более широкие возможности для сексуального образования. Едва ли имеет смысл в данный момент рассматривать достоинства и недостатки всеобщего сексуального просвещения, однако очевидно, что многие из приводимых ниже метафор не могли бы в советскую эпоху появиться на страницах высоко тиражных газет хотя бы только потому, что наименования соответствующих извращений не были бы понятны большинству читателей. Иначе говоря, в настоящее время исходная понятийная область детальнее структурирована, а это очень важно для развертывания всякой модели.

Третья причина активизации рассматриваемой модели — это ее широкие возможности для формирования эмотивных смыслов, связанных с агрессивностью, опасностью, нарушением нравственных норм и традиций, что очень важно в период обострения социальных взаимоотношений в обществе.

Показательно, что представленный ниже анализ фреймов и слотов данной модели свидетельствует, что сексуальная метафора в политической речи чаще всего связана с тем, что традиционно осуждается в народном сознании.

1. Фрейм «Половые органы»

Наиболее широкое распространение в современной политической речи получили *фаллические* образы, традиционно воспринимаемые как знаки могущества. Ср.:

- *Фаллический* символ советской эпохи — Останкинская телебашня — больше не способна к воспроизводству пропаганды (Е. Деева); Колосом навис над серостью соседних кварталов бетонный *фаллос* административной многоэтажки цвета седьмого неба (А. Павлов); Где была наша интеллигенция, по-лакейски облизывающая ему [Б. Н. Ельцину] и задницу, и *передницу* в предвыборную кампанию 1996 года? (В. Бондаренко).

Как известно, фаллос — традиционный символ сексуального мо-

гущества и воспроизводства, что и предопределяет прагматический потенциал рассматриваемых метафор. Возможно, с актуализацией особого могущества пассажира связан и следующий контекст:

- Водитель «членовоза» не успел затормозить перед автокраном, выезжавшим на проезжую часть с внутреннего проезда, а «членовредительство» мгновенно привлекает внимание СМИ (А. Заев).

Как уже было сказано выше, автор данной монографии решил воздержаться от цитирования фраз, содержащих нецензурную лексику, которая и используется в абсолютном большинстве метафор данного фрейма.

2. Фрейм «Сексуальные извращения»

Слот 2.1. Общие наименования

Известно, что современные сексологи очень осторожны в разграничении нормы и патологии, поэтому название данного фрейма ориентировано скорее не на научные представления или «просвещенный ум», а на фундаменталистские ценности или образ «русского мачо». Показателен следующий ряд однородных членов-инвектив:

- Собравшихся в Белом доме называли «подонками», «извращенцами», «вонючками» и даже «тарантулами, отгрызающими свой хвост» (Ю. Нересов).

Ср. также:

- В советское время газета («Комсомольская правда». — А. Ч.) была награждена многими орденами за свой ратный труд и благородные дела. Сейчас же она позорит свое название. Снимите ордена, извращенцы! (В. Шандыбин).

Сама номинация *извращенцы*, а также объединение сторонников «свободной любви» в один понятийный ряд с «вонючками», «подонками» и «ядовитыми пауками» подчеркивает фундаменталистскую позицию авторов.

Слот 2.2. Виды извращений

Рассматриваемые метафоры отражают традиционно осуждаемые в национальном сознании *групповой секс, однополую любовь, противоестественное использование животных* и т. п. Ср.:

- «Демократы» превратили телевидение в содом — и не увидеть в этом

пожаре перст Божий просто невозможно (А. Трубицын); Черные иконоборцы... устраивают праздники свального греха на Красной площади, откуда батальоны в 41-м уходили в бессмертие (А. Проханов); В политологии изнасилованию соответствует диктатура, а эквивалент скотоложству, я думаю, авторитаризм: возня с народом, как с бессмысленной тварью (Г. Павловский); Закон открывает «зеленый свет» вуйеризму — наказание за прослушку (чужих телефонных разговоров. — А. Ч.) — чистая условность (Р. Аршиновский); Общество стремительно стареет, ему нужна гарантированная пайка и уход... Мне на кладбище делать нечего, я как бы не увлеклась некрофилией никогда (В. Новодворская).

К этому же слоту, видимо, относятся метафорические образы, связанные с *сексуальным самоудовлетворением*. Ср.:

- С кем вы, мастера культуры? Если бы мастера культуры честно ответили на это стране, ответ звучал бы так: «Сами с собой». Страшное слово — мастурбация. Не дай бог, если президент протянет такой культуре руку (А. Муждабаев); Вместо того, чтобы любить живую бабу, вызывает какой-то образ и с ним онанирует. Вот Скуратов. Дай ему Бог! Настоящий мужик, не педик (Г. Гачев).

Рассмотренные метафоры акцентируют противоестественность существующего положения дел, моральную распущенность, забвение традиционных российских ценностей. Подобное словоупотребление часто имеет инвективный характер и вместе с тем как бы демонстрирует пренебрежение к бытующему в общественном сознании негативному отношению к использованию метафор, исходящих из определенных понятийных сфер. Впрочем, современные российские политики и журналисты умеют находить для себя извинения и в более щекотливых ситуациях.

3. Фрейм «Сексуальное насилие»

Данная группа метафор обозначает любые действия, осуществляемые с использованием насилия. К *надругательству* больше всего склонно руководство страны и другие «сильные мира сего», а жертвой почему-то чаще всего становится интеллигенция, хотя среди потерпевших могут оказаться даже офицеры Генерального штаба. К сожалению, неучливое поведение слишком широко распространено в современной политической жизни, и это предопределяет востребо-

ванность соответствующих метафор. Ср.:

- Удивительно, но главное сходство творческой интеллигенции с путанами — страх. И те, и другие боятся стать жертвами изнасилования в грубой форме. У девочек это называется субботником, у культурной прослойки — диктатурой или цензурой (А. Муждабаев); По коридорам Генштаба ходят люди в военной форме. Говорят о дачах, детях, футболе. О чем угодно, но в разговорах все, словно сговорившись, стараются не упоминать злополучный договор: стыдно чувствовать себя «нагнутым» и «поиметым» (В. Эжзбиче); Тем не менее, политика, как обычно, изнасиловала экономику — самую беззащитную даму в нашем обществе, поскольку в момент надругательства она сопротивляться не может. Зато потом мстит страшно (В. Гуревич).

Как и в предыдущем случае, прагматические смыслы рассматриваемых метафор акцентируют утрату духовности, агрессивность, стремление властей действовать вопреки требованиям морали.

4. Фрейм «Сексуальные связи вне брака»

Слот 4.1. Секс вне брака (без материального стимулирования)

Традиционная русская мораль достаточно строго относится к сексуальным связям вне брака, особенно если люди вступают в такие связи излишне поспешно, состоят при этом в браке с другими лицами или используют обман, дают партнеру основания для необоснованных надежд. Актуализирующая указанное отношение метафора способна образно обозначать всякие поспешные действия, предательство, нарушение иных моральных норм. Ср.:

- Вставать под слова Михалкова — это то же самое, что при живой жене привести домой другую женщину (Н. Федоров); Пришедшие в 1991-м к рулю либералы на самом деле творческую интеллигенцию загнали, как Золушку, если бы ее принц поматросил и бросил, а хрустальный башмачок сперли (А. Муждабаев); Прежде чем лечь в постель, надо познакомиться. Поэтому давайте сначала познакомимся, но выскажем намерение, что мы ляжем в постель (Ю. Лужков о переговорах с Японией); Если женщину обманешь — она родит, если землю обманешь — она, наоборот, рожать не будет (А. Черногоров о продаже земли).

Слот 4.2. Продажная любовь

Традиционная русская мораль осуждает профессиональные занятия сексом, в народном сознании *проститутки* воспринимаются как совершенно аморальные люди. Поэтому классическая инвектива основоположника большевизма «Троцкий — политическая проститутка» активно развертывается в современной политической речи. Ср.:

- Шойгу обнаружил *«медведей-проституток»* (О. Вандышева); Есть *проституция мужская*, есть *женская*. Так вот Руцкой подводил меня под это самое своей подачкой (Н. Варсегов); В прошлой Думе *путан* было не меньше, чем на Тверской. Целыми фракциями *выставлялись* (А. Туев); Меня не очень радует резкий рост рядов «Единства». Некоторые оделись в наши одежды и ведут себя, извините, как *дорожные проститутки*: кто заплатит, с тем и поехали (С. Шойгу).

Отметим, что Сергей Шойгу оказался едва ли не единственным политиком, который, выступая на учредительном съезде партии «Единство», хотя бы извинился за использование сексуальной метафоры на столь представительном форуме. Далее министр разъяснил смысл образа: многие политики присоединились к «медведям» не из идейных, а из карьеристских или иных корыстных побуждений. Подобные люди вызывают такое же презрение, как и представители упомянутой древнейшей профессии.

5. Фрейм «Неспособность к сексуальной жизни, лишение способности к сексуальной жизни»

Слот 5.1. Лишение способности к сексуальной жизни

Типовые для рассматриваемого слота концепты (*кастрация, членовредительство* и т. п.) в метафорическом значении характеризуют лишение естественных свойств, социального могущества, возможностей для полной самореализации. Ср.:

- Дабы не превращаться в Северную Корею или Кубу, в Кремле было решено слегка *кастрировать* демократию, назвав ее управляемой (Б. Немцов); Президент был согласен на мягкий вариант, но депутаты, вопреки здравому смыслу и политической философии, сами *себе отрубили яйца*, не понимая, что без этого они никому не нужны (Е. Строев); Народ-*мерин*, прошедший *кастрацию* НТВ, впрягается в непосильную колыхающую и тупо везет, роняя кровавую слюну (А. Проханов).

Слот 5.2. Отсутствие способности к сексуальной жизни

В данном случае дается метафорическая оценка изначальной (или приобретенной без внешнего вмешательства) неспособности к естественным и необходимым действиям. Ср.:

- Если Масхадов все это делать не хочет — у него развивается политическая импотенция — то мы ему поможем (А. Архангельский); Примаков так прямо и сказал, что задуманная правительством стерилизация превратит нас в евнухов. Пришлось ему объяснить, что стерилизация — обычный экономический термин (А. Кудрин); В условиях тотальной импотенции Рушайло один из тех, кто способен на резкие действия (А. Хинштейн).

Подобные метафоры позволяют представить соответствующий объект как лишенный необходимых свойств, неполноценный, несчастный, достойный сочувствия (а в случаях самокастрации — еще и паразитично глупый).

При рассмотрении закономерностей использования сексуальной метафоры в политических текстах обнаруживается несколько типовых приемов поддержки «сексуального напряжения» текста.

Во-первых, некоторые политики и журналисты злоупотребляют двусмысленными фразами. Многозначные выражения с сексуальным подтекстом всегда считались крайне неприличными в политической речи, но, видимо, моральные нормы в последние годы стали значительно мягче.

Например, журналист так рассказывает о заседании Государственной думы:

- Депутат Шандыбин прямо из зала заорал, почему Слиска ему не дает, на что отвыкшая от молчания главная спикерша ответила, что кому хочу, тому и даю (Н. Шипицына).

Позднее некоторые депутаты требовали от Василия Шандыбина извинений, но коммунист категорически отказался признать свое поведение непристойным. Впрочем, удивляет и речевая манера вице-спикера Государственной думы Любови Слиска.

Ср. также:

- Спор Старовойтовой с Явлинским закончился фразой: «С дамой я предпочел бы заняться делом более приятным» (И. Боброва).

Во-вторых, некоторые журналисты и читатели стремятся найти сексуальный подтекст даже в тех случаях, когда автор на него, скорее всего, не рассчитывал: это относится, в частности, и к высказываниям Виктора Черномырдина: «Вечно у нас стоит не то, что нужно»; «Не кто под кем, а все мы здесь депутаты», а также к загадочному признанию саратовского губернатора Д. Аяцкова: «Я завидую Монике Левински».

Возможно, сюда же следует отнести использование в политических текстах грубо-просторечных названий некоторых частей тела. Ср.:

- Все-таки удивительно: как мы все ухитряемся привыкнуть жить в возу сена, с интересом наблюдая процесс горения серных спичек в непосредственной близости от собственной задницы (О. Романова); Доренко погрозился «надрать задницу» врагам (Н. Бокрина).

Как отмечает В. Н. Шапошников, в современной прессе «степень низости слов мало знает эстетических и этических пределов, поэтому используется все... На создавшемся фоне частичные отточия и укороченные буквенные комплексы (зас-цы, ж..., чернож..., поср...ть) глядятся как акты целомудрия» [1998, с. 224].

Рассмотренные материалы показывают, что сексуальная метафора в последние годы действительно превратилась в одну из ярких примет русской политической речи. Все более детальной становится структурированность исходной понятийной сферы: особенно это относится к фреймам «Сексуальные извращения», «Сексуальное насилие», «Продажная любовь», «Неспособность к полноценной сексуальной жизни».

Вполне возможно, что здесь действует рассмотренная Ст. Ульманном закономерность: источниками метафорической экспансии обычно становятся обозначения реалий, которые очень актуальны для общества, хорошо известны людям и вызывают их повышенный интерес. Наблюдения показывают, что сексуальные метафоры в современной политической речи, как правило, имеют пейоративную эмотивную нагрузку и одновременно помогают выразить отношение к моральной распущенности, противоестественности существующего положения дел, к забвению фундаментальных для русского народа нравственных ценностей. Вместе с тем злоупотребление сексуальными метафорами часто демонстрирует пренебрежение авторов к

существующим в национальном сознании моральным преградам, традициям и правилам культуры речи. Отечественные СМИ в течение многих десятилетий обходились без сексуальной метафоры, и это надо отнести к одному из немногих достоинств существования цензуры. К сожалению, отмена внешнего надзора над журналистами не обеспечила повышения внутренней культуры работников СМИ, не способствовала формированию у них чувства ответственности за каждое свое слово перед читателями, слушателями и зрителями. Остается надеяться, что новое поколение носителей русской культуры найдет другие источники метафорической экспансии.

Подводя общие итоги рассмотрения антропоморфной метафоры, отметим прежде всего «разные судьбы» исследованных моделей в современной политической речи. Наибольшее развитие получили модели (и их отдельные фреймы, слоты) с концептуальными векторами тревожности, агрессивности, отклонения от естественного порядка вещей (болезнь, сексуальные извращения и др.). Как уже было сказано, самой продуктивной и востребованной оказалась морбиальная метафора, а практически не встречавшаяся ранее в официальных текстах сексуальная метафора превратилась в заметное явление. Несколько увеличилось количество образов, связанных с метафорическим использованием наименований частей человеческого тела, его органов и физиологических действий. С другой стороны, заметно сократилось использование метафоры родства: видимо, типичные прагматические смыслы подобной метафоры (душевная близость, взаимопомощь и др.) мало созвучны современной политической сфере.

Глава 3

Субсфера «Социум» как источник политической метафоры

В настоящей главе рассматриваются четыре основные метафорические модели, основанные на понятийных сферах социальной субсферы, — криминальная метафора, военная метафора, театральная метафора (точнее — метафора сферы зрелищных искусств), метафора игры и спорта. За пределами специального рассмотрения остались экономическая метафора, образы, восходящие к изобразительному искусству, и ряд других моделей, мало характерных для современной политической речи. Высокая употребительность и широкие возможности в развертывании рассматриваемых метафорических моделей, видимо, связаны с тем, что в современном российском национальном сознании политическая деятельность часто понимается, структурируется и осуществляется (в политике Слово — это и есть Дело) на основе концептов «преступность», «война», «театр», «цирк», «игра», «спорт». Вероятно, существуют в российском политическом дискурсе какие-то концептуальные векторы, которые определяют востребованность именно такой метафоры. С другой стороны, отражаясь в метафорическом зеркале, эти векторы оказывают обратное воздействие на социальную оценку политической ситуации, еще более усиливая пессимистические настроения.

3.1. Криминальная метафора

Базисная метафора **СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ — это ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО** стала одной из доминантных моделей политической речи последнего десятилетия. Криминальная метафора — представ-

ление современной российской действительности как преступного мира, где нет места гуманистическим отношениям. Ее существование связано, в частности, с тем, что вместо прежних социальных заблуждений об отмирании преступности в мире побеждающего социализма в нашем обществе все шире распространяется миф о всемогуществе преступного мира, о преступлении как о единственном средстве добиться справедливости и даже просто выжить, о России как стране преступников.

Специалисты отмечают, что в российской ментальности сформировалось совершенно недоступное пониманию иностранцев отношение к справедливости, закону и его нарушителям [*Вежбицка*, 1996, с. 37; *Левонтина, Шмелев*, 2000, с. 282; *Степанов*, 1997, с. 432—433; *Рябцева*, 2000 и др.]. Многие граждане проявляют удивительную снисходительность к преступникам, ищут и находят для них всевозможные оправдания, искренне считают, что в «этой стране» невозможно жить в гармонии с законами, поскольку, как известно, строгость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения.

Показательно, что иностранцы иногда просто не в силах осмыслить привычные для наших граждан выражения. Так, один из известных английских юристов на семинаре в Екатеринбурге никак не мог понять выражения «вор в законе» и долго объяснял собравшимся его полную абсурдность: «Вор — это гражданин “вне закона”, а не “в законе”: нарушение статей уголовного кодекса не может быть законным».

Следует отметить, что криминальная метафора достаточно традиционна для российской политической речи: например, в советской прессе политических противников правящей элиты (троцкистов, зинovieвцев, позднее — диссидентов) постоянно называли уголовниками, бандитами, гнусной шайкой. Однако в современной России криминальная метафора стала настолько распространенной, что иногда создается впечатление, что сейчас ни один стремящийся к успеху политический деятель или журналист уже не может обойтись без уголовной метафоры или хотя бы без уголовного жаргона. Даже президент России позволяет себе на встрече с лидером Великобритании цитировать высказывание одного из полевых командиров о

«козлах» и говорит о необходимости «мочить» террористов «в сортире».

При детальном рассмотрении метафорической модели «Россия — это преступное сообщество» легко выделяются следующие фреймы.

1. Фрейм «Преступники и их специализация»

При анализе этого не структурированного на слоты фрейма оказывается, что в современном политическом дискурсе граждане России постоянно метафорически (то есть без каких-либо юридических оснований) представляются как *гангстеры*, *уголовники*, *шпана*, *грабители*, *жулье*, *джентльмены удачи*, *киллеры* и *проститутки*, *наперсточники* и *шулеры*, *бандиты* и *рэкетиры*. Ср.:

- Аграрная фракция — это политические *мошенники* (В. Жириновский); Людям, подготовившим такой *грабительский* бюджет, просто нечего делать в Белом доме (А. Куваев); Он-то [Горбачев] думает: ошибся в кадрах, обложился мелким *жульем*, передоверился кому не следует (А. Костиков); Анатолий Лукьянов управляет съездом, как опытный *наперсточник* (А. Собчак); Распространяемые в Думе слухи — это политические *киллеры*. Они разят наповал (А. Плутник).

Прагматические смыслы, формируемые метафорами этой группы, таковы: российская элита состоит из людей, презирающих законы, готовых пойти на все ради собственной выгоды.

2. Фрейм «Преступные сообщества и их структура»

Слот 2.1. Преступные сообщества

В российской политической жизни трудно выжить в одиночку. Для более эффективной деятельности наши соотечественники объединяются в *банды*, *шайки*, *мафиозные семьи*, *кланы* и *команды*, члены которых оказывают посильную помощь друг другу и вместе борются с конкурентами. Ср.:

- Мы никогда не простим и проклинаем ту *бесовскую шайку*, которая своей жирной задницей села на шею России (Завещание недавних защитников Белого дома, 1993); *Банду Ельцина* — под суд (лозунг в «Советской России»); Якобы прибыль, получаемая из России, шла не только в карман Пакколи, на прокорм *«семьи»* и кредитку Ельцину, а в основном тратилась на косовских албанцев

(А. Хинштейн).

Слот 2.2. Иерархические отношения в преступных сообществах

Внутри преступных сообществ, организуемых российскими политиками, существуют иерархические отношения: глава банды — *пахан* или *крестный отец*; уважаемый человек — *авторитет*, *вор в законе* или просто *вор*; на низшей ступени социальной лестницы находятся *шестерки*.

К этому же слоту следует отнести концепт *подельники* — в преступном жаргоне так называют людей, вместе совершивших преступление. Ср.:

- А. Батурин — член *мафиозной семьи* Лужкова, его *шестерка* (С. Доренко); Суть проблемы изъяснила принадлежащая Гусинскому радиостанция: «Мы имеем дело с актом государственного бандитизма, нами правят *паханы* — пальцы веером, сопли пузырем (М. Соколов); Развал СССР объясняют не тем, что это государственное образование себя полностью изжило, а тем, что Ельцин и его «*подельники*» перегрелись в беловежской бане, выпили лишнего. Дескать, если бы Ельцина вообще не было на свете, невозможно было бы представить ту благодать и благолепие, в которых бы мы сегодня купались (Ю. Черняков); Собчак — *крестный отец* города (А. Соснов).

Типичные прагматические смыслы метафор этой группы — у власти (в государстве, в его регионах, на отдельных предприятиях и т. п.) находится преступное сообщество, которое иерархически структурировано.

3. Фрейм «Быт “братвы” и ее профессиональная деятельность»

Слоты этого фрейма позволяют выявить типичные метафорические представления о деятельности наших сколько-нибудь примечательных соотечественников. В этой сфере разграничиваются быт *братвы* и ее профессиональная деятельность, отношения с *лохами*, в роли которых нередко оказываются и государственные структуры.

Слот 3.1. Профессиональная деятельность

Наиболее полно обычную профессиональную деятельность чле-

нов «семей» и «команд» представляют такие концепты, как *огрбить*, *изнасиловать*, *убить*, *пристрелить*, *прихватизировать*, *украсть*, *шулерские махинации*, *беспредел*, *террор*, *геноцид*, *рэкет* и т. п. Впрочем, деятельность государственных структур нередко очень похожа на занятия «братвы». Ср.:

- Шеф [Б. Н. Ельцин] всегда мне жаловался, как бессовестно Юмашев его *огрбил*, выпустив первую книжку (А. Коржаков); Новый директор оказался зрелым мастером, прекрасно владевшим этими *шулерскими махинациями* (Н. Горшенин); Сможет ли новый президент остановить *беспредел* на высших этажах власти (А. Фадеев); Многие сотрудники спецслужб *держат «крыши»* коммерсантам, но Рушайло и Качур пошли дальше — они узаконили *«крышевание»* (А. Хинштейн).

Слот 3.2. Быт и взаимоотношения

Преступные «семьи» и «команды» — это особый мир со своим языком и своими представлениями об этикете, долге и справедливости. Братаны *ботают по фене*, *живут в законе*, *ловят кайф*. Паханам приходится не столько самим *воровать* и *грабить*, сколько поддерживать «порядок» в преступном мире, то есть *разводить* (улаживать недоразумения, выступать в роли арбитра), *смотреть за общаком*, наказывать тех, кто *крысятничает* (ворует у своих), много *гонит* (обманывает братву), *стучит* (доносит) или иным образом поступает («не по понятиям»). Этим же занимаются и многие политики. Ср.:

- В российскую элиту пришли — в основном — распальцовщики, разводящие, чисто конкретные, ничего не читавшие и ничего не смотревшие (если не *считать смотрения за общаком*) (А. Архангельский, Г. Бовт, Ю. Богомолов); Необходимо поднимать зарплату и во властных структурах: нищие чиновники начинают *крысятничать* (С. Петухов); Нынешние выборы были рекордными по числу жалоб, оппоненты активно *«стучали»* в избиркомы друг на друга (С. Поршаков).

Типовые прагматические смыслы подобных метафор — действия властей жестоки, эгоистичны, часто бессмысленны и наносят значительный ущерб обществу; такое поведение противоречит фундаментальным ценностям российского общества.

Слот 3.3. Жилье, экипировка и орудия деятельности преступников

К данному слоту относятся такие подгруппы концептов, как «жилье, место сбора преступников» (*притон, блатхата, малина*), «орудия совершения преступлений» (*кастет, отмычка, яд, бомба, шулерские наперстки* и др.) и «экипировка» (*перчатки, маска* и т. д.). Эти номинации в политических текстах метафорически используются при описании разнообразных действий нефизического характера. Ср.:

- Хотя есть смысл проследить, как действует *паралитический яд* пропаганды (А. Ципко); Новый Мавроди уже готовит *шулерские наперстки*, предвкушая доходы от лохов (А. Зуев).

Метафорические употребления, соответствующие рассматриваемому фрейму, характеризуют отношения внутри политической элиты как особый мир со своими законами и своей моралью. Соответственно как преступные характеризуются методы и инструменты политической и экономической деятельности и вся эта деятельность в целом. Внушается представление о бессмысленности честной борьбы в стране, где никто не уважает общечеловеческие моральные нормы и даже законы.

4. Фрейм «Жертвы преступников и иные не относящиеся к преступному сообществу граждане»

В этот фрейм входят слоты «жертвы преступников» (его составляют концепты *лох, заложник и терпила*) и слот «не имеющие отношения к преступникам люди» (*фраера*). По представлениям преступного мира, все эти люди не достойны даже сочувствия. Приведем несколько примеров:

- Мы, жители области, не должны быть *заложниками* нынешнего губернатора, его показушных инициатив, неумеренных властных амбиций и разрушительной политики (В. Шевченко); Народ опять держат за *лохов*, доверяющих политическим *наперсточникам* (Н. Андреев); Если делить, то пахан это делает гораздо лучше, чем ученый, почитавший какие-то книжки. — То есть пахан это делает лучше, чем *фраер*? (В. Найшуль, М. Леонтьев).

Типичные прагматические смыслы данного фрейма сводятся к тому, что в нашей стране люди, не ставшие преступниками, удиви-

тельно глупы и доверчивы, поскольку все их более сообразительные соотечественники уже давно перестали уважать законы.

5. Фрейм «Места лишения свободы и их обитатели»

Слот 5.1. Места лишения свободы

Составляющие данный слот концепты обычно используются для наименования-характеристики нашей страны. Можно сказать, что эти слова — своего рода контекстуальные синонимы для слова Россия или каких-то частей России: *ГУЛАГ, лагерь, зона, тюрьма, тюремная камера, концлагерь*. Ср.:

- Лидеры *«агрогулага»* не забыли пообещать поддержку фермерам (С. Разин); И как бы ни пытались гайдары, чубайсы и прочие, кто ненавидит все русское, советское, народное, загнать нас в ширпотребовский, интеллектуально-бытовой *концлагерь*, у них ничего не выйдет (Г. Зюганов).

Слот 5.2. Обитатели мест лишения свободы

Если Россия — это большая зона, тюрьма, то для обозначения ее граждан (содержащихся в местах лишения свободы) лучше всего подходят слова *зеки* и *лагерники*, которые, впрочем, иногда бывают и *бесконвойными*. В некоторых случаях их могут даже *реабилитировать*. Ср.:

- Бывший ельцинский пресс-секретарь, переметнувшийся на сторону «Отечества», сейчас *реабилитирован* (Е. Салина); А вот публика... По моему, с ними произошел *«зековский»* синдром. Им очень хотелось обратно в зону, им хотелось кнута (И. Ильин).

Подобные словоупотребления формируют прагматический смысл «Россия — это страна диктатуры, ее граждане несвободны и смирились с этим, у них ущербная психология».

Слот 5.3. Быт в местах лишения свободы

Рассматриваемый слот — это своего рода метафорическое представление повседневной жизни граждан нашей страны. В составе фрейма можно разграничить слоты «жилище» (*камера, решетка*), «питание» (*баланда, пайка*), «предметы быта» (*нары, параша, оковы* и т. п.), «одежда (*теллага, кирзачи*) и др. Ср.:

- Регионы должны зарабатывать, а не ждать *«пайку»*, которую будет раздавать правительство (А. Горков); Нет смысла пробивать головой стену *камеры* (Г. Горин); Россия освободится от *оков* ельцинизма (В. Петухов); Республики были крепко-накрепко прикручены друг к другу *ключей проволокой* тоталитаризма (А. Новиков).

Характерные прагматические смыслы — ужасающие условия жизни народа: уравниловка, бедность, наказуемость инициативы, неумение пользоваться свободой и генетическая память о ГУЛАГе.

3. Фрейм «Милиция и охрана»

Данный фрейм вполне естественно вписывается в рассматриваемую модель: если есть преступники, если имеются места лишения свободы, то существуют и люди, которые должны оберегать покой честных граждан от преступников и следить за порядком в местах «не столь отдаленных». К тому же в России («ельцинской поры»), как и в старые времена, была весьма распространена «ротация», в соответствии с правилами которой «охранники» и «охраняемые» периодически меняются местами (министр юстиции Ковалев, глава КГБ Крючков, генеральные прокуроры и т. п.).

Слоты анализируемого фрейма обычно используются для обозначения государственных служащих, а также людей, положительно отзывающихся о России, ее лидерах и государственной власти. Как известно, государственных служащих в России чаще всего презрительно именуют «бюрократы», противопоставляя тем самым государственную службу честному труду, демократическим нормам, образу жизни порядочного человека. Вместе с тем для обозначения «бюрократов» постоянно используются и элементы рассматриваемой метафорической модели. Это, прежде всего, слоты «охрана» (*конвоиры, надсмотрщики, «верные Русланы», охранники*) и «милиция, сотрудники, предупреждающие преступления и отыскивающие преступников» (*сыщики, секьюрити, сторожа, чекисты*). Ср.:

- Лидеры партий, когда требуют солидарного голосования, действуют, как *надсмотрщики* (С. Петухов); Сейчас каждый олигарх завел по *Верному Руслану* в виде телекиллера и собственную секьюрити (А. Зуев); Руцкой придумал для области уникальную систему: он совмещал функции пахана и *конвоира* (В. Дубов).

В целом анализ рассматриваемой модели свидетельствует о ее высоком прагматическом потенциале. Соответствующие модели метафоры подчеркивают типовые прагматические смыслы «преступность» и «иерархичность» современного общества, «несамостоятельность» многих политических деятелей. Показательно, что эта модель практически всегда несет негативную оценку действительности, особо выделяя отсутствие в стране свободы, нравственную ущербность и виктимное самосознание русского народа, который безропотно мирится со своим положением, а на выборах отдает предпочтение законченным негодям.

В качестве средства контекстуальной поддержки рассматриваемой модели часто используется лексика блатного жаргона. Это позволяет подчеркнуть естественность и общепонятность преступного слова, а вместе с тем и преступных порядков, преступного поведения, преступного мировосприятия. «Блатная феня» все чаще звучит даже из уст высших государственных служащих и лидеров крупнейших политических партий, широко известных в стране журналистов и бизнесменов: иногда может показаться, что некоторые жаргонные слова и жаргонные значения общеупотребительных слов (*беспредел*, *закозлить*, *наезд*, *разборка*, *крыша*, *откат*, *знать*, *наезд*, *мочить*, *стучать* и т. п.) превращаются то ли в политические термины, то ли в публицистические «штампы». Ср.:

- Как Руцкой пытался закозлить генерала ФСБ Суржикова (Н. Варсегов); Мы считаем наезды на Ковпака в подконтрольной Росселю прессе политическим заказом (В. Коршунов); В центре Екатеринбурга продолжает твориться предвыборный беспредел (С. Сыпачев); В. А. Гусинский славен своим искусством разводить на бабки, а для успеха разводок иногда надо пренебрегать строгими требованиями эстетической цельности действия (М. Соколов); Валерий Карлович в своей критике занял самую крайнюю позицию «мочить всех» (А. Чистяков).

Криминальная метафора — явление вполне традиционное для русской речи, и она отражает определенные векторы национального сознания. В какой еще стране «тюремные песни» стали столь заметным жанром фольклора? В каком другом государстве фраза «В дет-

стве я рос хулиганом» стала почти общим местом в мемуарах крупнейших политиков? Где еще в мире едва ли не ежегодно проводятся амнистии? В каком еще обществе в парламент постоянно избирают людей с уголовным прошлым, а бывшие депутаты и министры нередко оказываются на скамье подсудимых? Для русского самосознания преступник — это не обязательно враг общества; во многих случаях это смелый человек, решившийся от отчаяния нарушить несправедливые законы, а заключенный — возможная жертва ошибки. Вместе с тем очевидно значительное усиление частотности и продуктивности криминальной метафоры именно на данном этапе развития русского политического дискурса.

Криминальная метафора пронизана концептуальными векторами тревожности, опасности, агрессивности, противоестественности существующего положения дел, резкого противопоставления «своих» и «чужих», что, видимо, отвечает потребностям современной политической речи. Можно предположить, что одна из причин активизации данной модели — это реальное обострение криминальной обстановки, которое отражается в народном сознании и находит выражение в речи. Давно замечено, что находящиеся в центре общественного сознания явления становятся источником метафорической экспансии. Вместе с тем активное использование в речи криминальной метафоры (как и едва ли не смакование в средствах массовой информации картин реальных преступлений), несомненно, влияет на общественную оценку ситуации в стране, внушает мысль о том, что общество действительно пронизано криминальными связями и отношениями, что в России преступление — это норма, а подобные умонастроения опосредованно могут сказываться на уровне преступности в обществе.

4 3.2. **Милитарная метафора**

Дж. Лакофф и М. Джонсон доказали особую значимость концептуальной метафоры «Спор — это война» в американской культуре [1990]. Если бы их книга «Метафоры, которыми мы живем» готовилась в нашей стране, то концепт «Спор» вполне можно было бы заменить концептом «Россия».

Базисная метафора **РОССИЙСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ** — это **НЕПРЕКРАЩАЮЩАЯСЯ ВОЙНА**, или в другой формулировке — **СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ** — это **МИЛИТАРИЗИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВО**, страна, где идет постоянная гражданская война, занимает важнейшее место в образном представлении современной российской действительности. Так сложилась российская история, что на судьбу едва ли не каждого поколения приходилась война, а поэтому военная лексика — это один из основных источников метафорической экспансии на самых разных этапах развития русского языка. Богатый военный опыт традиционно находил свое отражение и в национальной ментальности, военные метафоры как бы показывали наиболее эффективный путь для решения сложных проблем общества.

Милитаризованное сознание в полной мере проявляется и в русской речи XX века: по наблюдениям целого ряда исследователей (Ю. А. Бельчиков, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, А. Н. Кожин, Н. А. Кузьмина, А. Б. Ряпосова, Г. Я. Солганик, Ю. Б. Феденева, А. П. Чудинов и др.), военная метафора — яркий признак отечественных политических текстов едва ли не всего советского периода существования нашей страны, причем активизация подобных образов чаще всего происходит в наиболее сложные для России периоды.

К сожалению, современная отечественная действительность в немалой степени способствует дальнейшей активизации военной метафоры. Речь в данном случае идет не только о военных действиях на Северном Кавказе, которые в официальных документах эвфемистически называются не войной, а контртеррористической операцией.

В соответствии с представлениями современной когнитивной семантики метафорическое моделирование — это отражающее национальное самосознание средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности при помощи относящихся к совершенно иной понятийной области сценариев, фреймов и слотов. Военная метафора навязывает обществу конфронтационные стереотипы решения проблем, ограничивает поиск альтернатив в социальном развитии и решении конкретных проблем. Мы излишне часто вспоминаем поговорку «На войне как на войне», забывая о том, что метафорическая война ведется в условиях мира, а в мирной жизни законы военного времени не применяются. Типичная

метафорическая атака — это всего лишь элемент дискуссии, цель которой — поиск истины, а не физическое уничтожение противника.

Рассматриваемая метафорическая модель представляет российскую действительность как «войну всех против всех». Политические деятели, партии, бизнесмены, журналисты и самые обычные граждане постоянно с кем-то воюют: наступают (часто под тем или иным флагом), идут врукопашную, обороняются, подводят мины, прячутся в окопах, занимают, оставляют или захватывают стратегические высоты, используют крупнокалиберную артиллерию, дымовые завесы и другие необходимые для боевых действий средства. Политические войны ведут штурмовики и десантники, разведчики и артиллеристы, они воюют под руководством маршалов и генералов, которые разрабатывают стратегию и тактику боевых действий, планируют десантные операции и другие способы достижения победы.

Показательно, что в течение последнего десятилетия XX века российские политики по крайней мере четыре раза переходили от войны политической к настоящим боевым действиям с использованием самой современной военной техники (путч, разгон Верховного Совета, две «контртеррористические» операции в Чечне). Нехватка политических аргументов восполнялась использованием танков. В такой атмосфере политическая борьба воспринимается как своего рода предварительный этап военных действий, а политическая терминология объединяется с военной в одно целое. Проблема информационных войн в современной России постоянно обсуждается в специальной литературе [Грешневиков, 1999; Крысько, 1999; Мухин, 2000; Почепцов, 2000 и др.].

При детальном рассмотрении метафорической модели «Российская действительность — это непрекращающаяся война» регулярно выделяются следующие фреймы.

1. Фрейм «Война и ее разновидности»

Входящие в данный фрейм слоты характеризуют виды ведущихся в России политических войн: чаще всего это *междоусобица*, *ревани*, *гражданская*, *информационная* или *холодная война*; в близком смысле используются также наименования *кампания* и *поход*; иногда войну приходится вести на несколько *фронтов*; случается, что уча-

стники конфликта вынуждены действовать в несколько *эшелонов*. Ср.:

- Пока, похоже, мы проигрываем *информационную войну*. Никак не можем доказать миру, что наши действия в Чечне законны и справедливы (С. Иванов); Демократы убедились, что *междоусобицы* контрпродуктивны для оппозиции (А. Дубинин); На предвыборном *фронте* без перемен: в Курганской области интрига развернулась только во втором *эшелоне* (С. Сорокин); Коммунистический *реваниш* на выборах-2000 уже невозможен, но медвежий *поход* не будет простым (А. Зуев).

Типовые прагматические смыслы, формируемые метафорами этой группы, можно обозначить следующим образом: современная российская действительность — это война всех против всех, наши политики, бизнесмены и даже самые обычные люди ориентированы не на совместное решение возникающих проблем, а на агрессивную борьбу с себе подобными.

2. Фрейм «Организация военной службы»

Слот 2.1. Специализация воинов

В политической деятельности оказались востребованными самые различные воинские специализации. В гражданской войне принимают участие *разведчики*, *гвардейцы*, *десантники*, *диверсанты*, *стратеги*, *партизаны*, *бойцы штурмовых бригад*.

- Красочный стиль губернатора Кондратенко, который обычно изобилует выражениями «*пятая колонна*», «*диверсанты*», «мировая закулиса» сам по себе никого не удивляет. Но противники губернатора считают, что демарш вызван желанием перенести выборы (Г. Кравченко); И придется Голубицкому вести свои *боеспособные кадры* в ряды «Единства». Причем в самом начале колонны. Ну, не в *партизаны* же подается областной министр госимущества со своими *дружинами*? (Е. Бокрина); Не надо противопоставлять нашу фракцию в Думе и движение «Единство» в целом. Фракция — это наш *десант* в Думе (С. Шойгу).

Слот 2.2. Иерархические отношения военнослужащих

Детальная структурированность *воинской иерархии* нередко оказывается востребованной при метафорическом обозначении отношений между субъектами политической деятельности. Ср.:

- *Рядовые солдаты* избирательной кампании не всегда догадываются о стратегических планах своих *командиров* (Н. Зайков); Родина, которая нам все меньше мать и все больше *старшина* (В. Шендерович); Ельцин — *полководец* без армии (С. Говорухин).

Образ русского человека в национальном самосознании (и, видимо, в сознании многих соседних народов) — это, конечно, образ хорошо подготовленного, смелого и упорного воина. Многовековая милитаризация русского сознания привела, помимо прочего, к тому, что значения многих подобных слов окружены неким романтическим ореолом, что, разумеется, используется авторами текстов для прагматического воздействия на читателей, зрителей и слушателей.

Слот 2.3. Воинские подразделения

Политическое объединение, трудовой, творческий или иной коллектив, всякая группа совместно действующих людей в современной политической речи часто обозначаются как *армия*, *дивизия*, *полк*, *взвод*, *гвардия*, *десант*, *пятая колонна*, *дружина*, *партизанский отряд*. Сколько-нибудь значительная организация должна иметь *штаб*, *разведроту*, *боевое охранение* и другие военные структуры. Ср.:

- Чернецкий проиграл, не смог устоять перед целой *армией* консультантов, газетчиков и прочих журналистов, которых натравил на него Россель (С. Образов); По словам С. Шойгу, фракция «Единство» в Думе — это не высший орган движения, а его *отряд*, *десант* в Государственной думе (С. Жданов); *Штаб* губернатора давно наметил стратегию избирательной кампании (С. Буров); *Полку* генерал-губернаторов прибыло. К ранее избранным добавились три Владимира — адмирал Егоров (Калининградская область), герой Чеченской войны Шаманов (Ульяновская область) и генерал ФСБ Кулаков (Воронежская область) (В. Цепляев).

Наименования всех указанных воинских подразделений и структур хорошо знакомы нашим соотечественникам, что создает воз-

возможность для актуализации при образном употреблении необходимых семантических признаков рассматриваемых слов: так, очень большое объединение людей метафорически обозначается как *армия*, поменьше — *дивизия* или *полк*, еще меньше — *взвод*. Во многих случаях актуализируются и коннотативные признаки слов рассматриваемой группы: например, очевидна яркая негативная оценка у составного наименования *пятая колонна* и не менее отчетливая позитивная оценка у близкого по смыслу наименования *партизанский отряд*.

3. Фрейм «Военные действия и вооружение»

Слот 3.1. Военные действия

Метафоры этой группы способны обозначать едва ли не всякие политические действия, особенно производимые интенсивно, целеустремленно, решительно. В подобных случаях могут использоваться концепты *сражение*, *бой*, *битва*, *баталия*, *массированный огонь* и др. Ср.:

- Андрей Чехов призвал сделать ЦК и президиум КПРФ «*боевыми органами*». С тем, чтоб они, если надо, *воевали* по-настоящему (А. Зверев); Демдвижение: пейзаж после *битвы* (А. Птицын); *Кампанию* лидеру «Яблока» пришлось вести под *массированным огнем* государственных СМИ (А. Дубинин).

Для обозначения специализированных боевых действий в агитационно-политических текстах образно используются следующие номинативные единицы: *кавалерийская атака*, *окапываться*, *отступить*, *выйти из окопов*, *обороняться*, *бомбардировать*, *лечь на амбразуру*, *штурм*, *осада*, *поход*, *артподготовка*, *прорыв*, *торпедировать*, *блокада*, *диверсия*, *пристрелка*. Ср.:

- *Атаковать* Путина в лоб сейчас — все равно, что *защищать* Басаева и Хаттаба — это самоубийство для российского политика (В. Елохин); Дальше неизбежное банкротство, если страна не сумеет совершить *прорыв* к эффективной рыночной экономике (А. Птицын); Обстановка в Думе типа «*затишье перед атакой*». Бойцы готовятся к новым *походам* (К. Попова); Идет третья мировая война. Мы готовы рисковать собой и *идти в штыковую* (В. Стародубцев).

Показательно, что многие из рассмотренных слов обладают значительным позитивным прагматическим потенциалом: соответ-

вующие действия как бы заранее оцениваются в качестве заслуживающих одобрения, сочувствия, поддержки. Общая милитаризированность сознания делает такие метафоры очень понятными, естественными для современной России: у людей даже не вызывает недоумения обозначение уборки картофеля как *битвы за урожай*, отклонения закона в Думе как *торпедирования*, а серии выступлений в средствах массовой информации как *телерадиоопальбы* или *артподготовки*.

Слот 3.2. Виды вооружения и его использование

Участники политических боев не брезгают никакими видами вооружения и иными средствами для ведения боя. Это оружие может быть как вполне современным (*артиллерия, танк, миномет, винтовка, боевая ракета* и др.), так и давно устаревшим (*копье, стрела, кинжал, шашка* и др.); воины заранее готовят боеприпасы (*патроны, снаряды, держат порох сухим*) и средства укрытия от огня (*окопы, блиндажи*). Помимо собственно оружия, в ходе боевых действий применяют также *щиты, маскхалаты, дымовые завесы* и другие средства защиты и маскировки. Политическое оружие испытывают на специальных *полигонах*, хранят на *военных складах*, при необходимости ремонтируют и, конечно, активно используют. Ср.:

- Наши доморощенные «зеленые» тоже приложили руку к *цевью ружья*, нацеленного в русский народ (А. Лысков); Много появилось тех, кто *шашки* с нами не тупил во время предвыборной кампании в Госдуму и во время президентской кампании (С. Шойгу); Переизбыток президентской власти — это *мина* замедленного действия (А. Сунин); В Фонд имущества с улицы не попадешь. Проще просочиться на военный *склад боеприпасов* (К. Попова).

Подобная метафора, с одной стороны, позволяет представить средства политической борьбы как максимально эффективные, способные нанести врагам решительное поражение, а с другой — представить отношения внутри партий и движений как своего рода «фронтное братство», скрепленное тяжелыми испытаниями. В сознании граждан стирается граница между войной и мирной жизнью, суровые боевые законы как бы распространяются на гражданскую жизнь.

4. Фрейм «Начало войны и ее итоги»

Слот 4.1. Мобилизация и демобилизация

Привлечение людей к политическим действиям или их освобождение от активной деятельности обозначается метафорическим использованием военных терминов: *мобилизация, демобилизация, призыв, призывник, увольнительная, отпуск* и т. п. Ср.:

- Путинский *призыв* во власть значительно отличается от ельцинской гвардии (В. Соловьев); Ельцин — *дембель* (В. Шендерович); Ударная роль отводится слухам, *мобилизованным* на службу политике. Эти слухи рязят врагов президента наповал (А. Плутник).

Слот 4.2. Начало и завершение военных действий

Для обозначения начала серьезных политических столкновений используются милитарные наименования *объявить войну, напасть, перейти Рубикон*; одни участники таких столкновений *одерживают победу*, а другие *терпят поражение*, результатом которого являются *плен, капитуляция, оккупация, полученные победителем трофеи и добыча мародеров*. Ср.:

- В течение 10 лет Ельцин непрерывно *капитулировал* перед украинскими президентами (А. Солженицын); Мой муж хотел избавить замордованную, ограбленную, униженную Россию от шайки господствующих *мародеров* (Т. Рохлина); Сергей Павлович Маслов всегда верил в победу коммунистических идей и одним из первых на Урале включился в борьбу с *оккупационным режимом* (И. Косюшкин); Сам губернатор Россель призвал *не отдавать без боя* завоеванное (В. Смелов); Находясь в *плenu* концепций рыночного детерминизма, нельзя рассчитывать на успех (В. Иванов).

Наблюдения за подобными метафорами показывают, что свойственное тоталитарному обществу милитаризированное сознание по-прежнему сохраняется в мировосприятии наших современников, с той лишь разницей, что разрушение прежней государственной системы и фактическое поражение в холодной войне направило общественное сознание на поиски врагов уже не вовне, а внутри общества: холодная война с враждебным миром превращается в гражданскую войну.

5. Фрейм «Воинские символы и атрибуты»

При характеристике политической ситуации нередко метафорически используются слова, обозначающие воинские символы и атрибуты: *знамя, флаг, мундир, погоны, дембельский альбом, строевой шаг, парад, салют, торжественный марш* и др. Ср.:

- В такой обстановке трудно пройти в Думу *торжественным маршем: парад* победителей состоится в начале января (А. Буев); Прощальные подарки уходящим депутатам выдавались в виде благодарственных адресов, цветочков и *дембельских альбомов* (К. Попова); *Чистота мундира* для Росселя стоит немного. *Под флагом* борьбы с неплательщиками составляется график отключений промышленных предприятий (А. Бурков); Тамара Рохлина считала, что любого можно заставить *ходить строевым шагом* и *поставить по стойке «смирно»* (Е. Левина); Был у нас *парад* суверенитетов, сейчас идет *парад* региональных законов (В. Богачев).

Типовые прагматические смыслы подобных метафор определяются тем, что военная символика традиционно очень значима для России, хотя подобное словоупотребление нередко служит и сатирическим целям.

6. Фрейм «Ранение, выздоровление или смерть»

Слот 6.1. Ранение и смерть

Поражение той или иной политической организации в борьбе с конкурентами, неудачи в идейной борьбе часто метафорически обозначаются концептами *рана, контузия, смерть, убийство, расстрел* и др. Ср.:

- «Такое впечатление, что вас когда-то это событие *ранило?*» — «Было *ранение*, была *ампутация*. *Фантомные боли* остались до сих пор» (К. Пряник); Хорошая идея с 1993 по 1995 годы была *убита* неуклюжими действиями правительства (А. Иванчин-Писарев).

Слот 6.2. Лечение и выздоровление

Преодоление неудач может метафорически обозначаться как *выздоровление* и *выживание*, а помощь в ликвидации нежелательных последствий как *лечение*. Ср.:

- Парламентские выборы смертельно ранили НДР, *выздоровление* невозможно, и Виктору Черномырдину придется вместе с остатками

своего «Дома» проситься на постой в берлогу (А. Спицын); На выживании правительства работает и другой фактор. Сегодня в его разгоне нет острой политической необходимости (М. Ростовский).

Представленные материалы свидетельствуют о широком распространении военной метафоры в агитационно-политических текстах конца XX века. В современной России политическая деятельность регулярно концептуализируется как военные действия. В сознании наших политиков депутаты от другой партии — это не партнеры, которые предлагают другой путь к процветанию России, а воины враждебной армии, которую необходимо победить.

Обстановка напоминает времена средневековой междоусобицы: самые ожесточенные битвы ведутся между недавними друзьями и союзниками, постоянно создаются причудливые коалиции и каждая мелкая победа кажется грандиозным успехом, а не очередным шагом к полному разорению страны. И, как семь столетий назад, находится немало желающих съездить к Батью, чтобы поклониться, пожаловаться на врагов из соседнего городка и что-нибудь выпросить для себя.

Активное использование военной метафоры, видимо, отражает особенности национального самосознания наших современников, имеющиеся в нем мощные векторы тревожности, опасности и агрессивности, а также традиционные для русской ментальности предрасположенность к сильным чувствам и решительным действиям, уважение к военной силе и боевой славе. Показательно, что милитарная метафора в отличие от криминальной часто обладает положительной эмоциональной окраской.

Разумеется, некоторые рассмотренные особенности современных концептуальных метафор вызывают беспокойство, но тревожиться, конечно, следует вовсе не за состояние русского языка. Мудрый герой Михаила Булгакова справедливо заметил, что разруха (кстати, это одно из следствий войны) не в клозетах, разруха — в наших головах. Тысячелетняя история России — это во многом история войн, восстаний и вооруженных переворотов, оставивших глубокий след в национальном сознании. К сожалению, окружающая нас реальность мало способствует его значительному изменению.

Очевидно, что ни лингвисты, ни кто-либо иной не могут повли-

ять на активность рассмотренных или иных метафорических моделей. Метафорический образ отражает бессознательное мировосприятие говорящего, формирующееся под влиянием национальных традиций и «духа времени». Но языковеды обязаны зафиксировать существующую в национальном сознании на определенном этапе развития общества систему базисных метафор и попытаться сделать выводы об истоках и перспективах той или иной модели, а также рассмотреть факторы, способствующие ее активизации.

3.3. Театральная метафора

Метафорическая модель **ЖИЗНЬ** — это **ТЕАТР** широко распространена в самых различных коммуникативных сферах. По мнению Н. А. Кузьминой [1999, с. 186], в современной мировой культуре эта модель воспринимается как восходящая к Шекспиру. Ср.:

- Весь мир — театр. / В нем женщины, мужчины — все актеры. / У них свои есть выходы, уходы, / И каждый не одну играет роль (монолог Жака; комедия «Как вам это понравится»); Жизнь — это только тень, комедиант, / Паясничавший полчаса на сцене / И тут же позабытый (реплика Макбета; трагедия «Макбет»).

Театральная метафора очень характерна и для русской литературы, что в определенной мере могло повлиять на проникновение подобной метафоры в сферу политической речи.

Важное отличие политической метафоры от общеязыковой заключается в особенностях референтной соотнесенности: общее понятие «мир» публицистика конкретизирует как политический социум, а бытовая речь — как жизнь отдельной личности [Кузьмина, 1999, с. 186]. Театральная метафора достаточно традиционна для политического дискурса различных стран [Шейгал, 2000], однако в России конца XX века эта модель превратилась в доминантную, в концептуальную метафору, «определившую эпоху Ельцина» [Кузьмина, 1999, с. 189]. Показательно, что некоторые современные политики появляются на телеэкранах не реже, чем наиболее популярные артисты.

В соответствии с рассматриваемой моделью в последнее десяти-

летие XX века на политической сцене по заранее разработанным сценариям и под руководством опытных режиссеров разыгрывались комедии, трагедии и фарсы, в которых играли свои роли актеры (иногда по подсказке суфлеров). Особое внимание у зрителей вызывали иностранные гастролеры. Иногда публика восторгалась и провинциальными артистами (например, из Ставрополя, Екатеринбурга и Нижнего Новгорода), исполнявшими главные партии в Большом театре. Но основные события разыгрывались за кулисами или, наоборот, на больших площадях, где в массовых зрелищах иногда использовались даже танки. Трансляцию подобных шоу вели все телеканалы, подробнейшие рецензии публиковались в газетах. Все это вызывало интерес даже у зарубежных театралов, хотя они не в полной мере могли понять российское искусство.

Во многих случаях театральная метафора сменялась метафорой циркового представления, и тогда на политической арене появлялись клоуны и фокусники, их сменяли дрессировщики, акробаты и политические лилипуты, иногда даже привезенные из Петербурга ученые медведи на велосипедах, умело жонглирующие яблоками и способные поставить в нужную позу даже красно-коричневую гадину. Сами по себе артисты были достаточно смешными, но настроение у публики почему-то оставалось тревожным.

Прагматический потенциал этой метафорической модели определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности: субъекты политической деятельности не живут подлинной жизнью, а вопреки своей воле исполняют чьи-то предначертания.

Рассмотрим некоторые причины широкой распространенности театральной метафоры (условно отнесем к этой группе также цирковую, эстрадную, кинематографическую и иные подобные метафоры) в современной политической речи.

Во-первых, демократизация общества действительно внесла черты карнавальности в политическую жизнь, публичная сторона которой ранее была абсолютно ритуальной. В советскую эпоху заседания органов государственной власти просто не могли напоминать ни драму, ни комедию, ни эстрадное шоу.

Во-вторых, демократизация страны расширила круг возможных

слотов в сфере-мишени. Попробовал бы кто-то из журналистов сравнить Генерального Секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева или хотя бы кого-то из действующих членов Политбюро с Карabasом-Барabasом, клоуном, кукловодом или хотя бы просто актером. Можно ли представить в советской прессе метафорическое представление Верховного Совета как цирка или шоу, где актеры произносят заученные реплики под восхищенное одобрение клакеров?

В-третьих, активизация модели связана с особой ролью в подобной метафоре концептуальных векторов притворства, неискренности, лжи, неподлинности и внешней моделируемости происходящих событий, что, несомненно, коррелирует с представлениями значительной части общества о политической истории последнего десятилетия прошедшего века. Театр как сфера-источник создает великолепные условия для реализации эмотивной функции метафоры.

В-четвертых, важно отметить высокую структурированность театрального мира как исходной сферы для метафоры, достаточно объемное представление большинства носителей языка об этой структурированности и, наконец, их естественный интерес к зрелищным искусствам. Эти искусства, как и литература, традиционно служат в нашей стране «учебником жизни»: и важнейшим источником информации, и примером для подражания, и нравственным ориентиром. Поэтому «зрелищная метафора» обычно вызывает позитивное отношение коммуникантов.

Назовем основные фреймы рассматриваемой модели.

1. Фрейм «Вид зрелища и жанр представления»

Слот 1.1. Вид зрелища

Российская политическая жизнь последнего десятилетия часто метафорически характеризуется как та или иная разновидность зрелищных искусств. Соответственно выделяются слоты: *театр*, *цирк*, *кино*, *балаган*, *эстрада*, *концерт*. Ср.:

- Хочу, чтобы Дума стала скучной, а то в последнее время она все больше похожа на театр. Впрочем, разве одна Дума напоминает театр? Вся наша политическая жизнь театр (С. Панкевич); Деятельность совета все чаще проходила в стиле политического балагана (И.

Васильев); У нас политика, конечно, похожа на цирк, но не всем же быть клоунами (Г. Явлинский); Отказ вовремя платить долги Парижскому клубу — это театр, это цирк, это балаган (А. Илларионов).

Типовые прагматические смыслы подобных метафор — излишняя яркость, помпезность, оторванность от жизни, малоэффективность деятельности политических институтов и организаций.

Слот 1.2. Жанр представления

Политические события в современной России регулярно обозначаются как тот или иной зрелищный жанр: *детектив, драма, карнавал, комедия, мыльная опера, оперетта, сериал, спектакль, трагикомедия, триллер, фарс, шоу* и т. п. Ср.:

- Жизнь в «Программе новостей» И. Шеремета выглядит карнавалом, где смешались трагедия, комедия, драма (М. Иванов); Перестроечный фарс приближается к своей кульминации (В. Новодворская); Жириновский — это всегда канкан (А. Слономирова); Десять дней до выборов. Предвыборный спектакль — в полном разгаре. Продолжается действие, жанр которого трудно поддается определению: комедия, трагедия, драма, фарс, трагикомедия — все смешалось на сцене (Д. Никаноров).

Уже само наименование зрелища и его жанра определяет формирование эмотивных смыслов: события и их герои оцениваются в соответствии с традицией жанра. Как отмечает Ю. Б. Феденева, «затрудняясь четко определить сущность происходящего, авторы все чаще прибегают к метафорической номинации “шоу”, включающей в новое значение такие компоненты, как “яркость”, “эстрадность”, “нерусское”, “шумное”, “неглубокое” и др.» [1998, с. 63].

2. Фрейм «Люди театра»

Слот 2.1. Участники спектакля

Наиболее широко представлены исполнители: в труппу (политическую партию) могут входить *бас, инженерю, лицедеи, первая скрипка, первый любовник, примадонна*, при необходимости в спектакле участвуют *статисты, массовка, хор* и т. п. Политические актеры *играют роли, танцуют и подтанцовывают, исполняют арии и под-*

певают, показывают фокусы, жонглируют, кладут голову в пасть льва, совершают множество других действий с целью достигнуть необходимого эффекта. Ср.:

- *Артисты*, то есть кандидаты всех мастей, сбиваются в труппы, ездят по всей стране, гастролируют (С. Образцов); Березовский не так прост, чтобы вот так, за здорово живешь, выставлять себя политическим *клоуном* (А. Теплюк); Отстранение от эфира С. Доренко стало потрясением для отечественной телеаудитории. Однако, лишившись любимой мыльной оперы, зрители взамен получили дивное пропагандистское шоу в исполнении того же *лицедея* (М. Рязанцев); Россель с Рахимовым решили *дутьом* помолчать именно после казуса, случившегося с курским губернатором Александром Руцким (В. Смелов).

Подобная метафора в абсолютном большинстве случаев несет негативные эмоции: это относится не только к словам, обозначающим роли «второго плана» (*статисты, хор, массовка*), но и к обозначениям ведущих актеров. В сознании масс политик должен быть героем, а не играть роль героя. Всякая «неестественность» изначально вредит имиджу политического деятеля.

Слот 2.2. Авторы сценария и постановщики зрелища

В политической деятельности часто различаются организаторы и исполнители тех или иных действий. Для обозначения вдохновителей и разработчиков политических кампаний с учетом специфической роли каждого из них метафорически используется театральная терминология: *автор текста, дирижер, кукловод, постановщик, продюсер, режиссер, сценарист, суфлер*, а также *Карабас-Барабас*, «*новоявленный Станиславский*» и др. К этому же слоту, по-видимому, относятся обозначения процесса подготовки спектакля: *генеральная репетиция, премьера, прогон, распределение ролей, репетиция*. Как известно, важные политические события готовятся еще более тщательно, чем спектакль, а поэтому политический язык нуждается в номинации этапов такой подготовки и заимствует их в мире зрелищ. Ср.:

- Ситуация накануне выборов екатеринбургского градоначальника мучительно напоминает драму, у которой есть *сценарист* и закулисный *режиссер* (Д. Табашников); Думой *дирижирует* Кремль (В. Соколова); Такой президент может показаться опасным для влия-

тельных западных кругов, уже составивших свой сценарий развития России (С. Анохин); ЛДПР и «Яблоко»... рассматривают выборы в областное законодательное собрание как репетицию президентских выборов (А. Перцев);

В подобных контекстах часто акцентируются несамостоятельность и неискренность публичных политиков, их зависимость от политических партий и финансовых «спонсоров», реальное сходство в работе депутата и актера.

3. Фрейм «Публика и прием, оказываемый спектаклю»

Как известно, для каждого спектакля (и всех, кто его готовил) существует «судный день» — премьера. Зритель дает оценку работе, и мало кого может утешить случайность или несправедливость этой оценки, которая надолго определяет творческую судьбу актеров.

Для политиков (в том числе политических продюсеров, режиссеров, дирижеров и первых скрипок) таким «судным днем» являются выборы. Поэтому вполне закономерно, что театральные термины соответствующей группы (*зрители, публика, фиаско, провал* и даже *клака*) активно используются в политической лексике. Ср.:

- Всероссийское шоу, или Выборы-96, в разгаре. Зритель, то есть мы, аплодирует, хохочет, смеется. И с изумлением передает друг другу фразы и словечки, звучащие из уст актеров (Д. Никаноров); Для большинства партий преодоление пятипроцентного барьера — это грандиозный успех, но для ЛДПР это почти фиаско. Такого провала у Владимира Вольфовича еще не случилось (А. Перцев).

Политическая жизнь России в последнем десятилетии XX века по своей красочности, некоторой даже карнавальности, непредсказуемости во многом напоминала театр, где публика бывает то «дурой», то высшим судьей.

И похоже, не случайно многие известные артисты активно участвовали в избирательных кампаниях то в функции хорошо оплачиваемых клакеров, то по примеру Рональда Рейгана в роли официальных кандидатов на высокие должности. И только к концу века актеров в избирательных списках начали серьезно теснить генералы. Видимо, действительно начинается другая эпоха.

4. Фрейм «Элементы представления»

Политическая деятельность, как и зрелищное представление, состоит из отдельных этапов, частей, эпизодов. Для их обозначения метафорически используется соответствующая лексика из понятийной сферы «театр»: *акт, антракт, выход на бис, выход на поклон, действие, картина, кульминация, пролог, реплика, реприза, сцена, трюк, увертюра, эпилог* и др. Ср.:

- В первом акте политической драмы путинское окружение успело поделить все ключевые посты. А во втором — вдруг начали убеждать, что все по-честному (М. Ростовский); Работа совета украшалась в основном сценами шинкования работающих на благо народа руководителей (И. Васильев); Деятельность Государственной думы неумолимо приближается к эпилогу, и депутаты все чаще вспоминают о своих избирателях (Н. Коротков).

Детальное и всем хорошо известное структурирование понятийной сферы «театр» часто помогает журналистам найти подходящее метафорическое обозначение для политических реалий.

5. Фрейм «Театральное здание и театральный реквизит»

Слот 5.1. Элементы театрального (циркового и т. п.) здания

Современные политики часто планируют события из-за *кулис*, но при необходимости выходят на политическую *сцену* или *арену*, ждут поддержки и от *партера*, и от *галерки*, при необходимости наведываются в *ложи*. Они знают, что театр начинается с *вешалки* и умело подготовленной красочной *программы*. Ср.:

- Сегодня и ежедневно на арене нашего политического цирка непревзойденная команда клоунов (А. Демидов); В скандале с «Медиа-Мостом» Альфред Кох просто марионетка. Все решают за кулисами, Газпром не свободен в своих действиях (Ю. Скуратов).

Отметим, что в двух последних фразах, как и во многих других, театральная метафора выступает не как отдельное словоупотребление, а как целый комплекс, компоненты которого способствуют более яркому восприятию друг друга. Нередко театральная метафора становится основным выразительным средством для всей политической статьи.

Слот 5.2. Театральный реквизит

Концепты, обозначающие театральный и иной реквизит (*бутафория, грим, декорации, занавес, костюм, маски, парик, «фанера»* и др.), в политической речи часто используются при характеристике действий политиков, скрывающих свои подлинные дела при помощи высоких слов и красивых поз. Ср.:

- А сколько *бутафорских фигур* для отвлечения внимания от действительных претендентов можно включить в избирательный бюллетень (А. Выборнов); Из крови и хаоса проступает уже без *лицемерных масок* лик новой диктатуры (С. Ваганов); Когда кандидаты станут депутатами, они снимут *политический грим* и начнут отрабатывать «бабки» (А. Туев).

Подобное словоупотребление способствует формированию типовых для рассматриваемой метафорической модели прагматических смыслов «неискренность», «помпезность», «лживость».

Рассмотренный материал в полной мере иллюстрирует мысль об особой значимости концептуального вектора, отражающего типовые представления граждан России о двуличии, неискренности участников политической жизни, о неподлинности, излишней карнавальности находящихся в центре общественного внимания событий, о несамостоятельности многих с виду грозных людей и о наличии каких-то тайных сценаристов и режиссеров (мафиозной «семьи», всемогущих «олигархов», зарубежных «кукловодов» и др.) в политической жизни страны. Всему этому можно верить или не верить, но с этим нельзя не считаться.

По справедливому выражению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, концептуальная метафора не отражает реальность, а сама ее творит. Представляется, что рассматриваемая метафорическая модель достаточно ярко подтверждает этот тезис. Отметим только сложное взаимодействие факторов. Во-первых, современная российская политическая жизнь дает немало оснований для того, чтобы описывать ее как своего рода театр (цирк, балаган, шоу). Во-вторых, выход рассматриваемой метафорической модели на доминантные позиции в отечественном политическом дискурсе оказывает воздействие на национальное самосознание, на социальную оценку форм реализа-

ции политических процессов. В-третьих, социальная оценка политических процессов — это, как известно, главный фактор, определяющий специфику метафорической номинации.

3.4. Спортивная и игровая метафоры

Взаимоперекрещивающиеся метафорические модели **ЖИЗНЬ** — это **ИГРА** и **ЖИЗНЬ** — это **СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ** широко распространены в самых различных коммуникативных сферах, что связано с совершенно особой ролью игры и спорта в человеческой деятельности. Сказанное в полной мере относится и к российскому политическому дискурсу, среди доминантных моделей которого выделяется представление политической жизни как своего рода игры или спортивного состязания.

Прежде чем приступить к детальному исследованию метафорических моделей игры и спорта в российском политическом дискурсе, рассмотрим некоторые теоретические проблемы.

В соответствии с представлениями современной когнитивной лингвистики внутренняя структура концепта (многозначного слова) представляет собой сетевую модель, узлы (значения) которой связаны между собой отношениями различной природы и различной степени близости. Для нашего исследования значимы несколько основных узлов концепта «игра»:

- 1) забава, развлечение;
- 2) преднамеренный ряд действий, преследующих определенную цель; интриги, тайные замыслы;
- 3) занятие, обусловленное совокупностью определенных правил, приемов и служащее для заполнения досуга, развлечения;
- 4) особый род спортивных состязаний;
- 5) одна из форм обучения;
- 6) исполнение сценической роли.

Как показал Л. Витгенштейн [1994], все эти элементы объединяются в категорию, организованную по принципу «семейного сходства». Позднее к анализу рассматриваемого концепта обращались Ан-

на Вежбицка, которая попыталась выделить инвариантные компоненты *игры* [1996, с. 213] и И. Д. Гажева, показавшая, что из указанных у польского автора компонентов (предназначенность для удовольствия, выключенность из реальности, четко определенные правила, четко определенная цель, непредсказуемый ход событий и др.) «практически ни один... не подходит для характеристики детской игры» [2000, с. 74].

Показательно, что едва ли не каждый из названных выше узлов относится к различным понятийным полям. Поскольку в когнитивной лингвистике не существует сколько-нибудь последовательной классификации понятийных полей, можно лишь отметить, что последний узел связан с уже рассмотренной в настоящей монографии театральной сферой, пятый — с образовательной, четвертый — со спортивной, третий и первый — со сферой отдыха и развлечений, второй — с политической, экономической и бытовой. Отметим также, что использованные для обозначения «узлов» номинации близки к толкованиям различных значений слова *игра* в МАС, а в терминах структурно-семантической лингвистики это можно было бы назвать семантическим полем.

В принципе возможны два пути описания метафорических потенций концепта «игра». В первом случае данный концепт будет рассматриваться как определенное единство (что вполне обосновано), но тогда придется повторять характеристику ряда его сегментов при описании пересекающихся понятийных сфер (образование, театр, спорт и др.). Во втором случае (это технически экономнее) можно охарактеризовать соответствующие сегменты концепта «игра» при описании пересекающихся понятийных сфер.

Именно такой путь избран в настоящем параграфе, в котором содержится рассмотрение метафорических моделей с исходными понятийными сферами «спорт» и «игра»; соответственно учитывается, что один из узлов концепта «игра» уже охарактеризован в параграфе, посвященном театральной метафоре, а еще один фрагмент концепта «игра» разумнее рассматривать в понятийной сфере «образование».

При названном подходе в объединенной сфере «Спорт и игра» выделяются следующие фреймы.

1. Фрейм «Виды игры и спорта»

Слот 1.1. Игра вообще (без конкретизации)

В рассматриваемой подгруппе наименование *игра* используется в значении «преднамеренный ряд действий, преследующих определенную цель; интриги, тайные замыслы». Ср.:

- Хасбулатов до последнего, буквально до последнего *играл* на Ельци-на. И если он вдруг взбрыкивал, то это была не больше, чем поза, не более чем *игра* (М. Челноков); И если в результате будут выделены до-полнительные деньги на здравоохранение, *выиграет* не только кон-кретный политик, но и люди, город, регион (Я. Габинский); Сначала казалось, что Ельцин просто не сможет *выиг-рать* (Д. Мешков).

В политической речи метафоры игры обычно несут негативный прагматический потенциал: считается, что уважающий себя, свое дело и окружающих политический деятель должен быть искренним. Обвинение в «подковерных играх» — одно из наиболее широко рас-пространенных в современном российском политическом дискурсе. В политических текстах постоянно используются коммуникативные тактики «призыв к откровенности», «призыв к конструктивному со-трудничеству», которые совершенно не соответствуют практике ис-пользования «политических игр».

Слот 1.2. Бытовые игры

Не менее широко распространены метафоры, связанные с быто-выми играми, которые традиционно не относят к спортивным: это разнообразные *карточные игры* (в том числе азартные), *домино*, *бильярд*. Ср.:

- *Карта* коммунистов *бита!* Нужно все менять (В. Жириновский); В *пер-вой партии* получилась «рыба» — предстоит второй тур выборов (А. Сенин); Обижаться не на что: начинается самый горячий месяц, и *ра-зыгрываются* будут самые *разные карты* (А. Сергеев); Политики *ра-зыгрывают такую карту*, что Россель якобы за то, чтобы назначали глав местного самоуправления (Э. Россель); *Колоду* политических ли-деров надо менять (А. Лебедь); Человек в погонах никогда больше не может быть использован как *козырная карта* (В. Клочков); Правда, ес-ли вице-губернатор *не пошел «ва-банк»* сразу после объявления себя

кандидатом в губернаторы, то сейчас он вряд ли решится на сколько-нибудь серьезные политические шаги (А. Чистяков).

К этой же подгруппе, возможно, относится *разгадывание ребусов, шарад, раскладывание пасьянсов* и др. Ср.:

- В этом случае «областной пасьянс» с голосами в первом туре и передачей их во втором туре Ковпаку рушится сразу (передовая газеты «Точка отсчета»); Займем мозги разгадкой ребуса, загаданного С. Шойгу (В. Шендерович).

Слот 1.3. Командные спортивные игры

Большое количество политических метафор ориентировано на командные спортивные игры. Обычно это хорошо известные в России виды состязаний (*футбол, баскетбол, теннис, хоккей*), в которых участвуют возглавляемые капитанами *команды* (правительственная, президентская, губернаторская и др.), в состав которых входят не только *основные*, но и *запасные игроки* и которыми руководит *тренер*, разрабатывающий стратегию и тактику *матча*. Ср.:

- Борис Николаевич до последнего сомневался: идти ли на второй срок с таким рейтингом. А на скамье запасных — ноль (А. Гамов); Жириновский, набравший заветных 3 процентов, окончательно утратил статус игрока основного состава (А. Птицын); Визит Ельцина в регион, где традиционно сильны позиции коммунистов, свидетельствует о серьезном намерении поиграть на чужом поле (А. Офицеров); Как человек я не люблю Президента. Однако как футболист я играю с ним в одной команде (В. Новодворская); В команде НДР есть опытный капитан, который не допустит своеволия: некоторые игроки уже отчислены (А. Горбунов).

Пожалуй, самая любимая игра наших политиков и журналистов — *шахматы*. Термины этой игры встречаются в самых различных политических контекстах. Ср.:

- Мы присутствуем при грандиозном шахматном матче Путин — Вашингтон, где российский игрок разыгрывает партию, не предусмотренную теорией шахматной игры (Е. Мячин); В Кремле пока не придают значения слухам о возможных рокировках в правительстве (Т. Нетреба); Россель сделал «ход конем» — отвернулся от родного «Отечества» (В. Шевченко); Каждому из тройки аутсайдеров будет уго-

тована участь разменной пешки, а посему очень жаль, что эти кандидаты будут участвовать в чужой игре (А. Выборнов); Политика в строгом смысле этого слова, то есть передвижение на доске политических фигур, меня абсолютно не интересует (Э. Россель).

Слот 1.4. Соревнования в скорости передвижения

Особую подгруппу составляют метафоры, основанные на том, кто первым преодолеет определенную дистанцию (это может быть марафон, спринт и др.); участники соревнований обычно бегут, но это могут быть и скачки, гонки на велосипедах или автомобилях. Нередко зрители делают ставку на победу одного из участников соревнований. Ср.:

- Те, кто ставит на Шеремета, не поставят на Спектора, а ковпаковским поклонникам ни Шеремет, ни Спектор не в кайф. Ипподром, однако (А. Выборнов); Можно будет немного отдохнуть перед завершающим этапом предвыборного марафона (С. Ведерников); Аутсайдеру предвыборной гонки было отказано в регистрации (С. Митрофанов); Начинаящим политикам был преподнесен урок, как следует себя вести, чтобы «не вылететь» в самом начале избирательного марафона (И. Горфинкель).

В политической метафоре часто используются спортивные концепты старт и финиш. Ср.:

- Большинство голосов набрала Л. Мишустина, имевшая на старте кампании минимальные шансы (Л. Дмитриева); Президентская кампания вырулила на финишную прямую (В. Нилов); Главные соперники действующего губернатора — Гришанков, Гартунг и Уткин — предвыборный старт начали совершенно по-разному (А. Чистяков).

Слот 1.5. Другие виды спорта

Приведем также несколько примеров метафорического использования лексики иных видов спорта:

- Когда появилась книга, наши оппоненты взбесились. Все это говорит о том, что мы попали в «десятку» (С. Шойгу); Долгая работа с Ельциным в областном хозяйственном аппарате сделала из нынешнего губернатора опытного политического борца (И. Белых); После выборов НДР оказался в глубоком нокауте (В. Филимонов).

При всем разнообразии рассмотренных примеров их объединяют

эмотивные смыслы, связанные с оценкой политической деятельности как сферы, где много далекого от важнейших проблем обычных людей, случайного, не подлинного, значимого только для самих участников политических игр.

2. Фрейм «Квалификация спортсменов и итоги соревнований»

Слот 2.1. Фавориты, лидеры и аутсайдеры

В спорте различаются *фавориты* (участники соревнований, которых специалисты заранее считают самыми сильными), *лидеры* (участники соревнований, которые идут первыми на каком-то этапе соревнований) и *победители (чемпионы)*, которые оказываются первыми на финише. Фаворит и даже лидер далеко не всегда становится победителем. Иногда хороших результатов добивается *аутсайдер*, который до соревнований или даже на каком-то этапе соревнований оценивался как наиболее слабый участник. В политической жизни нередко встречаются аналогичные ситуации, что позволяет использовать спортивные концепты. Ср.:

- *Фаворитами избирательной гонки* являются действующий губернатор и недавний вице-губернатор. По оценкам аналитиков, лидирует пока П. Сумин (А. Веснин); А кто возглавлял список *фаворитов* предвыборной гонки в апреле 1999? (Г. Явлинский); И те, и другие сейчас политические *аутсайдеры*, и, может быть, это их объединяет (А. Выборнов); Сегодня наш город оказался под обаянием претендента, *штурмующего Олимп* (Г. Летов).

Слот 2.2. Победитель, призеры и неудачники

При значительном количестве участников по итогам состязаний выявляется *чемпион*, которому обычно вручается *золотая медаль*, и *вице-чемпион* — обладатель *серебряной награды*, а также третий призер, который награждается *бронзовой медалью*. Часто успехом считается уже сам факт попадания в сборную команду, участие в олимпийских играх или престижном чемпионате, сохранение места в высшей лиге первенства страны (другие команды играют в первой, второй и региональных лигах). Хорошо известная структурированность спортивных достижений постоянно метафорически использу-

ется в политической речи. Ср.:

- Нет ничего обидного для игрока *«второй политической лиги»* проиграть *лидеру*. Но вот каким ты *пришел к финишу* — *вторым, третьим* или *последним* — очень важно (Л. Вершинина); Результаты выборов предсказуемы. Интрига сохраняется лишь в *борьбе за «бронзу»* (В. Ниллов); Чернецкому даже открыть нечего, кроме нового хлебного киоска! После чего его назвали *чемпионом* среди мэров по перерезанию ленточек (Д. Астралова).

В некоторых видах спорта успех оценивается количеством набранных *очков*, которое может быть равным. Подобный способ определения результата также используется в политических текстах. Ср.:

- А вот *счет воображаемого матча* с Брусницыным: Чернецкий — 53,5%, его противник — всего 8% (И. Белов); Сейчас я вижу, что любая проблема рассматривается с позиций набора *политических очков*, а не реальной пользы городу (Ю. Брусницын); Таким образом, *боевая ничья*: зубры региональной политики остались каждый при своем (Л. Кошечев).

Как известно, неудачники спортивных соревнований часто жалуются на несправедливость судьбы, предвзятость судей и неспортивное поведение соперников, а победители больше говорят о закономерности и справедливости результата. По названным признакам многие политические пресс-конференции удивительно похожи на спортивные, что особенно подчеркивается общей терминологией.

3. Фрейм «Правила игры и наказания»

Слот 3.1. Правила игры

Игровая деятельность подчинена правилам, включающим ограничение игрового времени и пространства, разделение на «своих» и «чужих», определение запрещенных приемов и способов действия. В политической деятельности тоже есть свои *правила*, но там они называются иначе: конституция, законы, соглашения, моральные нормы. Метафорическое употребление спортивной терминологии в политической речи нередко связано именно с необходимостью точно определить правила политической игры. Ср.:

- На очередном заседании Областная Дума будет определять, какие положения закона более подходят для обеспечения *честных правил*

предвыборной игры (А. Выборнов); Основная проблема — на стороне государственной власти, которая неспособна создать такие правила игры, чтобы преступники шли в тюрьму, а честные граждане чувствовали себя в безопасности (Б. Федоров); Поражает же как недостаточная продуманность решений местного парламента, так и непроецируемость правил игры (М. Мурзин).

Слот 3.2. Нарушения правил

Случается, что спортсмены нарушают правила игры. Особенно осуждаются намеренные нарушения, грубая игра, неупорядоченное поведение. Авторы политических текстов стремятся перенести негативное отношение к нарушителям спортивных правил на нарушителей правил политической игры. Ср.:

- Помните «руку бога», которая помогла футболисту Марадоне забить решающий гол? И на нынешних выборах мы видим желание «играть рукой» (а то и обеими сразу). Невозможно иначе объяснить готовность давать перед выборами любые предвыборные обещания (Философия победы против философии беды; без автора, КП-Урал, 2000); Распространение лживых слухов — это удар ниже пояса, за который в боксе следует немедленная дисквалификация (Б. Найдин); Важно выработать у горожан иммунитет по отношению к действиям за гранью флага (А. Выборнов).

Слот 3.3. Наказания спортсменов

В спорте принята определенная система наказаний за нечестную борьбу: это может быть *предупреждение, временное или постоянное удаление с поля, начисление штрафных очков, снятие с состязаний, дисквалификация*. Решения, вынесенные спортивными судьями, практически невозможно обжаловать. Зрители всегда сочувствуют спортсменам, ведущим честную борьбу, и осуждают спортивных хулиганов. Вся эта хорошо известная любителям спорта структурированность слота нередко становится основой для политических метафор. Ср.:

- Против губернатора ведется нечестная игра. На футбольном поле такие игроки давно получили бы красные карточки, были бы удалены, а то и вовсе дисквалифицированы (Философия победы против философии беды; без автора, КП-Урал, 2000); Политических грубиянов надо удалять с поля, как строгий судья удаляет проштрафившихся хоккеистов (К.

Веснин).

В последнее время судебные органы действительно начали «снимать с соревнований» нарушителей существующих правил, что сопоставимо с дисквалификацией спортсмена.

Представленные материалы показывают, что основное направление метафорической экспансии спортивных концептов в политическую сферу — разнообразные выборы. Политическая деятельность рассматривается как своего рода спорт, где необходимы строгие правила честного соперничества, где успех в значительной степени предсказуем, победа приходит к сильнейшему, хотя и бывают разного рода неожиданности. В подобных образах в определенной мере значимы прагматические смыслы «соревнование», «борьба», но нет той жесточенности, какая присуща военной или криминальной метафоре.

С другой стороны, можно заметить, что абсолютное большинство политических метафор, связанных с концептами игры и спорта, имеет негативный прагматический потенциал, обусловленный спецификой исходной предметной сферы.

Игра изначально воспринимается как имитация деятельности, а не как собственно деятельность: так, детские игры имитируют занятия взрослых, военные игры — боевые операции, спортивные игры — плодотворный физический или интеллектуальный труд, азартные игры воспроизводят борьбу, закономерности и случайности, удачу и судьбу в жизни человека. В русском национальном сознании игра воспринимается все-таки как потеха, а не дело, которому должно быть отдано основное время.

Цель игры — это только упражнения, тренировка, эмоциональная разрядка, наслаждение, отдых, тогда как политическая деятельность ориентируется на высшие ценности — обеспечение прав и свобод граждан, социальный и экономический прогресс государства.

Заканчивая рассмотрение социальной метафоры, отметим историческую динамику развития моделей. Прежде всего заметен «прогресс» криминальной, морбиальной и театральной метафор: возросла структурированность исходных полей, используется все большее

количество образов, значительна частотность соответствующих употреблений. По-прежнему активны (но без явной динамики) метафоры игры и спорта.

Обращают на себя внимание однотипные концептуальные векторы наиболее успешных моделей. Это в первую очередь тревожность и агрессивность (криминальная, милитарная и морбиальная метафоры), соперничество (спортивная и милитарная метафоры), отклонение от «естественного порядка вещей» (морбиальная, игровая и спортивная метафоры), резкое разграничение на «своих» и «чужих» (милитарная, спортивная и криминальная метафоры). Театральная, игровая и спортивная метафоры позволяют подчеркнуть вторичность происходящих событий, неискренность субъектов политической деятельности, излишнюю карнавальность находящихся в центре общественного внимания событий, представления о несамостоятельности многих с виду очень серьезных людей, о наличии каких-то тайных сценаристов, режиссеров и тренеров в политической жизни страны.

Выделенные концептуальные векторы отражают реальное самосознание людей, оценку ими состояния дел в государстве. Вместе с тем если политики и журналисты концептуализируют мир, используя образы войны, преступности и болезни, образы игры и театра, то это, несомненно, воздействует на общественное самосознание, еще больше усиливая негативную оценку действительности и (будем надеяться) увеличивая жажду перемен. Имперское самосознание, о пагубности которого так много говорили в середине 80-х, кажется, уже полностью преодолено, но есть опасность, что маятник излишне отклонился в другом направлении. За последнее десятилетие люди устали ощущать себя гражданами больного, криминального и нищего государства и, похоже, очень ждут принципиально новых концептуальных метафор. Все чаще приходится слышать о значимости державного мышления.

Глава 4

Э

Субсфера «Природа»

как источник политической метафоры

Традиционно различают живую природу (мир живых существ и растений) и природу неживую (ландшафт, стихии и др.). В настоящей главе рассматриваются только метафорические модели, основанные на понятийных сферах «Мир животных» и «Мир растений», так как именно эти сферы служат основными источниками метафорической экспансии в современном политическом дискурсе России.

Высокая употребительность и широкие возможности для развертывания рассматриваемых метафорических моделей, видимо, связаны с тем, что важным источником концептуализации общественной жизни в русском национальном сознании традиционно являлся мир живой природы. Человек чувствовал себя ее частью, искал в ней образцы для осмысления общественной жизни и своего отношения к социуму. По мнению А. Н. Баранова, в целях изменения общественного сознания после октября 1917 года была предпринята «попытка совмещения органистического способа мышления (представленного метафорами организма, растения, дерева, человека), которое имело глубокие корни в русском социуме, с механистическим, рациональным мышлением, фиксированным в метафорах механизма, строительства, мотора и пр.» [Баранов, Караулов, 1991, с. 186]. На какое-то время метафоры из мира живой природы действительно стали менее распространенными, однако традиции органистического мышления живы и в современном российском политическом дискурсе, хотя на каждом новом этапе общественного развития древние модели развертываются в соответствии с «духом времени». Значимость органистической метафоры особенно велика в текстах с установкой на фундаменталь-

ные национальные ценности, на возвращение «к истокам».

В4.1. Зооморфная метафора

Зооморфные образы — одна из наиболее традиционных понятийных сфер отечественной политической метафоры. Так, в обзоре русских политических инвектив [Жельвис, 1999] отмечено, что еще в XVII веке протопоп Аввакум писал о своих религиозно-политических противниках: «Знаю все ваше злохитрство, собаки, бляди, митрополиты, архиепископы, никонияна воры, преллагатаи, другие немцы русския» [Там же, с. 117]. В. И. Ленин выражался несколько иначе: «Пусть моськи буржуазного общества визжат и лают по поводу каждой лишней щепки при рубке большого старого леса». Л. Д. Троцкий использовал при характеристике своих оппонентов зооморфные инвективы «рептилия», «сивый мерин». Аналогичную лексику охотно употребляли И. В. Сталин, Н. И. Бухарин, другие вожди большевиков и советская пресса 30—50-х годов [Там же, с. 120—132]. В эпоху застоя зооморфные ругательства использовались менее часто, хотя журналисты и политики по-прежнему регулярно вспоминали об «акулах большого бизнеса», о «волчьих законах капитализма» и его «зверином оскале».

Особенно буйным цветом расцвела зооморфная метафора в период «перестройки». Разумеется, зооморфная метафора не сводится к инвективам, в политической речи этого периода широко используются и другие пласты образов, восходящих к царству животных [Баранов, Караулов, 1991]. Показательно, что при сопоставлении регулярной многозначности, с одной стороны, в разговорной и художественной [Илюхина, 1998; Скляревская, 1993; Хачатурова, 1992; Цыганкова 1998; Многозначность в лексике современного русского языка, 1999 и др.], а с другой — в политической речи [Колотнина, 2001; Феденева, 1998; Чудинов, 1988] обнаруживаются существенные различия.

В последнее десятилетие двадцатого века продолжается активное развитие концептуальной метафоры **СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ**

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ — это **НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО** (мир животных), причем это развитие происходит асимметрично: одни образы и связанные с ними эмотивные смыслы оказываются чрезвычайно актуальными, а другие — надолго «остаются в запасе».

Отметим также, что по вполне понятным причинам в представленном описании охарактеризованы лишь наиболее типичные для политической метафоры фреймы и слоты. При характеристике некоторых животных указываются прототипические свойства (функции), то есть имеющиеся в национальном менталитете наиболее общие представления о характерных свойствах данного концепта.

1. Фрейм «Состав царства животных»

Слот 1.1. Собственно животные (млекопитающие)

Это наиболее объемный слот рассматриваемого фрейма: его концепты встречаются в политической речи значительно чаще, чем образы рыб, птиц и всех иных не млекопитающих. В современной политической метафоре преобладают общие наименования (*зверь, животное*) и образы широко распространенных в России конкретных животных: *волка, коровы (быка, теленка), козы (козла), кошки (кота, котенка) лошади (коня, жеребца, мерина, жеребенка), медведя, овцы (барана, ягненка), свиньи (борова, поросенка)*. Ср.:

- *Коней* на переправе не меняют, но выборы могут послужить спасительным берегом, где можно обсохнуть, поставить в упряжь более сильного *коренного* и более выносливых *пристяжных* (Е. Старикова); На сегодняшний день вслед за Чернецким выстраивается та самая *тройка горячих скакунов*, которая должна привести хозяина конюшни Росселя к полному завоеванию уральского Карфагена (передовая газеты «Точка отсчета»); Наивно полагать, что таким образом олигарх хочет себя раздемонизировать. *Черного кобеля* не отмоешь добела (А. Теплюк); Я вот в «Белом доме» работала — там такого насмотрелась, что депутаты по сравнению с чиновниками просто *мелкие рызуньи* (И. Хамада).

Значительно реже в политической метафоре используются образы ряда экзотических для России животных: *бегемота, жирафа, кенгуру, кита, льва, тигра, слона, пантеры*. Ср.:

- Чиновников расплодилось больше, чем *кенгуру* в Австралии

(В. Елохин); Путин в напряженные моменты схватки то нервно откидывался на спинку кресла, то в напряжении, подобно пантере перед прыжком, застыл за столом (В. Суховерхов); Молодые тигры «Отечества» скоро начнут показывать клыки (И. Москвина).

Слот 1.2. Птицы

Птицы, хотя и не в такой мере, как животные, типичный источник современных политических зоометафор. К числу наиболее распространенных зооморфизмов рассматриваемого слота относятся образ птицы вообще и образы широко распространенных в России птиц: чаще всего это воробей, ворон, ворона, голубь, гусь, коришун, курица (петух), лебедь, ласточка, орел, сокол, соловей, утка, чайка, ястреб. Среди орнитологических метафор, связанных с экзотическими образами, встречаются колибри, попугай. Ср.:

- Область ласточкой вылетела из всех расходных строчек федерального бюджета (А. Волков); Год спустя под орлиным взором прокурора «Патра» внесла в бюджет 1168000 рублей (К. Попова); Но даже если эта весть окажется уткой, то утята уже вывелись (М. Ростовский); А тут ни полслова о тайных грехах пернатого министра (А. Лебедь); И ты, кто годами крался на брюхе к птице удачи, только увидишь, как она взмахнет зелеными стодолларовыми крылышками (Ю. Поляков); Коммунистические попугаи привыкли бездумно повторять давно устаревшие лозунги (С. Уткин).

Слот 1.3. Рыбы

Это наименее структурированный и малочастотный сектор зооморфной метафоры. В наших материалах преобладает родовое наименование «рыба», встречаются и некоторые конкретные виды рыб: акула, карась, щука, а также малек; эпизодически отмечаются ерш и осетр. Ср.:

- И вот смекнули акулы бизнеса», что им лучше раздробиться на множество мелких рыбешек и поднырнуть под единый налог. Получилось сорок карасей из одной акулы (Б. Тимофеев); Эти архистратиги толкуют о «равной конкуренции» между западными суперкитами и отечественными мальками капитализма» (И. Коньков).

Слот 1.4. Все остальное (низшие животные)

Наименования низших животных несколько чаще оказываются основой для образных словоупотреблений, чем названия рыб. Относительно регулярно основой для метафоры становятся *микробы, бактерии, паразиты, букашки, змеи, лягушки, жабы, раки, комары и мухи*, а также «экзотические» *спруты, тарантулы и скорпионы*. Ср.:

- Когда надо, Кремль выступает в роли *хамелеона* или флюгера (М. Ростовский); И вот наша государственная гора родила мышь. Хорошо, что не *таракана* (И. Коньков); Обозреватели соревнуются в хлесткости определений, дело доходит до «подтасовок» и «региональных *паразитов*» (К. Толкачев); *Бактерии* коммунизма распространяются только в условиях низкого материального благосостояния основной части населения (А. Бурков); Прибыль утекает из государственного кармана на счета фирм-*паразитов* (Ю. Калинин).

Использование зооморфных метафор в политической речи продолжает живущую в народном сознании мифологическую, фольклорную и литературную традицию, в которой свойства определенных животных выступают как вариант мифологического кода: *заяц* — трусливый, *свинья* — грязная, *теленочек* — глупый и др. Такие свойства, отраженные в метафорической семантике, в настоящем исследовании называются прототипическими.

Лишь немногие зооморфные метафоры имеют позитивную эмоциональную окраску. Это преимущественно традиционные представления человека об образе *орла, сокола, льва, тигра, соловья*; в последние годы очень распространен образ русского *медведя* — сильного, уверенного в себе, хозяина тайги. Ср.:

- Предложенный образ *медведя* с топором (топор в России — образ решительности) оказался народу понятным (Ю. Левада); Друзья называют его уральским *медведем* (А. Елохин).

Вместе с тем совершенно справедлив вывод Г. Н. Складневской о том, что обычно зооморфные «наименования-характеристики направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета и обладают яркой пейоративной окраской» [1993, с. 91]. Как правило, негативную оценку несут уже общие наименования *зверь, животное и скотина*.

Среди беспозвоночных положительную эмотивную окраску име-

ют только образы *пчелы* и *муравья*. Практически всем остальным присущи исключительно негативные характеристики. Особенно «достаётся» в политической метафоре *блохам*, *комарам*, *мухам*, *жабам*, *тараканам*, *пиявкам*. Ср.:

- Пока губернатор крутится, как *блоха* на стекле, криминальные авторитеты запустили свои щупальца в правоохранительные органы (Т. Кравченко); Они [Е. Гайдар и министры его правительства] — это какие-то *червячки* (Р. Хасбулатов); Росселю надо разогнать банду московских *пиявок*, которые сосут денежки из нашего кармана (программа движения «Преображение Урала»); «Коммунисты — единственная крупная партия с социальной базой, но и с идеологическими “*тараканами*”». — Назовите “*тараканов*” поименно». — «Например, требование конфискации и национализации» (интервью с В. Путиным)

В первой половине 90-х годов, по наблюдениям Ю. Б. Феденевой [См. в кн.: *Многозначность* в лексике современного русского языка, 1999, с. 346], особое распространение в политической речи имел образ *спрута* — крупного осьминога, хищного, жадного, всеохватывающего и всепроникающего, который якобы способен высасывать кровь из своей жертвы. Эта метафора характеризовала разветвленные сети каких-либо организаций, например мафию, коммунистическую партию, КГБ, ГКЧП, столичные власти, в представлении провинциалов. Ср.:

- Москва — *спрут*. Свора чиновников, привыкших заниматься распределением (А. Новиков); Путчисты — это малая часть головы огромного *спрута*, опутавшего наше общество. Сейчас этот *спрут* изворачивается, пытается себя спасти (А. Федотов); Миллионы людей требуют принятия мер против *спрута* преступности (обращение ГКЧП).

Зооморфная метафора позволяет образно представить целый ряд характерных для российских политических текстов понятий и противопоставлений. В частности, антитеза «большой / маленький» реализуется в противопоставлении образов, с одной стороны, *кота* и *слона*, а с другой — *моськи*, *микроба*, *малька*.

Типичные образы агрессивности, жадности, безжалостности — это *акула*, *волк*, *тигр*, *ястреб*, а также *зверь*. Соответственно в образе бессильной и безответной жертвы выступают *ягненок*, *овечка*, *карась*. Традиционный символ миролюбия и любви — *голубь* — в по-

литической речи часто противопоставляется *ястребу*. Распространенные метафорические образы для опытного политика — это *матерый волк*, *старый медведь*, которые противопоставляются *щенкам*, а также *молодым волкам* и *молодым тиграм*. Ср.:

- С уходом Сурганова, «*матерого* человечища», появляется шанс у представителей оппозиции (К. Попова); «*Молодые волки*», энергичные профессионалы — это будут или ровесники президента, или даже люди моложе его (В. Соловьев).

Символом преемственности часто становятся *птены гнезда*..., *орлы* и *орлята* или (при необходимости негативной оценки) *чи-то щенки*, *волчата* и *медвежата*.

При необходимости обозначить источник почти безвозмездного пополнения бюджета или получения других благ используются образы *дойной коровы*, *овцы*, *с которой стригут шерсть*; *лошадь* и *ишак* часто выступают как символы смиренности и долгой трудоспособности. Распространенные символы красоты, грациозности, эlegantности — это *лань*, *олень*, *пантера*.

При анализе зооморфизмов возникает ощущение изменений в отношениях природы и человека (в данном случае «человека политического»). Такой человек уже не часть природы, а ее хозяин; он узнает животный мир умозрительно: например, волк для него — это прежде всего не живой зверь, а герой сказок, басен и мультфильмов, которые и служат источником образов.

2. Фрейм «Объединения животных и иерархические отношения в них»

Слот 2.1. Объединения животных

В политической речи часто оказывается необходимым негативно охарактеризовать ту или иную группу лиц (партию, политическое движение, группу избирателей, коллектив какой-то организации и др.). Типовой источник для подобной номинации — зооморфная метафора. Если соответствующая группа должна быть представлена как агрессивная, то в ход идут метафоры *стая* или *свора*. Ср.:

- Это сколько же надо работать, чтобы прокормить эту прожорливую *свору* бюрократов (Е. Салина); В угар перестройки эта *стая* дружно

лаяла на советский строй, на наши ценности, круто гадила на наших мучеников (А. Кузнецов); Тесно связанные с «мостовцами» финансовыми и этническими связями журналисты «Общей газеты», «Новой газеты» и других СМИ собирались в *стаи* и давали друг другу пресс-конференции (Б. Александров).

В тех случаях, когда нужен образ не способной к обдуманному действию массы, лучше всего использовать метафору *стадо*; если же очень важно обозначить дружную и многочисленную массу, то хорошо подойдет слово *рой*. Ср.:

- На эти *«стада»*, чтобы они не очнулись, и направлена вдалбливающая скороговорка «родственников» с «Эха Москвы» (С. Сергиевский); Глядя на столичных барбосов из СМИ-*стаи*, им подражают и провинциальные моськи (А. Кузнецов); Недавние рассуждения о «русском *рое»* принесли результат (А. Филиппов).

Слот 2.2. Иерархические отношения в мире животных

Как правило, стада, стаи и своры имеют лидера, который называется *вожак*. За стадами домашних животных присматривают *пастухи*. Эти образы могут метафорически использоваться и по отношению к лидеру человеческого коллектива. Ср.:

- В любом обществе, как и в стае волков, должен быть *вожак* (Д. Аяцков); В *пастухи* к городской Думе был отряжен надежный человек (Ю. Снетков).

Показательно, что все рассмотренные метафоры характеризуются пейоративной оценкой.

3. Фрейм «Действия животных»

Слот 3.1. Агрессивные действия

Отношения между политическими партиями и отдельными политиками, действия субъектов социальной и экономической деятельности в современной политической речи часто обозначаются зооморфной метафорой, что позволяет выразить особую агрессивность, безжалостность, а иногда и бездумность политической борьбы. Наиболее распространенные обозначения — *грызня*, *пожирание*, *кушать*, *ужалить*, *заклевать*, *накукарекать*, *гавкать*, *лаять*, *рычать*,

визжать. Специфика подобных взаимоотношений нередко формулируется уже самими субъектами политической деятельности. Ср.:

- Взаимоотношения кандидатов укладываются в схему: кто кого больше *укусит* и *ужалил* (листочка «Уральское Яблоко»); Нет спору, наша *грызня* ветвей иногда отвратительна, но так развивается демократия (Б. Семенов); Медведи *заломают* коммунистов (Б. Грызлов).

Агрессивные действия обозначают и множество других метафор. Ср.:

- Мне интереснее тот, кто злобнее. И на собачьих боях Доренко, пожалуй, *задрал бы* Киселева (Э. Успенский); Нижняя палата *забодала* указ (В. Шендерович); Только простачки могут поверить в то, что БАБ пытается *бодаться* с Путиным (А. Теплюк); Всем известно, что Путина рьяно поддерживали разного рода волки из СПС, «медведи» из «Единства». Вот эти зверята и *ощетинились* на народ России (К. Петров); Все ожидали, что Москва *рвякнет* по этому поводу что-то гневное? Не тут-то было (М. Ростовский); Появилась война, появился зверь «Медведь», который *съел* все «Отечество» (Ю. Левада).

Слот 3.2. Неагрессивное взаимодействие

Справедливости ради следует, однако, признать, что целый ряд современных политических метафор ориентирован на так значимый в общественной жизни поиск согласия и компромисса. Ср.:

- Телекиллер по привычке *лизнул* хозяйскую руку (Е. Рябцев); Делал бы я все это, если бы *вилял хвостом* перед губернаторами? (Е. Примаков); Как *склонить голову* перед указом, так и огрызаться и нападать для губернаторов одинаково плохо. Надо было искать какой-то иной вариант (В. Смелов).

Слот 3.3. Образ жизни животных

В политической речи нередко представлена метафорическая интерпретация действий, характерных для тех или иных живых существ. Например, *кукушка кукует* — предсказывает долголетие, *хамелеон меняет окраску* — люди меняют мнения, *страус прячет голову под крыло* — человек не желает знать суровую правду. Очень характерно метафорическое осмысление птичьих миграций. Ср.:

- Замечено, что *стая* екатеринбургских политконсультантов, с курлыканьем, *построившись клином*, *перелетела* в Тюменскую область, где в полном разгаре предвыборная страда, чтобы добыть жирные нефте-

доллары и заткнуть клювы чадам и домочадцам (Слухопанорама МК-Урал); *Предчувствуя суровую* политическую *зиму*, финансовые потоки *улетели в теплые края* и вернутся только после смягчения климатических условий (Н. Разин).

Нетрудно заметить, что, как и в предыдущем фрейме, едва ли не все рассмотренные словоупотребления характеризуются оценочной коннотацией (в основном негативной).

4. Фрейм «Обращение с животными»

Показательно, что в политической речи животные обычно предстают отнюдь не как есенинские «братья наши меньшие», а как объект разнообразной агрессии и эксплуатации.

Слот 4.1. Животные как объект агрессии

Зооморфные метафоры регулярно отражают в политической речи агрессивное воздействие. Политики *охотятся* друг на друга, *ловят на крючок*, *натравляют* на врагов подконтрольные им силы и т. п. Ср.:

- Березовский с помощью подконтрольных ему СМИ пытается *обложить* Кремль *красными флажками* (А. Угланов); Министр понимал, к чему приведет организованная им *травля* (А. Хинштейн); Власть привыкла к тому, что *после команды «Фас!»* выполняется любое ее поручение (В. Костоусов); Что же послужило началом *«охоты»* за Собчаком? (А. Морозова).

Слот 4.2. Животные как объект эксплуатации

В рассматриваемых случаях политические субъекты (метафорически обозначаемые как *пастухи*, *доярки*, *хозяева* и др.) используют кого-то для получения прибыли или в иных корыстных целях (*запрягают*, *оседлывают*, *дят*, *стригут*) или хотя бы *дрессируют*. Ср.:

- Кто *«стрижет»* *доходы* с госсобственности? (Т. Корсикова); Прусак и Ручкой по-разному смотрят на жизнь. Тем не менее они *в одной упряжке* (И. Лбонитар); Письмо Путина и последующие указы — это начало процесса *«укрощения»* регионов (К. Толкачев); Иван Рыбкин пробует *оседлать* притягательное для народа сочетание слов, но сказочно заманчивым неказистым коньком-горбунком под этим Иваном оно уже точно ходить не будет (А. Лебедь); Одномандатные депутаты легко поддаются *дрессировке* (Е. Салина); В итоге

Путин сумел оседлать античеченскую войну народных настроений
(Е. Анохин).

4.3. Животные как объект ухода

Чтобы обеспечить жизнедеятельность и хорошую службу объекта, политики иногда вынуждены его *кормить* или *прикармливать*, *выгуливать* и т. п. Ср.:

- Кто-то хочет *прикормить* народ «ельцинтиной» и предложить терпеть за красивые шоу о наказаниях «такой-то банды» (В. Жириновский).

Возможно, встречаются контексты, в которых отражается и положительное эмоциональное отношение к метафорическому «животному», но используемый в настоящем исследовании речевой материал относительно невелик по объему.

Фрейм «Части тела животных»

Слот 5.1. Органы агрессии

При зооморфном описании типовых действий политиков особенно часто используются наименования частей тела животных, ориентированных на агрессивную функцию: политики при необходимости показывают *зубы* (или обнажают *клыки*, демонстрируют свой *звериный оскал*), направляют на врагов *рога*, используют мощные *лапы* и острые *когти*. Органом проявления агрессивности могут быть даже *жабры* и *щупальца*. Ср.:

- Установившийся режим... в октябре 1993 года окончательно показал свой *звериный оскал*, надругавшись над конституцией (В. Жириновский); На прошлой неделе Владимир Путин посоветовал Березовскому не раздувать «*политические жабры*», а заняться другим делом (О. Романова); Пока губернатор крутится, как блоха на стекле, криминальные авторитеты запустили свои *щупальца* в правоохранительные органы (Т. Кравченко).

В других случаях часть тела животного (а метонимически и животное в целом) представляется как жертва агрессии. Ср.:

- Москвичи — это подопытные кролики, которые все новое испытывают *на собственной шкурке* (И. Роменчева).

Слот 5.2. Крылья и хвост

Метафоризация концепта *крылья* иллюстрирует редкий случай, когда зооморфная метафора не имеет пейоративной оценочности. Например, в следующем случае метафора относится к числу ориен-

тационных. Ср.:

- Должна же наша демократия дорасти до того, чтобы у нас было правое крыло, левое крыло и центр (А. Шойгу).

Хвост может служить знаком чего-то ненужного, излишне заметного. Ср.:

- «Медведю» мешает хвост, о котором раньше никто не думал, ведь набирали людей с улицы. Например, вошедшее в блок движение «Поколение свободы» — это ребята, выступающие за альтернативную любовь (В. Хомяков, И. Славутинская).

6. Фрейм «Места обитания животных»

Те или иные территории и здания, используемые человеком, могут метафорически обозначаться как места обитания животных.

Слот 6.1. Места обитания животных в неволе

Для домашних животных типовое местообитание — хлев, свинарник, конюшня, курытник и т. п. Типовые эмотивные смыслы подобных зоометафор — некомфортность, грязь.

Дикие животные в неволе содержатся преимущественно в зоопарках, зверинцах, вольерах, клетках и аквариумах. В подобных метафорах обычно актуализируется зависимость объекта, лишение его свободы, что может развращать животное, лишать его жизненной силы, самостоятельности. Ср.:

- Почему полные залы собирают их звезды в Москве, а не наши в Париже? Почему лесной зверь жизнеспособнее рожденного в зверинце. На воле выживает сильнейший, а в клетке тот, кого подкормит хозяин (Л. Жуховицкий).

Слот 6.2. Места обитания животных на воле

На воле дикое животное живет в норе, берлоге, логове или гнезде. Основные метафорические смыслы подобных образов — «родная, привычная и устраивающая хозяина среда», «отчий дом», где зверь полный хозяин. Вместе с тем для постороннего берлога, логово или нора — это символы грязи, тесноты, некомфортности. Естественная среда обитания диких животных — лес, поле, степь, пруд и т. п.

Приведем примеры подобной метафоры:

- Россия представляется часто в виде дремучей тайги. А кто в *тайге* хозяин? (Е. Бокрина); Перед тем как отправиться в самое *логово* украинских националистов, я несколько дней привыкал в Киеве к украинской речи (М. Соколов).

Рассмотренные материалы свидетельствуют о детальной структурированности рассматриваемой понятийной зоны (особенно фреймов «Состав царства животных» и «Обращение с животными») и о сохранении высокой частотности анализируемой модели.

Для современной зооморфной политической метафоры характерны концептуальные векторы жестокости и агрессивности: образно уподобляемый животному человек (или иной субъект политической деятельности) забывает о гуманности, ведет себя как эксплуататор, ему некогда любоваться грациозностью животных, их верностью, отвагой и другими качествами, которые так привлекают нас в живой природе. Иначе говоря, современной политической метафоре не нужны бесконечно разнообразные возможности зооморфных образов. Причины этого коренятся, разумеется, не в особенностях исходной понятийной сферы и не в возможностях русского языка, а в том, какие реалии необходимо обозначить и какие эмотивные смыслы востребованы политической ситуацией.

4.2. Фитоморфная метафора

В гимназическом сочинении будущего академика Д. С. Лихачева приводится афоризм Исократы: «Корень учения горек, но плоды его сладки». Этот в общем-то частный факт может послужить свидетельством, с одной стороны, древности фитонимной метафоры, а с другой — ее естественности для русской языковой ментальности.

Фитоморфные образы — одна из традиционных понятийных сфер отечественной политической метафоры. В ее основе лежат базовые метафоры, связанные с архетипическим восприятием мира: в котором все имеет корни и плоды, происходит из каких-то семян и зерен. Старый дуб, родные березы и осины, русское поле и русский лес, луговые цветы — эти и многие другие образы уже давно используются как национальные символы. Роль растений в политиче-

ском языке в известной степени сопоставима с их значимостью в мифопоэтических представлениях.

В последнее десятилетие XX века продолжалось использование концептуальной метафоры **СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ — это ЦАРСТВО РАСТЕНИЙ**, поскольку многие политические реалии имели традиционные фитонимные символы. Однако политический язык отбирает для своих потребностей только определенные концепты. Разумеется, обыденная классификация царства растений (это не живая метафора, а биологический термин) во многих случаях не соотносится с классификацией научной. Большинство политиков и журналистов вполне обходится «наивной» классификацией, которая служит основой концептуальной структурированности «мира фитонимов», составляющего исходную понятийную сферу для рассматриваемой разновидности политической метафоры. В обыденной классификации зафиксированы растения вообще, среди которых различаются водоросли, травы, кустарники и деревья.

Рассмотрим наиболее типичные для политической метафоры фреймы и слоты «мира растений». При характеристике некоторых из них будут названы прототипические свойства (функции), то есть имеющиеся в национальном менталитете наиболее общие представления о характерных свойствах данного концепта.

1. Фрейм «Состав царства растений»

При описании зооморфной метафоры было отмечено множество названий конкретных живых существ (*собака, волк, медведь, тарантул, акула* и др.), способных стать базой для метафоры. В группе фитоморфной метафоры дело обстоит совершенно иначе. Относительно регулярны только метафоры, связанные с *яблоней* (развитие названия политического движения «Яблоко») и *баобабом* (связано с аббревиатурой БАБ — Борис Абрамович Березовский). Ср.:

- До тех пор, пока корни не вырваны, *баоБАБы* будут жить и дальше (А. Хинштейн); В Петербурге *яблоневоe дерево* прижилось и дает неплохие плоды (Б. Пипия).

Приведем единичные примеры использования образов других растений:

- Теперь эта зубастая ельцинская конституция утянет в свое холодное чрево маленького человека, не посмевшего отказаться от царского венца, упавшего ему в руки, как гнилой плод с *трухлявой груши* ельцинизма (А. Проханов); Лизинговые механизмы на российской почве приживаются плохо и превращаются в *сорняки* (С. Бабаева).

Несколько чаще встречается метафорическое использование родовых наименований — *дерево, кустарник, трава*. Ср.:

- Не белых и красных мы хороним, а россиян. Возможно, после этого на могилах убитых начнет вырастать *дерево* будущего национального согласия (С. Шахрай); Эта демонстрация — естественная реакция на скрещивание *яблоневого дерева с бесплодным кустарником* (Б. Пипия); Народовластие — выборы трех ветвей власти, это демократия на уровне корней *трав* (Э. Россель).

Рассмотренные примеры позволяют предположить, что для фнтонимной политической метафоры базисным является уровень родового наименования: политик почему-то видит дерево или плод, а не вишню с великолепными красными ягодами или усыпанную цветом черемуху.

2. Фрейм «Части растения»

Это наиболее частотный и структурированный фрейм рассматриваемой модели. В его основе лежат две ориентационные (по Дж. Лаккоффу) метафоры: противопоставление зоны низа (корня, то есть глубинного, сокрытого, подлинного источника силы) и верха (ветвей, верхушки), то есть сферы власти. Вторая ориентационная метафора связана с соотношением причины (корней, зерен) и следствия (плодов, урожая). Рассмотрим подробнее основные слоты фрейма «Части растения».

Слот 2.1. Корни

Традиционно *корни* символизируют источник силы и могущества дерева, именно благодаря корням живет верхушка дерева, развиваются его ветви. В политической метафоре при помощи этого образа часто отражаются причинно-следственные связи и верность политика родному региону. Ср.:

- *Корни* кризиса гораздо глубже — они в неплатежах между предпри-

ятиями (листовка движения «Социальная помощь и поддержка»); У социализма в России глубокие корни, уходящие не только в советскую эпоху, но и в седую даль веков, к соборности, обязанности, коллективизму (С. Хвальнский); Вечно живой корень России — провинция. Наше движение идет оттуда (Э. Лимонов).

При необходимости рисуется образ человека (партии и др.), лишенного корней, то есть дезориентированного, слабого, поддающегося чуждым влияниям. Ср.:

- В итоге атомизированный, изолированный, лишенный прочных общественных корней и связей, вырванный из социального окружения человек-одиночка оказывается бессильной и беззащитной игрушкой в руках манипулирующих им новоявленных «хозяев» жизни», мафии, закулисных организаций (В. Жириновский); Они — не местные, у них нет здесь корней, они не будут заинтересованы в развитии именно этого региона (агитлистовка «Выбираем земляка — голосуй за Ковпака»).

Слот 2.2. Ветви и верхушка

Типовой для российской политической метафоры образ — это *ветви власти*. Обычно эта метафора акцентирует некоторое «равноправие ветвей», у которых общие корни (мандат избирателей) и ответственность, что предполагает сотрудничество, а не разобщенность и конфликты. Ср.:

- Тут нужна кропотливая работа всех ветвей власти по ликвидации социально-экономических корней преступности (П. Григорьев); Вся верхушка российского правительства сейчас — сплошь финансисты (В. Сивкова, Н. Зятков); Это был редчайший случай: я возглавлял обе ветви власти — и законодательную, и исполнительную (Э. Россель); Так обстоит дело с нашим отношением к демократическому принципу разделения властей и к основным ветвям власти, включая и те средства массовой информации, которые служат господствующей группировке (В. Жириновский).

Данная метафора становится особенно частотной в периоды традиционного для современной России обострения отношений между президентом и парламентом (осень 1993 года, осень 1996 года, весна 1999 года и др.).

«Ветвям» власти, и особенно корням, может быть противопостав-

лена *верхушка* — оторвавшееся от широких масс руководство. Ср.:

- Разжиревшая, обнаглевшая, бессильная *верхушка* КПСС сдала страну без боя (В. Жириновский); Коммунистическая и Аграрная партии однозначно заявили о своем нежелании блокироваться с «левоцентристами», а без них рыбкинский блок также останется чисто *верхушечным* образованием (В. Жириновский).

Слот 2.3. Плоды, цветы, семена и зерна

Семена и *зерна*, как и корни, часто метафорически обозначают причины каких-то процессов; соответственно *цветы*, и особенно *плоды*, — это символ результатов. Ср.:

- Где лежат *зерна* гражданской войны? В каких пластах? (Ю. Буртин); Президент своими руками посеял *семена* ее [номенклатуры] будущего мятежа (Ю. Буртин); Впервые будут показаны «живые» *плоды* холодной войны — тайный подземный штаб (С. Сыч); А кто будет пожирать *плоды* нынешнего властного бардака? (В. Савин).

Метафору семян и зерен развивают образы *всходов* и *молодой поросли* — первых результатов прорастания. Ср.:

- Организаторские способности компартии, поухшие осенью 1991 г., снова дали зеленые *всходы* (Т. Филиппова); А еще я жалел Геннадия Андреевича. Зачем он связался с этой *порослью*? Со старушками спокойнее (С. Ковалев); Другая молодая *поросль* ОВР — Вячеслав Володин (И. Москвина).

Слот 2.4. Сердцевина ствола, ядро плода

Символизируют центральное расположение, самую сущность той или иной реалии, центральный аппарат партии или властной структуры. Ср.:

- Мы долго воспринимали вас как какого-то Дон-Кихота, который внедрился в *сердцевину* жуткой системы и сражается там изнутри (интервью с А. Яковлевым); Коррупция проникла уже в центральную часть президентского аппарата, в его *ядро* (А. Картнев).

Отметим, что в данном фрейме, как и в предыдущем, в отличие от зооморфной метафоры нет изначальных векторов тревожности и агрессивности, а встречающаяся эмотивная нагруженность образов определяется не концептуальной метафорой, а спецификой ее раз-

вертывания в конкретном тексте: в ядро проникает не что-либо, а коррупция; не просто семена и зерна, а семена раздора и зерна гражданской войны. Конфликтное мироощущение способно проявиться при использовании любых образов.

3. Фрейм «Жизненный цикл растений и участие в нем человека»

Слот 3.1. Жизненный цикл растений

Жизненный цикл растения часто метафорически обозначает динамику развития какого-либо субъекта политической деятельности, который, как и растение, может *укореняться*, *давать ростки*, *расти* и даже *перерастать* какие-то рамки. Ср.:

- Кем был Геннадий Зюганов в осенний день 1991 года? Смешным функционером, пытающимся убедить, что сквозь пепел, оставшийся от КПСС, *прорастет* что-то живое (С. Шахрай); То, что Ковпак *перерос* уровень областного масштаба, не подлежит сомнению (предвыборная листовка кандидата И. Ковпака); *Растет* благосостояние кучки дельцов и чиновников (агитлисточка «Защитить простых людей» движения «Мир. Труд. Май»).

Проходит время, и политическое растение начинает *расцветать*, *плодоносить* и со временем *увядать*. Таков естественный цикл жизни. Ср.:

- Показать, как человек, *вросший* во власть, растает с нею, по плечу лишь мастеру мирового класса (С. Артемов); Средний Урал обладает всеми возможностями для стабильного развития и *процветания* (А. Гайда); Экономика — дама чрезвычайно осторожная и *расцветает* только под охраной неукоснительно исполняемых умных и суровых законов. Она не любит «чрезвычайщины» и быстро *чахнет* от административных мер (В. Зуев).

Слот 3.2. Уход за растениями и уборка урожая

Как известно, многие растения произрастают сами по себе, но культурные растения необходимо *высаживать*, *поливать*, *подкармливать удобрениями* и т. п. В политической речи подобный уход за растениями традиционно обозначает помощь политическим или смежным структурам, создание условий для их успешного развития. Ср.:

- Держать систему образования на голодном пайке — это то же самое,

что ждать урожая осенью, не посеяв весной (листовка движения СПиП «Наш кандидат в губернаторы», июль 1999); На удобрениях, поставляемых из Москвы, местные фрукты произрастают плохо: за несколько лет никто из уральских последователей Г. Явлинского не дозрел до готового политического стандарта. Чахнушему дереву решили сделать прививание свежим побегом (Слухопанорама, МК-Урал).

Очевидно, что такая помощь в среде опытных политиков редко бывает абсолютно бескорыстной: она оказывается в надежде на будущий урожай, к уборке которого (страде, жатве) заранее готовятся. Ср.:

- Осень в России — время сбора урожая и не только в сельском хозяйстве, но и в хозяйстве политическом. Поэтому с конца июля политики готовятся к уборочной страде в верхних эшелонах власти (Т. Нетреба); Не дай Бог Уралу подобной кошмарной жатвы в годину предвыборной страды (А. Павлов); Орджоникидзевский округ — один из самых урожайных на разнообразные выборы (А. Павлов); Посеяли и начали пожинать иллюзию о том, что можно каким-то иным путем, кроме труда, улучшить свою жизнь (Ю. Буртин).

Рассматриваемые образы часто акцентируют устойчивость жизненных циклов, причинность всяких событий, закономерность приложения сил для получения хорошего урожая, необходимость помощи растению, а не вмешательства человека в естественное развитие растения, которое живет по своим законам и зависит от природных условий не меньше, чем от человека.

Вместе с тем легко заметить, что современные политики и журналисты умудряются «нагружать» негативными эмоциональными смыслами даже традиционно «миролюбивую» фитонимную метафору: жатва оказывается кошмарной, пожинать приходится иллюзии, фрукты произрастают плохо, дерево чахнет и др.

4. Фрейм «Места произрастания растений»

Слот 4.1. Поле и почва

В политическом языке традиционны метафоры с образами поля и почвы для какой-либо деятельности. Эти образы постоянно используются и в современных текстах: *поле*, которое в политической речи может сжиматься и расширяться, иногда оказывается необходимо

расчислить. Ср.:

- Сегодня идет последовательная работа по расчислке электорального поля (А. Выборнов); И этот казус, увы, не имеет решения на конституционном поле (Г. Зюганов); Лучше всего знают и чувствуют людские проблемы территориальные власти, чье поле деятельности нынче сжимается «благодаря» бюджету и областному своду законов, как шагреновая кожа (А. Чернецкий); Скорее всего не обойдет осенняя страда и военно-кадровую ниву (Т. Нетреба).

Политическую почву для получения полновесного урожая полезно прощупать и взрыхлить. Хорошо, если на этой почве растут привычные к местному климату, а не экзотические растения. Ср.:

- Урал стал одной из первых областей, в которых Михаил Сергеевич начал прощупывать предвыборную почву. Проводились промеры электорального поля (К. Джултаев); У Путина появился уникальный шанс. Образно говоря, Ельцин взрыхлил почву для своего преемника (Т. Нетреба); Павел Федулев — человек, плотью и духом прикрепленный к местной почве (предвыборная листовка).

Слот 4.2. Рассадник, теплица

Это едва ли не единственный слот фитонимной метафоры с ярко выраженным негативным прагматическим потенциалом: рассадник в политической речи — это всегда источник чего-то нежелательного, а теплица — символ слишком комфортных условий, которые вредят дальнейшей жизнеспособности. Ср.:

- Борьба с преступностью путем освобождения Урала от непосильного груза исправительно-трудовых учреждений — рассадников преступных группировок (С. Ячевский); Ведь именно органы инспекции сейчас — главный рассадник коррупции (Г. Явлинский); Тепличные условия для одних и жесткий прессинг для других — это не рынок, а тоталитарная экономика (Б. Глушков).

Заканчивая обзорение фитоморфной метафоры в современной политической речи, резюмируем уже отмеченные ее особенности. Во-первых, выделим традиционность такой метафоры и достаточную структурированность исходной понятийной зоны, что создает условия для сохранения высокой частотности анализируемой модели. Во-вторых, для фитоморфной метафоры изначально мало харак-

терна негативная эмоциональная коннотация: подобные образы часто акцентируют идею естественности и непрерывности развития жизни, близости и взаимосвязанности человека и природы; рассматриваемые метафоры символизируют также причинно-следственную обусловленность посева, ухода за растениями и сбора урожая, необходимость иметь крепкие корни для развития кроны и получения плодов, особую роль местной почвы и другие традиционные для русского национального сознания ценности. Однако даже фитонимные образы при их развертывании способны приобретать обычный для современной политической речи эмотивный потенциал.

* * *

Подводя общие итоги рассмотрения метафорических моделей с исходными понятийными сферами «Царство животных» и «Царство растений», еще раз подчеркнем их традиционность, детальную структурированность сфер-источников, принадлежность этих сфер к ближайшему кругу интересов человека. Все это обеспечивает сохранение высокой частотности соответствующих образов.

Существенные различия обнаруживаются в концептуальных векторах рассматриваемых моделей. Для современной зооморфной политической метафоры очень значимы концептуальные векторы жестокости и агрессивности: образно уподобляемый животному человек (или иной субъект политической деятельности) нередко сам уподобляется животному, а, как учил Рабиндранат Тагор: «Человек хуже зверя, когда он зверь». Фитоморфные образы обычно неагрессивны: они акцентируют идею естественности и непрерывности развития жизни, близости и взаимосвязанности человека и природы, наглядно отражают причинно-следственные связи в природе, значимость крепких корней и другие фундаментальные для русского национального сознания ценности. Однако современная политическая метафора не в полной мере использует позитивный потенциал фитоморфной и зооморфной метафор. Остается надеяться на мудрость будущих поколений политиков и журналистов, на общее смягчение нравов и изменение концептуальных векторов российского политического дискурса.

Глава 5

Ц

Субсфера «Артефакты» как источник политической метафоры

Бог создал мир и человека, но человек посчитал созданный Богом мир недостаточно комфортным и продолжил созидательную деятельность. Человек реализует себя в создаваемых им вещах — артефактах. Создавая вещи, человек стремится усовершенствовать мир, сделать его в полной мере отвечающим собственным потребностям. Созидательный труд — это деятельностная концептуализация мира.

Из всего многообразия понятийных сфер, отражающих результаты интеллектуального и физического труда, в настоящей главе избраны лишь две сферы, являющиеся источником метафорической экспансии в политическую сферу. Это концепты «Дом» и «Механизм». За рамками исследования остаются, например, понятийные сферы «Одежда», «Инструменты», «Компьютерная техника» и др. Конечно, описание только двух моделей не даст исчерпывающей картины, но оно вполне позволит выявить основные тенденции. К тому же в предыдущих главах уже в той или иной мере говорилось о метафоре, связанной с концептами «Транспортное средство», «Военная техника», «Лекарство», «Спортивный инвентарь», «Театральный реквизит» и др.

§

5.1. Метафора дома

Дом — важнейший культурный концепт в человеческом сознании, это традиционный для славянской культуры источник метафорической экспансии [*Байбурин*, 1983; *Кожневникова*, 1991; *Никитина*, *Кукушкина*, 2000; *Топоров*, 1984; *Цивьян*, 1978 и др.]. Метафори-

ческое представление общественных реалий и процессов как дома (в том числе его строительства, ремонта и разрушения) — один из наиболее традиционных для политической речи образов. Так, Н. Д. Арутюнова отмечает: «Со времен Маркса стало принято представлять себе общество как некоторое здание, строение... Эта метафора позволяет выделить в обществе базис (фундамент), различные структуры (инфраструктуры, надстройки), несущие опоры, блоки, иерархические лестницы» [*Теория метафоры*, 1990, с. 14—15].

Можно заметить, что концептуальная метафора ГОСУДАРСТВО — это ДОМ относится к числу моделей, на материале которых можно наиболее наглядно демонстрировать воздействие политических событий на образы политического языка. Замечено, что в отечественной истории политические лидеры подразделяются на тех, кто полностью отвергает деятельность предшественников и планирует строить государство заново, и тех, кто планирует только усовершенствование прежней системы. Об этом хорошо пишет Б. А. Успенский: «При всей разнице исторических условий, общественных задач, личной психологии и пр., в типе деятельности Ивана IV, Петра I, Павла, Александра I... есть нечто общее... Свою деятельность они рассматривают как направленную не на улучшение исторически сложившегося порядка, а на разрушение его, полное и всеконечное уничтожение и создание на новом месте... и на новых основаниях нового и прекрасного мира» [1994, с. 334]. Из политических лидеров XX века к числу разрушителей относятся, безусловно, В. Ленин (в этом отношении его верным учеником был и И. Сталин), Б. Ельцин. В группу «продолжателей» дел предшественников входят Н. Хрущев и Л. Брежнев. Совершенно особое место занимают «усовершенствователи» (Ю. Андропов, М. Горбачев), которые, подчеркивая верность «социалистическому выбору», планируют существенное усовершенствование системы, ее «ремонт», наведение порядка «на стройке».

Замечено, что «разрушители», мечтающие строить новый мир заново, используют метафору разрушения старого, никуда не годного, гнилого, рушащегося дома и постройки на его месте нового прекрасного дворца (к сожалению, многие из них успевают завершить только первый этап своей программы). «Продолжатели», используя метафору дома, говорят о продолжении начатого предшественника-

ми строительства (государства, коммунизма, социализма, капитализма и т. п.). «Усовершенствователи» в соответствии со своей основной целью активно используют метафору перестройки, ремонта и наведения порядка. Хозяйскую метафору быстро подхватывают свита, восторженные или зависимые журналисты, а затем она широко распространяется во всем политическом языке.

Показательно, что в «Интернационале», бывшем около четверти века официальным Гимном СССР, говорится о том, что старый мир будет разрушен «до основания» и только потом «мы наш, мы новый мир построим». Одним из многих символов разрушения стало изменение названия страны и государственной символики. Коммунисты много говорили о «Советском Союзе как одной большой стройке» и действительно немало построили, но успели и многое разрушить. Наверное, все-таки пришло время «собирать камни»: одно из свидетельств этому — взорванный большевиками и недавно восстановленный Храм Христа Спасителя.

Каждая новая эпоха приносит изменения в систему базисных метафор. Важный метафорический образ для Советского Союза 50—70-х годов — это продолжение строительства (нового общества, коммунизма и даже отдельного человека). В начале 80-х годов активизируется метафора наведения порядка на затянувшейся стройке, а с середины 80-х — метафора уже и полной перестройки (общества, страны), возведения общеевропейского дома, а заодно и евроремонта своей избы-временки, которую опытный домоуправ (или точнее — комендант?) Виктор Черномырдин назвал движением «Наш дом — Россия». Жильцы этого строения неплохо существовали, пока у них была крепкая крыша, но потом избушка была разрушена и чуть ли не съедена неизвестно откуда взявшимся медведем.

Понятийная сфера «дом» обладает всеми необходимыми условиями для метафорической экспансии.

Во-первых, эта сфера хорошо знакома каждому человеку, она детально структурирована, все ее фреймы и слоты обладают высоким ассоциативным потенциалом и находятся в кругу естественных «извечных» интересов человека.

Во-вторых, она имеет высокий эмоциональный потенциал: отчий дом, родительский дом, собственный дом, домочадцы, семейный

очаг, семейный быт, обустройство дома и даже домашние животные — все эти понятия способны пробуждать добрые чувства.

В-третьих, концепт «дом» обладает развернутой сетью элементов внутренней организации: для русского сознания дом — это и здание, и жилье для отдельной семьи, и семья как таковая, и множество периферийных компонентов, обычно отражаемых словарями как оттенки значений.

В-четвертых, дом — это основная, наиболее естественная и комфортная сфера существования человека и его семьи. Человек по собственной воле или вынуждаемый обстоятельствами уезжает в чужие края, но мечтает вернуться домой. Он уходит на работу или в гости, но возвращается домой. Нет ничего дурного в том, что родной город и даже родная страна могут восприниматься как пространство вокруг родного дома.

Когда политики хотят внушить человеку мысль о необходимости каких-то действий, они или стремятся включить соответствующие реалии в сферу его «дома», или внушают мысль об опасности для его «дома». Не случайно дом — это один из немногих объектов собственности, которые были дозволены даже в советскую эпоху.

Рассмотрим особенности структурирования исходной понятийной области для концептуальной метафоры «дом» в политической сфере.

1. Фрейм «Конструкция дома»

Слот 1.1. Общая конструкция здания

Изначальные составляющие здания — *фундамент, фасад, стены, крыша, двери, окна, крыльцо* и некоторые другие компоненты, функции которых переосмысляются в политической метафоре, формируя важные номинации. Так, *фундамент* — это необходимая основа. *Крыша* и *стены* — это граница с внешним миром и одновременно защита от непогоды или нежелательного вторжения. *Крыльцо* и *дверь* дают возможность выхода и входа; вместе с тем *дверь* — это защита от нежелательных гостей. *Окно* обеспечивает внешние связи, визуальную доступность окружающей территории (это «глаз дома»), *форточка* (и окно в целом) предназначена для проникновения свежего воздуха; вместе с тем окно и форточка могут быть местом не-

санкционированного проникновения в дом. Прочность современному многоэтажному зданию придают *несущие конструкции и межэтажные перекрытия*. Ср.:

- *Фундамент* общества — возрождение крестьянства (А. Ручкой); ОРТ и так не хватает ярких ведущих, а тут на время праздников выпали «*несущие*» *элементы конструкции* — леонтьевское «Однако» и программа Любимова (А. Архангельский); Веками Россия была *стеной* для Запада. Минкин вычищает до блеска правительственный *фасад* демократов (В. Жириновский); Задумайтесь, какую *крышу* нам обещает Черномырдин? (Б. Федоров); К экономическому краху и обнищанию мы пришли из-за раскрытых настежь границ. Разве можно говорить о порядке в доме, если *нет* в доме *дверей* и *замков*? (В. Жириновский); Я обозначила главные направления в информационных технологиях «Эха Москвы». Именно на них зиждется *фундамент* идеологической политики станции (Е. Сергиевская).

В риторике использование подобных образов называется обращением к повседневному опыту слушателей: данный аргумент производит впечатление убедительности, соответствия изображаемой картины очевидным правилам мироустройства.

Слот 1.2. Внутреннее устройство здания

Внутреннее устройство дома предполагает выделение функционально специализированных помещений: для жилища — это *кабинет, кухня, столовая, спальня* (советский человек не очень избалован многообразием помещений в квартире), для офисных зданий — *кабинет, коридор, кулуары*. В доме обычно есть *коридоры* и *лестницы*. Большинство домов в России — многоквартирные, но эти квартиры часто бывают коммунальными, и жильцам приходится тесниться в тесных каморках. Дома в городах обычно состоят из нескольких этажей. Многие из этих элементов могут метафорически использоваться в политической речи. Ср.:

- Отношения сверхдержав зафиксированы в довольно узком *коридоре* возможностей, и без ядерной войны *из* этого *коридора* не выйти (М. Соколов); Изобретательство — это здание в *пять этажей*. И *первый этаж* — это душевная сила. *Второй этаж* — это здоровый дух. *Третий этаж* — учеба. *Четвертый этаж* — это умение профессионально ставить эксперименты. И наконец, пятое... Это талант (Д. Ма-

каров); Коррупция так пронизала все исполнительные структуры, что стоит потянуть веревочку — и рухнут все верхние этажи президентской власти (передовая газеты «День»); Глядишь, и скромная тетенька с милой улыбкой бочком-бочком — и протиснется в коридоры власти (Н. Алексеева).

Фразы с подобными метафорами могут нести негативную эмоциональную оценку, но это, как правило, вовсе не связано с самими метафорами. Одно из немногих исключений: с советских времен в сознании наших граждан важное место занимает образ коммунальной квартиры, и особенно коммунальной кухни. Этот образ оказался удивительно подходящим для метафорического обозначения всевозможных конфликтов. Ср.:

- И у Косово, и у Чечни есть сходство с коммунальной квартирой. К жарким баталиям на коммунальной кухне нам не привыкать — хоть со сковородками, хоть с минометами. А что способно решить квартирную проблему? Только расселение. Иначе «соседи» все равно будут лупить сковородками друг друга или «разводящих» (Б. Мурадов); Мир маленький, и в этом сообществе квартир мы должны жить в мире и не гадить друг другу в кастрюли (К. Боровой); Даже «Известия» выразили недоумение кухонно-коммунальными методами воздействия на депутатов (Ю. Нерсесов).

Концепт «коммунальная квартира (коммунальная кухня)» едва ли не единственный в рассматриваемом понятийном поле элемент с ярко выраженной пейоративной эмоциональной оценкой.

Слот 1.3. Обстановка в доме (мебель и т. п.)

В бытовой речи богато представлено образное использование наименований мебели (*стол, стул, кровать и койка*). В политической речи рассматриваемый слот небогат и ориентирован преимущественно на внутреннее убранство офисных помещений: очень часто метафорически используется только концепт *кресло*; к этому же слоту можно отнести понятие *обстановка*. Ср.:

- Отцу надоело быть в МИДе, он хотел бы сменить обстановку (А. А. Громыко); Что выкинет новый президент, какие высокопоставленные начальственные седалища соскользнут со своих кресел (И. Стрелков); Роман Абрамович намерен бороться за кресло губернатора Чукотки (Г. Нетреба).

Образ начальственного кресла как символа власти и материальных благ обычно используется в ироничном контексте.

2. Фрейм «Строительство, ремонт и разрушение дома»

Слот 2.1. Строительство дома

Строительство (а сначала проектирование) дома обычно метафорически обозначает создание каких-то политических структур, развитие общества и страны в целом; нередко говорят также о строительстве «общеевропейского дома», мирового правопорядка и даже счастья и согласия. Ср.:

- *Строительство* новой государственности — это наука (В. Овчинников); *Строительство* партии идет не сверху вниз, а снизу вверх (С. Шойгу); Пика своей активности *кооперативно-партийное строительство* достигло в 1985 году (Ф. Катаев); Я верю, что в России такое общество можно *построить* (Н. Овчинников); Я не заставлю вас *строить* ничего, кроме собственного счастья (В. Жириновский).

При всем разнообразии представленных контекстов можно заметить, что идея строительства окрашена преимущественно позитивно: строительство — это обычно надежда на лучшее будущее.

Слот 2.2. Ремонт дома, его перестройка

Ключевая политическая метафора эпохи М. С. Горбачева — *перестройка*. В ельцинский период эта метафора по отношению к недавнему прошлому использовалась преимущественно иронически. При характеристике новейших процессов предпочитали другие образы. Ср.:

- НДР требуется *капитальный ремонт*, точнее, *реконструкция*: от пражской когда-то партии после утраты крыши остался только финансовый фундамент да несущие конструкции аппарата (Е. Бокрина); Нам нужна не еще одна *подпорка* для скомпрометировавшего себя режима, а народная конституция (В. Салов); Партии власти уже не поможет *косметический ремонт* (Л. Горбунов); Надо голосовать против Ельцина... против срочно *подчищаемого* и *подмазываемого проекта* «новой конституции» (С. Шаньгин).

Показательно, что среди реципиентных концептов рассматриваемого варианта модели уже нет государства в целом: партия власти декларировала строительство совершенно нового общества, комму-

нистическая оппозиция ратовала за возврат к советскому прошлому и уже никто не хотел возвращаться к идеям горбачевской перестройки режима.

Слот 2.3. Разрушение дома

Разнообразные действия властей и предложения оппозиции нередко метафорически номинируются как *разрушение* дома-государства, традиционных, советских или же демократических ценностей, тех или иных политических и социальных институтов. Ср.:

- Экономическая амнистия? Это просто нелепость. На гнилом фундаменте *рухнет* наше государство (А. Солженицын); Страшновато все-таки родиться в Союзе, выжить в Союзе... и умереть на его *обломках* (С. Ваганов); Мы имеем дело с изощренным популистом (о Б. Н. Ельцине. — А. Ч.), способным наводить глянец даже на *развалины* (Т. Плетнева); Если вместо дома будут узкие клетки — страна *будет разваливаться* (В. Жириновский); Семья — это дом, который *рушится* каждый день. Сегодня отвалится подоконник, завтра — порог, послезавтра треснуло стекло. Если вы не будете его *ремонттировать*, он развалится (Н. Маслова).

Отметим, что в современной политической метафоре три рассмотренных слота обладают различным эмотивным потенциалом: со слотом «строительство» чаще связаны положительные эмоции; вызывавший в середине 80-х годов положительные эмоции слот «перестройка и ремонт» сейчас больше ориентирован на иронию, а слот «разрушение» относится к числу выражающих преимущественно боль и агрессию.

Слот 2.4. Строители

В эпоху М. С. Горбачева постоянно упоминались *«архитекторы»* перестройки (сам лидер страны, Э. А. Шеварднадзе, А. Н. Яковлев и др.) и ее *«прорабы»*, правда, сам руководитель ремонтной бригады чаще именовался «отцом» перестройки. Впрочем, как известно, именно отец семьи традиционно руководил строительством жилища. В ельцинский период работа, похоже, шла уже без детальных планов, во всяком случае, исчезли из активного употребления образы «прорабов», а об архитекторах упоминалось только по отношению к предыдущему этапу развития общества. Ср.:

- На днях А. Н. Яковлев побывал в редакции, и речь зашла о «перестройке», звание архитектора которой прочно за ним закрепилось (интервью с А. Н. Яковлевым; АиФ).

3. Фрейм «Жильцы и владельцы дома»

Для человеческого сознания очень значимо противопоставление дома «своего» и «чужого» [Байбурин, 1983; Никитина, Кукушкина, 2000; Цивьян, 1978]. В советскую эпоху «свой» дом — это место проживания, но не обязательно объект владения. С изменением социальной системы все большее значение приобретает вопрос о владении домом. При развертывании рассматриваемого фрейма концепт *жильцы* метафорически обозначает граждан страны и ее отдельных регионов. Люди, проживающие в доме, могут быть его *хозяевами* или *квартирантами*.

Слот 3.1. Жильцы и квартиранты

В начале десятилетия представители самых различных политических партий, говоря о строительстве государства, предполагали, что дом будет общим, подчеркивалась необходимость совместных усилий различных политических сил, что подразумевало одинаковый статус *жильцов* (то есть народов, партий, отдельных граждан). Признавалась лишь возможность проживания в отдельных квартирах, то есть относительная автономия. Ср.:

- Государство — это единый дом с общими стенами и крышей. В нем необходимо соблюдать единые правила (В. Алексеев); Жесткая вертикаль власти не позволит растаскивать федеральную собственность по региональным квартирам (В. Бошков).

Показательно, что о «квартирантах» (то есть проживающих в России иностранцах и просто «не патриотах») упоминали только лидер ЛДПР В. Жириновский и члены его партии. Позднее метафорические образы заметно изменились.

Слот 3.2. Жильцы и владельцы дома

После создания В. Черномырдиным движения «Наш дом — Россия» (в это же время на Урале появилось возглавляемое А. Чернецким движение «Наш дом — наш город») вопрос о России как о доме

для ее граждан стал восприниматься несколько иначе. Оппоненты названных политиков начали говорить о незаконной приватизации, о том, что в новом престижном доме место найдется только для определенных групп проживающих, что *хозяевами* «нашего дома» стали «черномырдинцы-домушники», а не весь народ России. Все чаще заходила речь о необходимости постройки отдельных региональных домов или хотя бы наведения в них порядка. Ср.:

- Программа А. Страхова вытекает из поддержки объединения «Наш дом — Россия». Но этот *«Дом» — для руководителей всех уровней, коммерческих структур и банковских деятелей* (обращение комитета ветеранов Свердловской области, 1996); *«Домушникам» удобно жить в своем доме, под крышей хозяина «трубы»*, а вот что делать остальным? (Н. Веров); За Э. Росселем — желание начать переустройство России *с собственного дома, с земли уральской*, за ним стремление объединить Россию снизу в единое крепкое, федеративное и правовое государство (А. Гайда).

В результате дальнейшего развертывания модели оказалось, что не всем гражданам удастся поселиться в новом доме или сохранить квартиру в старом, что грозило появлением больших групп «бомжей». Ср.:

- Не для того мы преодолевали тоталитаризм, чтобы современные домоуправцы из «нашего дома» по-прежнему нами *помыкали, как бомжами* в ихнем доме (А. Гайда); Безнравственно заявлять «Наш дом — Россия», записывая тем самым всех в *бомжи* (М. Салье).

После поражения движения «Наш дом — Россия» на парламентских выборах 1999 года язвительная дискуссия о хозяевах дома, квартирантах и бомжах на общероссийском уровне естественным образом прекратилась, что является еще одним свидетельством решающего влияния политического дискурса на судьбы метафорических моделей.

Рассмотренные материалы показывают, что даже самая традиционная метафорическая модель на новом этапе развития политического дискурса преобразуется, создавая тем самым условия для фиксирования новых элементов в когнитивной деятельности человека. Так, со второй половины 80-х годов наиболее динамично развива-

лись слоты «ремонт дома» (*перестройка*, ее прорабы и *архитекторы*), в середине 90-х особую значимость получил вариант рассматриваемой модели «Россия — это наш дом», в результате чего актуализировались образы *хозяев* дома, *квартирантов* и *бомжей*. Одинаково динамичны в полтора последних десятилетия слоты «конструкция здания» (*фундамент, стены, крыша, дверь* и др.) и «внутренняя планировка дома» (*отдельные или коммунальные квартиры, кухня, коридоры, лестницы, просторные комнаты* или *тесные каморки*).

Традиционно метафора дома связана с позитивными прагматическими смыслами: дом — это укрытие от жизненных невзгод, семейный очаг, символ фундаментальных нравственных ценностей; соответственно строительство — это динамика, планы на будущее, стремление сделать жизнь лучше.

Однако в современном российском политическом дискурсе любые метафорические модели могут разворачиваться таким образом, что акцентируются векторы тревожности, конфликтности, агрессивности.

5.2. Метафора механизма

Замечательный немецкий филолог В. Клемперер более полувека назад отметил, что в публицистике фашистской Германии доминировали две взаимосвязанные образные модели: милитаристская и техническая. На основе развития ключевого образа **ЧЕЛОВЕК** (и **человеческое общество в целом**) — это **МЕХАНИЗМ** люди, организации, города в речах Геббельса и его последователей постоянно к чему-то подключались и от чего-то отключались, чем-то заряжались, при необходимости вставали на ремонт, чтобы снова работать на полных и даже предельных оборотах [1998, с. 196—201]. Рассматривая подобные примеры, автор приходит к выводу, что они свидетельствуют о «фактическом пренебрежении личностью», о «стремлении подавить самостоятельно мыслящего свободного человека» [Там же, с. 202].

Далее В. Клемперер отмечает, что подобные метафоры встречаются и в советской публицистике, но считает, что «появление массы новых технических оборотов в языке большевизма... указывает на средство, с помощью которого ведется борьба за освобождение духа,

тогда как заимствования технических терминов в немецком языке с необходимостью приводят к мысли о порабощении духа» [Клемперер, 1998, с. 203]. Можно в чем-то не соглашаться с таким выводом, но вполне закономерно, что факторы, способствующие активизации той или иной модели, не могут быть одинаковыми, здесь многое зависит от национальных традиций, от исторического этапа развития общества, от свойственной той или иной ментальности общей метафорической системы [Лакофф, Джонсон, 1987; 1990; Баранов, Казакевич, 1991; Феденева, 1997; Чудинов, 2000 и др.].

Специальные наблюдения показывают, что в отечественной публицистике 30—50-х годов действительно были особенно активны метафоры с исходными семантическими сферами «война» и «механизм»: в сознание общества настойчиво внедрялось представление о том, что советский человек — это *вооруженный коммунистической теорией винтик в настраиваемом инженерами человеческих души механизме, который предназначен для боев и походов*. При управлении этим механизмом партийный аппарат должен крепко держать руль, правильно использовать политические рычаги и приводные ремни, вовремя нажимать на педали и знать потайные пружины. Для поддержания работоспособности рассматриваемого механизма (то есть советского народа — строителя коммунизма и борца с мировым империализмом) в определенных случаях приходится *закручивать гайки, менять заржавевшие и устаревшие детали, производить ремонт двигателя, коробки передач или иных быстро изнашивающихся частей машины*.

В несколько ином варианте рассматриваемой модели отдельного человека представляли уже не винтиком, а автономным механизмом, которому даны «стальные руки-крылья» и «вместо сердца пламенный мотор». Машина, у которой нет органа чувств (каковым в традиционной «наивной» картине мира считалось сердце), нуждается только в «заправке» и «перезарядке» в специальных мастерских или на фабриках.

Если механизм в полном порядке, его можно «бросать в бой» или «направлять на стройки народного хозяйства». При планировании необходимо учитывать, что такой механизм не вечен, при чрезмерном напряжении он может выйти из строя или даже сгореть. Рас-

смотренные концептуальные метафоры показывают, что формируемое под жестким идеологическим прессом тоталитарное мышление закономерно сказывалось даже на образном представлении человека и окружающего его мира.

Механистические метафоры вновь стали частотны в период «перестройки», отличавшейся особой нестабильностью общественных отношений. А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич объяснили это тем, что «использование метафоры механизма позволяет вскрыть неразработанность или неясность предмета обсуждения» [1991, с. 10]. По данным Ю. Б. Феденевой, позднее эта конструкция «утрачивает свою продуктивность» [1997, с. 66].

Наблюдения за современной агитационно-политической речью свидетельствуют, что техническая метафора по-прежнему занимает определенное место в образном представлении российской политической действительности.

Рассмотрим основные фреймы данной модели.

1. Фрейм «Государство (и его составляющие) — отлаженный механизм»

Механистическая метафора, как и прежде, может использоваться в контекстах, содержание которых связано с призывами проанализировать причины былых неудач и наконец-то отладить работу *механизма* (то есть государства и его структур). Ср.:

- Россия, ее государственная система не может больше жить по временной схеме. В любой момент она грозит замыканием или пожаром (Б. Ельцин); Политическая жизнь — механизм проверенный: тут гайку отвернешь — все повалится (В. Шендерович); Почему взорвалась система? Потому что у котла не было клапана (С. Шахрай); Нам необходимо срочное отлаживание всего государственного механизма, его безусловное отделение от олигархического бизнеса (Г. Явлинский); Как вам показалось, хватит у Путина воли, чтобы запустить государственную машину на полный ход? (А. Баранов); Целых шесть лет создавался механизм восстановления сбережений. А сейчас появились люди, готовые вновь его приостановить (В. Елохин); Одна из самых опасных болезней России сегодня — разболтанный, дорогостоящий, неэффективный бюрократический аппарат (Е. Савостьянов).

2. Фрейм «Государство — мощный и безжалостный механизм»

В соответствии с данным вариантом модели государство и властные структуры, та или иная политическая партия (движение, объединение, группа единомышленников) образно представляются журналистами и политиками как мощный механизм, подавляющий сопротивление (отдельного человека, другой партии или даже целого региона). Такой обобщенный образ может конкретизироваться в виде *бульдозера, трактора, танка* или *локомотива*. Ср.:

- У Чернецкого есть хорошо отлаженная *избирательная машина*, которая умеет побеждать (Ю. Брусницын); Большая бездушная чиновничья *машина движется*, как *чудовищный танк*, чтобы раздавить единственную личность (Е. Зяблицев); В областях, политически и экономически зависимых от центра, кремлевская администрация ведет себя, как *бульдозер* (М. Ростовский).

3. Фрейм «Управление механизмом»

В подобных случаях агитационно-политическая работа, стремление воздействовать на сознание граждан метафорически изображается как *управление механизмом*, как своего рода технологический процесс: Ср.:

- Неизвестно, какие меры примет избирательная комиссия против кандидатов, которые используют не только грязные технологии, но и административные *рычаги* (А. Вогульский); Григорий Явлинский заметил, что решать эту проблему *путем закручивания гаек* — хуже всего (О. Герасименко); По вопросу *завинчивания гаек* все зависит от того, в отношении кого, где надо завинтить и кто будет завинчивать (А. Н. Яковлев).

Подобные контексты формируют в сознании читателей прагматические эмотивные смыслы, связанные с восприятием субъектов политической деятельности как мощной и в то же время бездушной силы, пренебрегающей интересами отдельной личности.

4. Фрейм «Человек — это часть механизма»

В соответствии с этим вариантом модели механистическая метафора представляет то или иное должностное лицо как выполняю-

щую определенную функцию часть механизма — *мотор, двигатель, аккумулятор, буфер, тормоз, фару* и т. п. Ср.:

- Директор в общем-то небольшого завода стал не только аккумулятором всех оппозиционных сил, но и превратился с подачи подконтрольной ему прессы в успешного хозяйственника (С. Сорокин); Первый зам у нас выступает как буфер между генеральным директором и руководителями подразделений (Г. Ананьев).

При необходимости человека могут *отстранить от рычагов* или *отключить от рубильника*. Ср.:

- «Ходят слухи, что вас могут отключить от рубильника?» — «Не отключат!» (Н. Ефимович; интервью с А. Чубайсом); Необходимо отстранить от рычагов власти коррумпированных и недобросовестных чиновников (А. Баламутов); Нельзя допускать к рулю власти случайных, некомпетентных и коррумпированных чиновников (Н. Стрижев).

5. Фрейм «Человек — это механизм»

Рассматриваемая группа метафор объединяется представлением отдельного политического деятеля в виде своего рода механизма, у которого могут возникать проблемы с надежностью некоторых деталей. Метафора устанавливает связи на основе сопоставимости функций некоторых органов человеческого тела (и функций сознания) с частями машины: сердце традиционно обозначается как *мотор*; мозг и голова могут быть номинированы как *компьютер*; глаза и уши — это *локатор*, колени — *рессоры*, лицо — *витрина*, тело — *корпус*, соответственно воспитанность и совесть могут рассматриваться как *тормоза*, легкие — как *система вентиляции*, печень — как *система очистки* и др. Ср.:

- У Жириновского отказали тормоза (В. Шендерович); Утечет какая-нибудь копия с распиской в получении, и вскроется то, что у генерала «рессорила» коленка (А. Бархатов); Когда у него включится компьютер, заработает сознание, он встанет и пойдет (Л. Романова, жена находящегося в длительной коме генерала).

Рассмотренные примеры позволяют выделить следующие типы современной механистической метафоры:

1. Государство (его отдельные структуры, партии, регионы, сферы общественной жизни и т. п.) — это мощный механизм, который нуждается в наладке и контроле.
2. Государство (его отдельные структуры, партии, регионы, сферы общественной жизни и т. п.) — это мощный механизм, который может действовать вопреки интересам отдельных граждан (партий, регионов и др.).
3. Государство управляет механизмом при помощи руля, рычагов и др.
4. Отдельное должностное лицо (государственная структура, общественное объединение и т. п.) может выполнять функцию той или иной части механизма.
5. В организме человека можно обнаружить некоторые аналогии функционально значимых частей механизма: тормоза, рессоры, рычаги, фары и др.

Подводя итоги изучения данной модели, отметим, что аналогии между социальным и механическим устройствами могут привести к двоякому осмыслению роли человеческой личности в обществе. Человек может восприниматься как активный творец, который в состоянии создать, отрегулировать и при необходимости исправить хорошо функционирующий социальный механизм, но он может оказаться и винтиком (или еще какой-то деталью) в этой самой хорошо отлаженной государственной машине. Для такого «винтика» чрезвычайно необходима постоянная работоспособность и может оказаться вредной излишняя самостоятельность. Сегодня преобладающей кажется первая точка зрения, вытесняющая господствовавшее в тоталитарном обществе второе представление. Но в России иногда случаются удивительные события.

* * *

Последовательное изучение четырех основных разрядов современной российской политической метафоры (сферы-источники — «Человек», «Социум», «Природа», «Артефакты») позволяет сделать некоторые выводы и обобщения.

Наиболее продуктивными остаются вполне традиционные модели с многовековой историей: физиологическая, морбиальная, зоо-

морфная, фитоморфная и милитарная метафоры, метафоры родства, дома и механизма. Стали уже вполне традиционными для политической речи также метафоры игры, спорта и театра, и даже сексуальная метафора имеет свою историю. Однако в каждый новый период развития страны старые модели наполняются содержанием, соответствующим духу эпохи.

Важные условия развития метафорической модели — это детальная структурированность исходной понятийной сферы и «общеизвестность» этой структуры, принадлежность исходной сферы к ближайшему кругу интересов человека. Именно это обеспечивает сохранение высокой частотности соответствующих образов и продуктивность модели — появление все новых и новых нетривиальных метафорических смыслов.

Наибольшее развитие в последнее десятилетие получили модели (и их отдельные фреймы, слоты) с концептуальными векторами жестокости, агрессивности и соперничества (война, криминал, спорт и др.), отклонения от естественного порядка вещей (болезнь, криминал, сексуальные извращения и др.). Показательно, что подобные же прагматические смыслы оказались наиболее востребованными и у других моделей; это, в частности, характерно для современной зооморфной метафоры, а также для традиционно «неагрессивных» метафор дома и мира растений.

Еще одна группа сильных концептуальных векторов современной российской политической метафоры — это неправдоподобие происходящего, неискренность политиков, излишняя карнавальность находящихся в центре общественного внимания событий, несамостоятельность публичных политиков — наличие каких-то тайных сценаристов, режиссеров и тренеров в политической жизни страны (театральная, игровая и спортивная метафоры).

Необходимо отметить также сохранение и развитие целого ряда традиционных позитивных образов, акцентирующих идею естественности и непрерывности развития жизни, близости и взаимосвязанности человека и природы, наглядно отражающих единство организма, значимость всех его органов, причинно-следственные связи в природе, важность физического и морального здоровья, крепких корней и другие фундаментальные для русского национального соз-

нация ценности. Особенно тесно это связано с концептами «человеческое тело», «дом», «родство», «мир растений».

Выделенные концептуальные векторы отражают реальное самосознание людей, их оценку состояния дел в государстве. Вместе с тем если политики и средства массовой информации концептуализируют современную российскую действительность, используя преимущественно образы войны, преступности, болезни, игры и театра, то это, несомненно, воздействует на общественное самосознание, еще больше усиливая негативную оценку действительности, но одновременно (остается надежда) и увеличивая жажду перемен. Имперское мышление, о котором так много говорили в середине 80-х годов, похоже, уже полностью преодолено, но есть опасность, что маятник излишне отклонился в другом направлении. Пришла пора задуматься о значимости державного самосознания.

Зеркало современных концептуальных метафор отражает типовые социальные представления о жестокости и лицемерии новой эпохи, где человек человеку уже не «друг, товарищ и брат», но заметны признаки того, что общественное сознание уже устало от однообразных образов из военной, криминальной, бестиальной и морбиальной сфер и ждет совершенно новых концептуальных метафор.

Глава 6

Проблемы и перспективы исследования русской политической метафоры

При описании конкретных метафорических моделей в предыдущих главах автор сознательно уходил от рассмотрения ряда теоретических проблем, которые рациональнее проанализировать особо. Для более полного осознания закономерностей метафорической концептуализации современного российского политического дискурса необходимо специально остановиться на проблеме типов метафорических моделей и принципов их систематизации, рассмотреть закономерности развертывания метафорических моделей в контексте, тексте и дискурсе, наметить перспективы дальнейшего исследования русской политической метафоры.

6.1. Проблемы инвентаризации и систематизации метафорических моделей

В настоящей монографии инвентаризация метафорических моделей понимается как стремление максимально полно выявить все модели, реально используемые в современной политической речи. Соответственно систематизация моделей — это выделение тех или иных существенных признаков и классификация моделей по этим признакам.

Внимательный читатель уже обратил внимание на то, что в предыдущих главах проанализированы далеко не все метафорические модели, реально функционирующие в политической речи. На первый взгляд соблазнительно поставить задачу создания полного списка моделей. Ученого, составляющего такой список, казалось бы,

можно сравнить с опытным командиром, который, готовясь к бою, уточняет список личного состава части и проводит инвентаризацию воинского имущества. В лингвистических исследованиях аналогичные задачи уже решались: например, известно точное количество русских фонем, имеются практически полные словари аффиксов, служебных слов; к полноте стремятся составители толковых и многих иных словарей.

К настоящему времени существует несколько вариантов инвентаризации метафорических моделей. Так, еще в монографии Ю. Д. Апресяна [1974] приведен обширный список моделей регулярной многозначности для русских глаголов, имен существительных и прилагательных. Значительное количество моделей глагольной многозначности рассмотрено в монографии А. П. Чудинова [1988]. В исследовании Н. В. Павлович [1995] предпринята попытка выделить и по возможности полно охарактеризовать наиболее типичные для русского языка метафорические формулы (в другой терминологии — метафорические модели), что, по мнению автора, необходимо как для анализа конкретных художественных текстов, так и для постижения закономерностей русского национального менталитета. В связи с этим Н. В. Павлович ставит вопрос: «Может быть, действительно, их не так много, этих традиционных формул? Время — вода, смерть — сон, земля — мать, жизнь — битва и еще, к примеру, десятка два подобных широко употребляемых повсюду образов?» [Там же, с. 55]. Сходную позицию занимает Н. А. Кузьмина, которая считает, что «общее число архетипов, по-видимому, невелико для поэтического языка в целом и, конечно, для каждого его синхронного состояния [1999, с. 297]. Значительно более осторожную позицию занимают А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов, которые указывают на множество сложностей как при определении границ соответствующих моделям понятийных областей, так и при дифференциации конкретных моделей [1994, с. 15].

Представляется, что при решении проблем инвентаризации и классификации метафорических моделей процесс значительно более важен, чем результат. Дело в том, что сначала надо определить жесткие критерии принадлежности к категории «модель», и едва ли какой-либо из возможных перечней таких критериев окажется об-

щепризнанным (вспомним споры о признаках слова как единицы языка). Специалисты хорошо помнят, сколько было оптимизма после первых публикаций по лексико-семантическим группам слов, и вместе с тем хорошо знают, что до настоящего времени отсутствует даже единый и общепринятый список лексико-семантических групп. Выяснилось только, что классификация может проводиться по разным основаниям, что многое при систематизации зависит от задач, материала и теоретических оснований исследования. Однако вместе с тем были обнаружены и важнейшие свойства лексико-семантической системы: ее иерархичность (лексико-семантические подгруппы объединяются в группы, несколько групп составляют подполе, несколько подполей — поле и т. д.), пересекаемость парадигм (одно и то же слово может одновременно относиться к разным группам, одна и та же группа нередко может рассматриваться как составная часть различных полей и т. п.), полевая организация (в составе группы выделяется доминанта, ядро, ближняя и дальняя периферия).

Думается, что перспективы «единой и общепризнанной» классификации (и инвентаризации) метафорических моделей еще менее очевидны, чем перспективы единой классификации лексики, однако такая работа нужна, поскольку позволит выделить хотя бы наиболее частотные и продуктивные модели, а также даст богатый материал для постижения общих закономерностей метафорического моделирования действительности. Однако в настоящей монографии будут рассмотрены только основные направления и выделены некоторые закономерности классификации концептуальных метафор.

Исследуя типичные свойства метафорических моделей, А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов отмечают, что такие единицы способны взаимодействовать друг с другом [1994]. Существующие в человеческом сознании метафорические модели — это своего рода комплекс метафорических полей, свойства которого во многом аналогичны свойствам лексико-семантических полей. Рассмотрим наиболее важные для нашего описания свойства.

1. Иерархическое устройство

В лексико-семантической системе традиционно выделяются иерархически организованные объединения: поля подразделяются на

подполя, внутри этих подполей выделяются лексико-семантические группы, которые в свою очередь членятся на подгруппы, в составе которых могут выделяться отдельные парадигмы и т. п. [Шмелев, 1973; Васильев, 1971; Новиков, 1982; Кузнецова, 1989; Стернин 1985 и др.].

Точно так же рассмотренная в настоящей монографии метафорическая модель с исходной понятийной сферой «дом (строение)» может считаться частью более широкой модели с исходной семантической сферой «населенный пункт (город, деревня и т. п.)», в составе которой выделяются разнообразные названия инфраструктуры (дом, мост, сарай, улица, переулок и т. п.). С другой стороны, в составе модели с исходной понятийной сферой «дом (строение)» может быть выделена своего рода «подмодель» с исходной понятийной сферой «кухня».

2. Пересекаемость метафорических моделей

Исследователи лексико-семантических полей неоднократно отмечали диффузность, взаимопроникновение указанных полей и групп в их составе.

По-видимому, подобными свойствами обладают и метафорические модели. Например, в предыдущей главе в составе метафорической модели **ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ** — это **ДОМ** был выделен фрейм «Части помещения», в составе которого указывалась и «кухня». Между тем метафорическая модель «Политические реалии — это кухня» может рассматриваться и как вполне автономная. В этом случае легко выделяются фреймы «Кухонная утварь», «Приготовление пищи», «Употребление пищи», «Сервировка стола, угощение», «Работники кухни (и люди смежных профессий)» и др. Реальность осмысления русской политической жизни на основе составляющих названные фреймы концептов могут подтвердить следующие метафоры:

- По сравнению с настоящим «Единством» «Единство Урала» и впрямь убого. Его сосотряпали наспех из трех партий (А. Самохина); Начинается борьба за дележ большого финансового пирого (С. Акулов); Властные структуры производят очередное распределение бюджетного пирого, и все нажраться не могут (А. Руцкой); Конечно, уже после вместе разберемся в этой каше, что заварилась сегодня (А. Шашков); Сегодня все общество видит, как делается политика. Вся

кухня на глазах, все приемы, все нюансы (Г. Явлинский); Поварившись в котле местного самоуправления несколько лет, я понял, что нужны кардинальные изменения законодательства (П. Зелютин).

С другой стороны, фреймы рассматриваемой модели можно с полным основанием отнести и к другим понятийным сферам. Например, кухонная утварь и продукты питания — это в основном артефакты, результаты человеческого труда; метафора питания относится к физиологическим, сервировка стола — это трудовая деятельность.

3. Полевая структура метафорической модели

В лексико-семантических объединениях в последние годы обязательно выделяются центр, ядро, ближняя периферия, дальняя периферия [*Стернин*, 1985 и др.]. По-видимому, сходные феномены можно обнаружить и при анализе метафорических моделей.

Например, в метафорической модели «дом (строение)» можно выделить центральный концепт (*дом*), элементы, которые наиболее ярко выражают типичные свойства модели, относятся к ее центру (*фундамент, стены, крыша, коридор, квартира, комната*), а также концепты, которые относятся к периферии исследуемого материала. В частности, уже словоупотребления, метафорически переосмысливающие процесс приготовления пищи, если и относятся к модели «дом (строение)», то только к дальней его периферии (как известно, шашлык, лучше всего получается на костре). В принципе к понятийному полю «дом» можно отнести и кошку с собакой или тараканов. Лишь в определенном смысле домом можно считать шалаш, палатку или землянку, берлогу или гнездо.

4. Фреймово-слотовая организация метафорической модели

Охарактеризованная в предыдущих главах система фреймов и слотов каждой модели отражает имеющийся у автора речевой материал и его интерпретацию, она во многом определяется задачей оптимально представить специфику современной российской политической метафоры, а поэтому не всегда совпадает с тем, что предлагается в предшествующих публикациях. Другой исследователь будет работать с иным материалом, перед ним будут стоять иные задачи, и

он с полным основанием предложит свою интерпретацию. Но это, скорее всего, будет новый взгляд, а не объективная истина. В когнитивной семантике в отличие от структурной лингвистики не ставится задача выработать строгую методику выделения и дифференциации фреймов и слотов в составе модели. В конечном итоге выделение общих закономерностей значительно важнее, чем описание отдельных деталей.

5. Внутренняя организация концепта

Как известно, семная структура слова при ее характеристике разными словарями очень различается, к тому же трудно даже перечислить публикации, авторы которых говорят о недостатках словарных статей и предлагают конкретные варианты «более соответствующего реальности» описания семного состава того или иного слова. Нередко приходится соглашаться с тем, что у каждого исследователя «своя правда», свои основания, и прийти к какой-то единой и тем более «правильной», «объективной» точке зрения невозможно.

Все сказанное в еще большей степени относится к внутренней организации концепта, который имеет свойства гештальта — существующего в индивидуальном или групповом (в том числе национальном) сознании целостного представления с нечеткой внутренней организацией и размытыми границами. При рассмотрении свойств метафорической модели и ее составляющих очень важно учесть ряд принципиальных идей современной когнитивистики.

Как уже говорилось выше, проблема категоризации мира является одной из центральных для указанной науки. В монографии «Женщины, огонь и опасные вещи» Дж. Лакофф называет среди источников своей теории разработанный Л. Витгенштейном для анализа категорий принцип «семейного сходства» и использование Дж. Л. Остином этого принципа при анализе многозначных слов, моделирование Л. Заде градуированных категорий с помощью теории размытых множеств, открытие Р. Брауном категорий базисного уровня и особенно создание Э. Рош теории прототипов и категорий базисного уровня [*Lakoff, 1987; Лакофф, 1995*].

Очевидно, что на такой теоретической основе не может быть и речи об объективном существовании имеющей строгие границы ка-

тегории «метафорическая модель». Существуют модели прототипические и непрототипические; различные модели объединяют не строгие критерии, а принцип семейного сходства; возможно, выделяются модели базисного, «полубазисного» и небазисного уровней; компоненты модели — это «размытое множество», а не официально утвержденный перечень воинских званий или дворянских титулов. И уж если человек осуществляет категоризацию и концептуализацию мира, то к этому миру относятся и сами метафорические модели.

Вместе с тем ничто не мешает выделить хотя бы основные типы метафорических моделей, охарактеризовать хотя бы полярные по своим свойствам модели, разумеется, учитывая при этом наличие не только прототипических единиц, принимая во внимание существование размытых множеств и критерий семейного сходства. В качестве существенных при такой классификации можно было бы выделить следующие оппозиции.

1. Продуктивность модели

Термин «продуктивность» широко используется в словообразовании и теории регулярной многозначности. В последнем случае он означает возможность появления все новых и новых вторичных значений, соответствующих модели. При анализе концептуальной метафоры также можно выделить модели и фреймы с разной степенью продуктивности. Например, наши материалы (см. третий параграф предыдущей главы) показывают, что продуктивность фрейма «Виды животных» во много раз выше продуктивности, казалось бы, аналогичного фрейма «Виды растений». Иначе говоря, метафорически могут употребляться наименования сотен животных (не только «почти родные» для русского сознания *медведь, волк, заяц, лиса, корова, петух*, но и экзотические *бегемот, зебра, шакал, осьминог*), тогда как хорошо знакомые нам виды растений почему-то метафоризируются значительно реже. Продуктивность модели, отдельного фрейма или даже слота может со временем изменяться.

Традиционное разделение «живых» и «мертвых» метафор, «стертых» и «свежих», «традиционных» и «новых», «индивидуально-авторских» образов достаточно ощущается и при анализе конкретных моделей. Базисная метафора, дающая имя модели, обычно

вполне традиционна: «Государство — это дом». Вполне традиционны и многие центральные концепты: у дома-государства обнаруживается фундамент, стены, окна и двери. Вместе с тем при развертывании метафоры появляются нетрадиционные образы: в доме оказываются квартиранты, которые живут без прописки и, возможно, скоро станут бомжами.

2. Частотность модели

При анализе значительного корпуса текстов может быть выявлена частотность той или иной единицы языка — фонемы, морфемы, слова и др. В принципе вполне можно подсчитать и количество соответствующих модели образов в том или ином круге текстов, сопоставить это количество с общим количеством зафиксированных в этом круге текстов метафорических образов и на этой основе определить частотность модели. Например, по подсчетам А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова, в материалах, послуживших основой их «Словаря русских политических метафор», из 9525 метафор на долю метафоры персонификации (иначе говоря, олицетворения) приходится 912 образов (9,58%), на долю понятийной сферы «Война» — 586 образов (6,16%), на долю осмысления абстрактных понятий в виде предметных образов — 265 метафор (2,78%), далее следуют понятийные области «Медицина» — 242 метафоры (2,54%), «Театр» — 227 метафор (2,38%), «Строение» — 227 метафор (2,38%), «Механизм» — 220 метафор (2,31%), «Транспортное средство» — 189 метафор (1,98%). Несколько иной оказывается доля аналогичных групп метафор по данным Ю. Б. Феденевой: «Война» — 10,0%, «Театр» — 1,2%, «Строение» 6,8% (вместе с «Кухней» — 11,8%), «Биологический организм» — 10,3%, «Игра» — 10,2%, «Дорога» — 5,3%, «Стихии» — 7,8%, «Растения» — 4,5%, «Царство животных» — 3,6%.

Различия объясняются иным объемом выборки (5000 метафор), другими темпоральными рамками исследования (это уже не «перестройка», а начало ельцинского периода), а главное — несколько иной классификацией моделей. Однако для нас в данном случае важны не количественные детали, а совпадения, то есть выделение среди наиболее частотных целого ряда одних и тех же моделей. Это обстоятельство свидетельствует о том, что разграничение высоко-

частотных, среднечастотных и малочастотных моделей вполне возможно, что частотность модели в тот или иной период — это ее достаточно важное свойство, хотя детальные подсчеты — вещь довольно условная, здесь слишком многое зависит от того, что считать и как считать.

3. Доминантность модели

Термин «доминанта (доминантный признак)» использовался в отечественной филологии и психологии еще в 20-х годах прошедшего века (Л. С. Выготский, В. Б. Шкловский, Р. Якобсон, Б. М. Эйхенбаум, Б. В. Томашевский и др.). Сейчас его применяют для обозначения наиболее ярких, имеющих особую эстетическую значимость компонентов художественного текста (Г. А. Авдеева, Л. Г. Бабенко, В. П. Белянин, Г. А. Золотова, В. А. Кухаренко, Л. А. Новиков и др.).

Представляется, что названный термин в теории метафорического моделирования может быть использован для обозначения наиболее ярких, максимально отражающих специфику соответствующего исторического этапа моделей. Возможно, этот термин целесообразен и для характеристики отдельных фреймов, слотов и иных компонентов той или иной (необязательно доминантной) модели.

Следует подчеркнуть различия между обозначениями «продуктивная модель», «частотная модель» и «доминантная модель». Степень продуктивности модели — это потенциал ее развертывания в тексте на основе использования все новых и новых фреймов и слотов, все новых и новых лексических единиц. На каких-то этапах развития языка и общества потенциал развертывания модели может быть востребован в большей или меньшей степени, а сама она быть более или менее частотной.

Доминантной следует считать модель, потенциал развертывания и частотность использования которой на данном этапе развития общества и языка значительно увеличиваются, что, конечно, привлекает внимание как специалистов, так и просто внимательных людей с хорошим лингвистическим чутьем. Вполне возможно, что признаки доминантной в какой-то период может иметь и относительно малопродуктивная модель (при условии относительного роста ее продуктивности и частотности). Например, рассмотренная в предыдущих

главах сексуальная метафора вовсе не стала высокочастотной и продуктивной, но поскольку раньше ее в официальной речи практически не было, то даже небольшие изменения привлекают внимание.

Доминантная модель отражает характерные для политического дискурса соответствующей эпохи концептуальные векторы, ее исходная понятийная сфера (сфера-донор, сфера-источник), как и ее сфера-мишень (сфера метафорического притяжения), привлекают особое внимание общества, что на подсознательном уровне проявляется при создании метафорического образа.

Вполне возможно, что в какой-то мере выбор этих сфер определяется и модой, тем, что В. Г. Костомаров [1999] называет «языковым вкусом эпохи». Не будем также забывать и о том, что В. Г. Костомаров называет извечной борьбой экспрессии и стандарта в публицистической (а также в политической) речи: новая яркая экспрессивная метафора (и метафорическая модель или какой-то ее компонент) быстро становится образцом для подражания, в результате чего она превращается в лишенный экспрессии штамп. Еще через некоторое время все большее количество людей, стремясь сделать свою речь более выразительной, отказывается от использования этого штампа.

Известно также, что в России особое значение имеют идиостили политической элиты — руководителей государства, духовных лидеров, авторитетных общественных деятелей. Подобные идиостили нередко оказывают влияние на динамику дискурса. Приход к управлению страной (правительством, крупной общественной организацией и т. п.) нового лидера, появление новых значительных идейных течений, новых «властелинов дум» обычно приводит к большему или меньшему изменению политического языка, в том числе и политической метафоры.

4. Эмотивная окраска модели

В отечественной лингвистике последних лет активно изучаются проблемы эмотивности слова, подчеркивается повышенный по сравнению с прямым наименованием потенциал метафоры (Л. А. Новиков, Г. Н. Складаревская, В. Н. Телия и др.), отмечается оценочность как характерное свойство политической лексики (О. И. Воробьева,

Е. И. Шейгал и др.). Представленные в предшествующих главах наблюдения показывают, что эмотивность может быть свойством не только отдельного слова, но и модели. Эмотивная окраска модели может быть яркой и слабой, она может определять эмотивность практически всех соответствующих модели метафор или только значительной их части. Примером модели с яркой эмотивной окраской, распространяющейся на все фреймы, может служить криминальная метафора. Любая реалія, номинированная с использованием подобной метафоры, оценивается негативно: хорошего человека не назовут *бандитом*, но мало приятно быть и *лохом*, негативная оценка содержится и в метафоре *пахан*, и в метафоре *шестерка*, негативный потенциал несут метафоры всех фреймов рассматриваемой сферы: *охранник*, *пайка*, *зона*, *разводить*, *мафиозная семья* и т. п.

С другой стороны, нами было показано, что зооморфные образы в политической метафоре чаще всего имеют негативную окраску (*козел*, *хвост*, *телиться*, *акула*, *пиявка* и др.), но сказанное, разумеется, не относится к таким метафорам, как *голубь*, *сокол*, *орел*, *кит*. Преимущественно позитивный эмоциональный потенциал имеют фитоморфные образы и метафоры из понятийной сферы «Дом».

В целом исследование закономерностей метафорического моделирования показывает, что такой сложный феномен не может быть представлен только в одной системе противопоставлений. Поэтому классификация должна быть многомерной, учитывать и понятийную сферу-источник метафорической экспансии (основная рубрикация), и сферу метафорического притяжения, и продуктивность модели, и ее частотность, и эмотивную окраску, и возможность отнесения модели к числу доминантных. Не всегда можно однозначно охарактеризовать все признаки той или иной конкретной модели, но полярные явления не вызывают каких-либо сомнений.

6.2. Политическая метафора в контексте, тексте и дискурсе

Всякая метафора «живет» не сама по себе, а в определенном контексте, тексте, дискурсе. Метафора может быть правильно понята адресатом только в том случае, если он учитывает по меньшей мере контекст, в котором она реализуется. Например, в изолированном

виде слово *медведь* воспринимается исключительно как наименование животного, но уже минимальный (в пределах предложения или словосочетания) контекст способен сигнализировать, что в данном случае указанное слово использовано метафорически. Ср.:

- Только ленивый заграничный журналист-международник не пинал русского медведя за Чечню (Е. Деева).

Образное обозначение России словом *медведь* (или словосочетанием *русский медведь*) достаточно традиционно, и контекст рассматриваемого предложения вполне достаточен для того, чтобы понять смысл метафоры.

Вместе с тем в некоторых случаях для полного понимания актуального смысла и ассоциативного потенциала политической метафоры необходимо учитывать не только ближайший контекст, но и текст в целом, а также специфику политического дискурса на соответствующем этапе развития общества.

Например, совершенно очевидно, что даже прекрасно владеющий русским языком эмигрант, не следящий за политической жизнью России последних лет, едва ли в полной мере поймет следующие фразы из публикаций 2000 года:

- Чернецкий как-то, смущенно улыбаясь, признался, что он «мишек любит». Ну, вправду, кто из нас не любит мишек? Особенно политических (Е. Бокрина); Нужно жить, как пчелы: не будут они защищать свои ульи от всяких там медведей — погибнут (Ю. Лужков); Неизвестно, задумывался ли главный медведь о том, что медвежья услуга — это услуга, оказываемая не столько медведем, сколько самому медведю (В. Николаев); Душа такого политика не умирает, а превращается во что-то новое. Например, в медведя (Е. Бокрина); Можно «омедведить» Россию, но тогда нужно поставить крест на демократии (А. Исаев).

Чтобы в полной мере оценить смысл рассматриваемых метафор, нужны «фоновые знания», по крайней мере необходимо учитывать, что образованное в 1999 году и поддерживающее Президента В. В. Путина «Межрегиональное движение «Единство» обозначается аббревиатурой *Медведь* (по двум первым буквам каждого элемента полного наименования). На основе этой аббревиатуры быстро получил развитие соответствующий вариант вполне традиционной метафо-

рической модели, а поэтому в современной российской политической речи *любить политических мишек* — значит поддерживать правящую партию, *защищаться от медведей* — это вести борьбу с указанной партией, *превратиться в медведя* — стать активистом партии власти, а *главным медведем* — это в зависимости от ситуации официальный лидер межрегионального движения «Единство» С. Шойгу или же нынешний Президент страны В. В. Путин. Мы понимаем метафору лишь тогда, когда понимаем ситуацию, о которой идет речь.

Основная задача настоящего параграфа — это рассмотрение закономерностей реализации политической метафоры сначала в пределах минимального лексико-грамматического контекста (обычно в пределах предложения), затем — в пределах целого текста (чаще всего газетной или журнальной статьи), далее — в пределах дискурса того или иного значительного политического события (референдум, «путч», попытки начать процедуру импичмента, парламентские и президентские выборы) и, наконец, в пределах рассматриваемого десятилетия («ельцинского периода») в целом. В перспективе не менее интересным было бы изучение закономерностей реализации метафорической модели в пределах единства, которое Н. А. Купина [1995] характеризует как сверхтекст (например, на материале всех номеров газеты за время избирательной кампании или даже на материале различных газет, отражающих сходные политические взгляды).

6.2.1. Политическая метафора и контекст

В устной речи хорошо владеющие голосом журналисты и политики нередко подчеркивают особенности метафорического значения слова при помощи интонации, которая привлекает внимание слушающих к соответствующей модификации семантики: с этой целью может использоваться повышение силы голоса, замедление темпа, увеличение пауз и т. п. При передаче таких высказываний в письменной форме их правильное понимание «возможно только тогда, когда читающий определил ту интонацию, которая скрыта в написанном предложении» [Минеева, 1986, с. 7].

Специфический характер интонации в ситуации письменного оформления устных выступлений может передаваться вербально (например, сообщается, что выступающий «подчеркнул» какое-то

слово, произнес его выразительно, выделил паузами и др.). В некоторых случаях особенности интонации изображаются специальными графическими средствами: при помощи кавычек, разрядки, курсива, прописных букв. Эти же графические средства используются для подчеркивания специфики метафорической семантики в текстах, которые изначально были созданы как письменные (именно такие тексты составили основной материал настоящего исследования). Рассмотрим несколько примеров графического выделения метафор в современной агитационно-политической речи:

- Невозможно выкорчевать баоБАБ, не подрубив его корней. Именно в корнях сосредоточена его волшебная сила. До тех пор пока эти корни не вырваны, баоБАБы будут жить и дальше (А. Хинштейн); «Яблочные» депутаты и депутаты-болдыревцы постоянно срывали кворум (Б. Пипия).

В первом контексте выделение при помощи прописных букв части слова *баоБАБ* свидетельствует о том, что имеется в виду Борис Абрамович Березовский, который в современных средствах массовой информации нередко обозначается как *БАБ* (по первым буквам имени, отчества и фамилии) или *Береза* (на основе усечения или актуализации «внутренней формы» фамилии). Во втором случае кавычки при слове *яблочные* указывают, что это прилагательное должно восприниматься как производное от названия партии «Яблоко», которое в свою очередь, как известно, было образовано на основе аббревиатуры с использованием начальных букв из фамилий «изначальных» лидеров партии (Г. Явлинского, Ю. Болдырева и В. Лукина). Рассматривая функции подобных кавычек, Б. А. Успенский отмечает, что они используются как указание на использование слова «в каком-то другом (чужом, метафорическом) смысле, нежели буквальный или общепринятый, причем не указывается, в каком именно» [Успенский, 1967, с. 103]. Как подчеркивает Б. С. Шварцкопф, подобные кавычки относятся к числу факультативных [1997, с. 375].

Можно было бы предположить, что графически выделяются прежде всего слова, метафорическое значение которых не поддерживается ближайшим лексико-грамматическим контекстом, однако в действительности подобная особенность наблюдается далеко не всегда. Ср.:

- Березовский вез в Москву «бомбу». Но она так и не взорвалась (О. Вандышева); Письмо Путина и последующие указы — это начало процесса «укрощения» регионов (К. Толкачев); Наши «стада» под голубыми профсоюзными знаменами смиренно просят прибавки жалованья и пенсии (Е. Сергиевская).

В первом предложении ближайший контекст не в состоянии показать, какую *бомбу* (тротилловую, ядерную или информационную) вез в столицу медиа-магнат. Возможно, именно с этим и связано графическое выделение указанного слова, хотя едва ли не любой политически грамотный читатель поймет, что Борис Абрамович не склонен к банальному терроризму. Во втором тексте зависимый компонент (словоформа *регионов*) прямо свидетельствует, что речь идет именно о политическом «укрощении», то есть об усилении влияния центральной власти, а не об укрощении диких животных. Отчетливые (хотя и более сложные) контекстуальные сигналы метафоричности легко найти и в третьем предложении.

Во многих случаях, помимо графического выделения, которое «сигнализирует» об особом характере актуального смысла слова, в контексте имеется «разъяснение», конкретизация метафорического смысла. Ср.:

- Медиа-холдинг активно развивается, «обрастает жирком». Так, летом этого года закончится строительство нового студийного комплекса (О. Круглов).

Постпозитивный контекст показывает, что метафору *обрастать жирком* в данном случае следует понимать как приобретение разнообразного имущества, укрепление материального благосостояния компании.

Необходимо отметить, что графическое выделение политической метафоры встречается относительно редко: в большинстве случаев такое выделение отсутствует, поскольку авторы, видимо, считают, что для правильного понимания смысла вполне достаточно лексико-грамматического контекста. Ср.:

- Ударная роль отводится слухам, мобилизованным на службу политике (А. Плутник); Голосование по СНВ-2 разоружит коммунистов (Ю. Чернега); Бывшие реформаторы и олигархи надеются на реабилитацию за прежние ошибки (С. Караганов); Одна из самых опасных болезней

России сегодня — разболтанный, дорогостоящий, неэффективный, коррумпированный бюрократический аппарат (Е. Савостьянов).

Эти и многие другие примеры свидетельствуют, что, как правило, графически не выделяется метафорическое словоупотребление при его соответствии широко распространенным моделям. Наблюдая за описанной В. Г. Костомаровым извечной для публицистики диалектикой «экспрессии» и «стандарта», можно предположить, что графическое выделение — это своего рода показатель относительной «свежести», экспрессивности метафоры, ее неполного превращения в штамп.

Выразительность политической метафоры в контексте часто усиливается использованием разнообразных стилистических (риторических) фигур и тропов. Среди наиболее частотных можно назвать следующие приемы.

1. Развертывание метафорического образа, при котором по одной и той же модели метафорически используются все новые и новые слова из сходной понятийной сферы. Ср.:

- Отстранение от эфира С. Доренко стало потрясением для отечественной телеаудитории. Однако, лишившись любимой «мыльной оперы», зрители получили взамен дивное пропагандистское шоу в исполнении того же лицедея (М. Рязанцев); То, что у ряда юношей сильно затянулся пубертатный период, могло бы быть их личной драмой, но когда они претендуют на роль политической силы, это начинает делать-ся национальной трагикомедией (М. Соколов).

В первом контексте взаимодействуют «театральные» образы: *мыльная опера*, *шоу* и *лицедей*, а во втором — относящиеся к этой же понятийной сфере слова *драма* и *трагикомедия*.

2. Использование метафоры, совпадающей по форме с фразеологическим оборотом. Ср.:

- Все правильно, медвежья болезнь пройдет, русский народ отходчив (Г. Вохмянинов).

В данном случае в контексте сопоставляется семантика широко известного фразеологизма *медвежья болезнь* (страх) и свободного метафорического словосочетания, обозначающего повышенную популярность у избирателей политического движения под названием «Медведь».

3. Включение в контекст своего рода разъяснения внутренней формы неузуального слова, являющегося омонимом узуального слова, которое (если бы не было данного разъяснения) могло бы быть воспринято как метафора. Ср.:

- Возможно ли противостояние между «медведем» и «овсянкой», как окрестили московские политики движение «Отечество — вся Россия» (Б. Немцов).

4. Сопоставление прямого и метафорического значения слова. Ср.:

- Лицо у партии будет, наверное, такое же, как у докладчика. Бесстрастное, как у десятков участников пленума (П. Каледин).

Подобные примеры показывают, что для прояснения смысла политической метафоры, как правило, вполне достаточно уже ближайшего контекста.

6.2.2. Политическая метафора в тексте

В настоящем исследовании текст понимается как «функционально завершенное речевое целое» (А. А. Леонтьев). В нашем случае это чаще всего отдельная газетная или журнальная статья (заметка, репортаж и т. п.). С точки зрения объема текста названные жанры относятся к числу средних, что создает богатые возможности для использования разнообразных риторических фигур, основанных на потенциале метафоры. Относительно небольшой объем рассматриваемых текстов (по сравнению, например, с книгой политических мемуаров) способствует целостному восприятию системы содержащихся в них метафор. С другой стороны, если сравнивать их с объемом лозунга или афоризма, то размеры газетной статьи достаточно велики для того, чтобы иметь возможность развернуть в тексте целую систему метафор, использовать все возможности для взаимодействия метафор с разнообразными риторическими фигурами.

При восприятии концептуальной метафоры в конкретном тексте очень значима пресуппозиция — некий общий для адресата и адресанта фонд знаний, который создает объединяющий коммуникативный тезаурус, обеспечивающий адекватное кодирование и восприятие информации. Общий социальный опыт коммуникантов может быть представлен как своего рода ситуационные модели, в которых

заключается «аккумуляция предшествующего биографически детерминированного опыта, полученного в сходных ситуациях» [Дейк, 1989, с. 46].

С точки зрения роли концептуальной метафоры в построении текста можно выделить по меньшей мере два полярных варианта.

В первом случае в тексте происходит многоаспектное развертывание одной модели, которая приобретает функцию метафорической доминанты и лишь эпизодически взаимодействует со смежными или даже оппозитивными моделями. Особое впечатление производят случаи, когда выбор такой доминанты мотивирован, то есть связан темой публикации, профессией автора, сферой его общественных интересов, увлечением, с каким-то ярким событием и т. п.

В качестве примера рассмотрим текст интервью журналиста Андрея Баранова со всемирно известным скульптором Эрнстом Неизвестным (Комсомольская правда. 2000. 2 дек.). Основная тема интервью — впечатления от недавней беседы Эрнста Неизвестного с Президентом России В. В. Путиным. Метафорично уже само заглавие интервью — «Путин может ударить посильнее Рембо. Потому что у него очень развиты “мышцы резкости”, как это бывает у кузнецов». Заранее предполагается, что адресат текста владеет необходимой дискурсивной информацией и едва ли воспримет заголовок как настраивающий исключительно на рассказ о физической силе героя, однако и в этом случае заглавие создает возможности для развития нескольких метафорических моделей.

Элементарный психолингвистический эксперимент обнаружит здесь значительный ассоциативный потенциал агрессивности: герой американских боевиков Рембо отличается, помимо несомненного обаяния и решительности, именно силой и агрессивностью, и «ударить посильнее» его дано очень немногим; силе удара, несомненно, способствуют развитые «мышцы резкости» (такое наблюдение мог сделать именно скульптор), которые бывают у кузнецов — людей большой физической силы. Стандартный вариант развертывания этого образа в политической метафоре очевиден: физическая сила образно преобразуется в политическую силу, несущую с собой мощь и уверенность.

Другой заложенный в заглавии ассоциативный потенциал связан со способностью героя к характерному для кузнецов тяжелому дли-

тельному физическому труду, для которого тоже очень необходимы бросившиеся в глаза скульптору тренированные «мышцы резкости». Типовой вариант метафорического развертывания этого образа в политической речи — это способность к долгой трудной интеллектуальной работе.

Особо отметим проявление в тексте личностных качеств говорящего: гениальному скульптору (в отличие от большинства обычных людей) особенно важными показались развитые «мышцы резкости». Эти мышцы дают человеку не эффектную внешность культуриста или силу способного стать олимпийским чемпионом штангиста, а способность к точным, осмысленным и в то же время очень сильным ударам.

Проследим, как развертывается в тексте интервью обозначенная в заглавии метафорическая модель с исходной понятийной областью «Физиология» и понятийной сферой-мишенью «Политика». Комментарий автора монографии приводится ниже в скобках. Регулярные метафоры выделяются шрифтом.

- — Эрнст Иосифович, какой вы увидели Россию в этот приезд?
— Подобно тому, как для ОРГАНИЗМА ЕСТЕСТВЕНЕН ВДОХ И ВЫДОХ, так и развивающемуся обществу присуща смена политических тенденций. Есть период, когда СЖАТИЕ становится иррациональным и не дает свободно развиваться ОРГАНИЗМУ — БИОЛОГИЧЕСКОМУ, ПОЛИТИЧЕСКОМУ, ТВОРЧЕСКОМУ. Тогда СЛЕДУЕТ ВЫДОХ, и преобладающими становятся ЦЕНТРОБЕЖНЫЕ СИЛЫ. Но это не может длиться вечно. Приходит время, и снова требуется ВДОХ. Думаю, что сегодня этот момент настал, то есть для страны гораздо нужнее силы ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНЫЕ. Попросту говоря — нужен порядок.

(Отметим, что скульптор активно использует физиологические образы для характеристики политического состояния России. Профессиональная наблюдательность подсказывает ему образ Человека, сделавшего глубокий вдох (готовящегося к решительным действиям) и в то же время понимающего, что за вдохом должен последовать выдох, период расслабления.)

- — Нам опять придется «ЗАДЕРЖИВАТЬ ДЫХАНИЕ» и надеяться, что КИСЛОРОД НЕ ПЕРЕКРОЮТ СОВСЕМ?

(Журналист развивает предложенную собеседником метафору.)

- — Понятие «порядок» каждый понимает по-своему. Большинство людей моего поколения обладают АТАВИСТИЧЕСКОЙ памятью о политических репрессиях. И стоит заговорить о порядке, как в сознании сразу возникают образы Сталина, Гитлера... Но ведь абсолютно сильная власть была и у Аденауэра, и у де Голля. И это не противоречило свободам совести, слова, передвижения.

(Скульптор приостанавливает развертывание физиологической метафоры. Переход к новой теме способен предопределить и смену метафорической модели. Поднятая проблема сильной власти традиционно реализуется при помощи метафорических моделей с исходными понятийными сферами «Верх / низ» и «Техника».)

- — Значит, Путина можно сравнить с де Голлем?
— Пока преждевременно. Для этого ГОСУДАРСТВЕННАЯ МАШИНА должна, наконец, НАЧАТЬ ФУНКЦИОНИРОВАТЬ. Моя жизнь прошла в основном при тоталитарном режиме. Но, будучи не согласным с его идеологической природой, я знал, что ПРИКАЗ СВЕРХУ всегда выполнялся, он ПРОНИЗЫВАЛ все общество. В КИБЕРНЕТИКЕ это называют ПРЯМАЯ СВЯЗЬ. Другое дело, что была нарушена ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ: ИНФОРМАЦИЯ, ПОСТУПАЮЩАЯ НАВЕРХ, была ИСКАЖЕНА. Поэтому я бы хотел, чтобы была и ПРЯМАЯ СВЯЗЬ, чтобы и ПРИКАЗЫ выполнялись, и чтобы четко работала СВЯЗЬ ОБРАТНАЯ, которую обеспечивает свободная пресса, многопартийная система.

(Традиционный образ механизма, машины, который на определенных этапах технического развития общества реализовался как паровой двигатель, арифмометр, телеграф, в новых условиях развертывается в терминах информатики и компьютерной техники.)

- — Как вам показалось, хватит у Путина воли и сил, чтобы «ЗАПУСТИТЬ» ГОСМАШИНУ НА ПОЛНЫЙ ХОД?
— Личное ощущение у меня неплохое. Понравилась, во-первых, быстрота РЕАКЦИИ, все СХВАТЫВАЕТ НА ЛЕТУ, ему не надо РАЗЖЕВЫВАТЬ проблемы... Я очень наблюдательный человек. И чтобы меня обмануть, надо быть по меньшей мере Качаловым. <...> И еще мне было очень интересно понаблюдать за его движениями, мимикой, жестами.

(Журналист продолжает развертывание технической метафоры, но скульптор возвращается к физиологическим образам.)

- — Почему?

— Для скульптора это очень важно. Я изучал бионику, теорию Клейста о психологическом движении тела. По тому, как человек держит себя, можно судить о его характере и деловых качествах.

(Скульптор объясняет журналисту значимость своих профессиональных наблюдений и вместе с тем особую роль используемых физиологических образов для осознания личности президента. Метафора всякого талантливого человека — это его интуитивные выводы о сущности характеризуемого объекта, его способ концептуализации мира. Физиологическая и пространственная метафоры скульптора не менее важны для понимания личности человека, чем лингвистическое исследование его речи или медицинские анализы.)

- — Что же выявил ваш профессиональный взгляд?

— То, что у Путина МОТОРНАЯ, АДЕКВАТНАЯ, БЫСТРАЯ РЕАКЦИЯ на происходящее. По СТЕНИЧЕСКОМУ ТИПУ он напоминает мне о фото революционной поры — СУХОЩАВОГО ЧЕЛОВЕКА, С РЕШИТЕЛЬНЫМ ЛИЦОМ И С «ДЛИННОЙ» МЫШЦЕЙ. Знаете, как это часто бывает у КУЗНЕЦОВ — НЕ ОКОВАЛКИ НАКАЧАННЫХ БИЦЕПСОВ, а СИЛЬНЫЕ ЖИЛИСТЫЕ РУКИ. Такой человек МОЖЕТ УДАРИТЬ ПОСИЛЬНЕЕ, чем РЕМБО. Именно эти люди — наиболее РИСКОВЫЕ, ПОДВИЖНЫЕ. Они всюду ЛЕЗУТ ПЕРВЫМИ. Но при этом Путин — сугубый прагматик.

(Подробная характеристика физиологического типа переходит в характеристику личностных качеств. Метафорический образ становится многоплановым, и уже не вполне ясно, насколько разделяются, например, во фразе «Такой может ударить посильнее, чем Рембо» физиологическая характеристика, бытовой портрет и качества политического деятеля.)

- — Вы полагаете, это то, что нужно сейчас России?

- — Я думаю, да. Необходим рациональный ХОЛОДНЫЙ разум. И смотрите, какое совпадение — он ПЕТЕРБУРЖЕЦ. Сейчас РОССИЙСКОМУ лидеру в меньшей степени требуется УРАЛЬСКИЙ РАЗМАХ, ЮЖНОЕ НЕИСТОВСТВО или МОСКОВСКОЕ БАЛАГУРСТВО. Нужны корректность, воспитанность. И это свойственно петербуржцам.

(Образное обозначение свойств характера через указание на географический регион, где человек родился и вырос, широко распро-

страненный в политической речи прием. Современная наука еще не в полной мере раскрыла причины такой корреляции, но она обычно воспринимается как достаточно сильный аргумент: в отечественном национальном сознании отчетливо зафиксированы прототипические (по терминологии Э. Рош) психофизиологические свойства москвичей, петербуржцев, уральцев, сибиряков, жителей Поволжья и центральных областей, выходцев с Севера и Юга России.)

- — Некоторые ваши коллеги приняли предложение Березовского создать «интеллектуальную оппозицию» власти. Кстати, к вам он ведь тоже обращался?

— Сам он со мной не говорил, поскольку достаточно умен, чтобы понять бессмысленность такой попытки. Но его люди действительно звонили. Я отказался. Человек я сугубо беспартийный и не хочу отвлекаться на политику, в которой разбираюсь слабо. Другой вопрос — нужна ли вообще оппозиция? Думаю, да. Иначе власть станет ДРЯБЛОЙ.

(Скульптор вновь возвращается к физиологической метафоре: «мышцы резкости» не должны становиться дряблыми.)

Далее беседа переходит на вопрос о взаимоотношениях Эрнста Неизвестного с коллегами, на сугубо творческие проблемы, а поэтому изменяются и используемые метафорические образы, текст утрачивает признаки политического.

Наш материал позволяет выделить доминантную метафорическую модель рассматриваемого текста (сферу политики структурирует психофизиологическая метафора), а также активные в данном тексте метафорические модели с исходными понятийными сферами «Техника», «Верх / низ», «Региональные корни». Отметим также личностные и профессиональные истоки метафорического строя речи Эрнста Неизвестного: наблюдательность скульптора, возможно, позволила ему открыть и метафорически обозначить какие-то новые черты в психофизическом и политическом портрете политика. Приятное впечатление оставляют корректность образов, отсутствие агрессивности, аргументированность и взвешенность суждений, оптимизм и красивая русская речь.

Совершенно иной характер имеют многообразные метафорические образы, пронизывающие «Пролог-предвидение» из публицистической

книги В. В. Жириновского «Последний вагон на Север» (1995).

Как и в предшествующем тексте, метафорично само название: отправляющийся поезд — это традиционная для отечественной политической речи метафора пути, исторических судеб России. Поезд направляется на Север — в края, куда по русской традиции уже давно ссылают уголовных преступников и политических неудачников. Замаскированные под багажные, последние вагоны едва ли не всякого поезда предназначены в России для перевозки заключенных.

- Холодная октябрьская ночь... Ярославский вокзал почти безлюден. Темно, идет тяжелый серый снег. Хриплый гудок тепловоза — это отправляется поезд «Москва — Анадырь». Старые товарные вагоны, жалобно скрипя ржавыми колесами, начинают движение. Несколько минут — и состав скрывается в снежном тумане. На перроне не остается провожающих — никто не захотел прийти проститься с пассажирами. Кто же они, эти ночные путешественники? Перенесемся мысленно туда, в последний вагон.

(В самом начале текста используется традиционный прием психологического параллелизма: уже сама природа навеивает тяжелые предчувствия, создает ощущение мрачности, тревоги, неизбежности. Одновременно присутствует хорошо известный в риторике прием «Интригующее начало»: читатели невольно теряются в догадках, им хочется побыстрее уловить логику автора и узнать, кто же окажется среди пассажиров последнего вагона этого поезда. Но автор не спешит раскрыть истину.)

- Что за человек на нарах, сразу у двери? Его и не узнать в свете оконных огней. Присмотритесь — это пятнистый реформатор Михаил Сергеевич, сумевший так «начать» и «углубить», что мать-Россия до сих пор лежит ничком. Этот нобелевский тракторист, политический Чикатило сумел изнасиловать великую страну. Снятся ли ему кровавые мальчики Сумгаита, Тбилиси, Вильнюса? Где сейчас его велеречивая супруга, Суслов в женской юбке? Жалеет ли он, что не смог взять с собой миллиарды, полученные за объединение Германии? Не хотелось ли, как Иуде, повеситься на дереве после предательства партии, взрастившей на своей груди змею? Молчит Михаил Сергеевич.

(После издевательской характеристики внешности и речи персо-

нажа следует целый фонтан разнообразных аллюзий и метафор с сильными концептуальными векторами агрессивности. Для характеристики политической деятельности используются криминальная метафора (*политический Чикатило; сумел изнасиловать великую страну; миллиарды, полученные за объединение Германии*), милитарная метафора (*кровавые мальчики Сумгаита, Тбилиси, Вильнюса*), библейские образы *повесившегося предателя* и *вращенной на груди змеи*, не одобряемые обществом гендерные метафоры (*Суслов в женской юбке*) и гнусный образ человека, погубившего Родину-мать. По сходной схеме построено описание и следующих героев.)

- А кто это сопит на верхних нарах? Это «великий идеолог» Александр Николаевич Яковлев. К кому еще, как не к нему, применимо грубоватое народное выражение — «Говно не тонет!» Штамповал идеологические клише для Брежнева, потом, слегка перелатав, снабжал ими Горбачева, ну а закончил карьеру при Ельцине — телевизионным «крестным отцом».

Ну, а что за человечество занял своим животом целое купе? По знакомому пороссячьему чмоканию узнаем бредуна-экономиста Егорушку Гайдара. О чем бормочет во сне этот страшный круглолицый мальчик? Верил ли он хотя бы на мгновение в свою болтовню? Если верил, то когда: работая в журнале «Коммунист» или в октябре 1993 года, призывая полусонных москвичей раздавить «красно-коричневую» гадину?

Сидит Плохиш, жрет и радуется. Бедный дедушка Аркадий, не со своего ли будущего внука писал ты портрет жирного предателя, продавшего Родину за «банку варенья да коробку печенья». Сколько этот Плохиш украл у народа? У кого две, у кого пять тысяч. Копили люди, надеялись — есть кой-какие сбережения. Ан нет! Пришел Егор-Буржуин и все отобрал. Не будет вам ни мебели, ни машины, ни квартиры. Пусть хоть все сгниет, главное — экономические эксперименты.

(Начав с издевательского описания внешности своих политических оппонентов, В. В. Жириновский использует множество снижающих метафорических образов. Это бестиальная метафора (*пороссячье чмокание, красно-коричневая гадина*), криминальная метафора (*украл у народа, крестный отец*), образы психически больного человека, предавшего свои прежние идеалы и презревшего традиции семьи,

литературные аллюзии, чрезвычайно грубые простонародные сравнения. По аналогичной модели дается характеристика и очередной группе политических противников автора.)

- В следующем купе народу как сельдей в бочке — персонажи без имен — с воровскими кличками «Шахрай», «Чубайс», «Бурбулис». Один, шевеля таракаными усами, привел Закавказье к кровавой пропасти, второй, рыжий шулер, чуть не продал Петропавловскую крепость, а затем долго дурил народ цветными бумажками-ваучерами, пытаясь поскорее продать страну таким же иностранным плутам, третий, в прошлом преподаватель научного коммунизма, всю жизнь, оказывается, был диссидентом и, как только ему позволили, принялся верещать о пользе демократии для здоровья. Тут же пучеглазый Андрей Козырев — самый иностранный из всех министров. Бьюсь об заклад, по сравнению с ним Джеймс Бейкер — просто слабак, ведь для процветания Америки и разорения России Андрейка сделал несоизмеримо больше своего заокеанского приятеля.

(В. Жириновский продолжает характеристику своих оппонентов по немного измененной схеме: он начинает с некорректных аллюзий, связанных с фамилиями своих врагов, но далее опять издевается над внешностью политиков, над прежней деятельностью героев, активно использует криминальную, милитарную и бестиальную метафоры, эмотивные потенции лексики, сильные инвективы, разнообразные риторические фигуры и тропы.)

- Страшно двигаться по вагону — чем дальше, тем больше чудовищ. Сатанист Якунин в черном маскхалате, сиамские близнецы Немцов и Явлинский, ведьмы Боннер и Гербер, неугомонные жабы Старовойтова и Новодворская, денежный мешок Гаврила Попов, псевдогенералы, бородастые проповедники, парижские беллетристы-гомосексуалисты, юмористы-проститутки и картавые журналисты. Паноптикум! Видение Иеронима Босха. Кто сидит в последнем купе — не видно, темно, да и сил уже нет смотреть. Сгинь, сгинь, нечистый.

(В этом абзаце оскорбляются — с использованием метафор — национальные и религиозные чувства людей: православный священник называется *сатанистом*, а ряса — *маскхалатом*; издевательски использована метафора родства, известные политики называются *жабами* и *чудовищами*, имеются крайне грубая сексуальная метафо-

ра и инвективы. Далее тема несколько изменяется, что предопределяет и другой метафорический ряд.)

- А что за окном? Поля, леса, города, деревни — Россия! Как же так, мать-Россия, как же допустила ты, что эти ироды управляли тобой, морили тебя голодом, разоряли и насиловали? Федор Михайлович! Разве ж в твоё время были «бесы»? То были бесенята. Бесы — вот они, в этом вагоне. В Последнем Вагоне на Север.

(Издевательская метафорическая характеристика российской политической элиты и её действий завершается обращением к Родине-матери (метафора родства) с использованием литературных и религиозных аллюзий, риторических вопросов и иных средств контекстуальной поддержки метафорических образов.)

Возможно, подобные произведения не заслуживают внимания специалистов, и автору монографии следовало бы подобрать более приличный текст. С этим вполне можно было бы согласиться, если бы приведенные выше строки не были написаны главой одной из крупнейших политических партий России, лидером парламентской фракции, от голосов которой часто зависели судьбоносные для страны решения (утверждение бюджета и кандидатуры главы правительства, возбуждение процедуры импичмента и т. п.). Если бы за эту партию не голосовали миллионы избирателей, а сторонники ее не собирались на многотысячные митинги. Едва ли имеет смысл прятать голову под крыло и забывать, что Либерально-демократическая партия — это важная составная часть политической системы России конца XX века. К тому же среди лидеров и публицистов других политических движений можно найти немало риториков, почти не уступающих Владимиру Вольфовичу в мастерстве использования инвективных метафор и иных приемов, вызывающих осуждение строгих критиков и восторженную оценку толпы.

Яркие политические лозунги, павлинья цветастость метафор привлекают значительное число избирателей. Основные черты метафорического стиля В. В. Жириновского — максимально широкое использование прагматических векторов тревожности и агрессивности, злоупотребление грубо-просторечной лексикой. Инвективность образов особенно ярко проявляется в криминальной, военной, беситальной, морбиальной, сексуальной и скатической метафорах. Ха-

рактерная черта идиостиля В. В. Жириновского — использование метафорических образов, которые традиционно считались в русской бытовой и политической речи нравственно ущербными. Еще одна особенность — это недостаток лингвистического вкуса, неумение удерживать доминантную метафорическую модель или хотя бы не злоупотреблять чрезвычайной пестротой сфер-источников метафорической экспансии. Вместе с тем обращает на себя внимание способность лидера либеральных демократов к нетрадиционному развертыванию метафорических моделей, умение подобрать яркие нестандартные образы и удачно представить их в речевой ткани текста, а также в полной мере использовать прагматический потенциал метафоры.

6.2.3. Политическая метафора в дискурсе

Важнейший для когнитивной лингвистики термин «дискурс» не имеет до настоящего времени единого определения. Для нас очень важна мысль Н. Д. Арутюновой о том, что дискурс — это «речь, погруженная в жизнь». Конечно, такое определение — это тоже метафора, а поэтому оно едва ли может быть переведено на строгий язык логического определения. Вместе с тем имеет смысл попытаться выработать какую-то методику выявления «глубины погружения» политической метафоры «в жизнь». В соответствии с определением Т. А. ван Дейка, дискурс — это сложное единство языковой формы, значения и действия, которое соответствует понятию «коммуникативное событие» [1989, с. 46]. Преимущество такого подхода в том, что дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний. По словам Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова, дискурс — это «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [1989, с. 8]. В нашем представлении изучение концептуальной политической метафоры в дискурсе — это прежде всего исследование степени воздействия разнообразных языковых, культурологических, социальных, экономических, политических и иных факторов на нацио-

нальную систему концептуальных политических метафор.

В некоторых случаях временная активизация модели обусловлена в общем-то случайными факторами. Например, в середине 90-х годов в высшем военно-политическом руководстве страны одновременно оказались три генерала с «орнитологическими» фамилиями — А. Лебедь, П. Грачев и В. Куликов и сразу появилось множество орнитолого-политических метафор. Ср.:

- Быстро стало ясно, что три пернатых в одном гнезде не уживутся (А. Бархатов); О чем щебечут в Белом доме птички (общий заголовок для нескольких заметок в АиФ); Я иногда сам не понимаю этот птичий язык в Белом доме (Б. Немцов); Странное дело. Лебедя в Белом доме нет, Грачева нет, Куликов не всегда залетает. А язык птичий остался (А. Петров).

Показательно, что в данном контексте *птичий язык* — это характерные особенности речи «генералов у власти». Прошло совсем немного времени, генералы оказались в отставке, в высшие эшелоны власти не пробилась новые обладатели «птичьих» фамилий — и активность орнитологической метафоры в политической речи резко упала. Некоторым исключением, возможно, остается Восточная Сибирь, где братья Лебеди руководят Красноярским краем и Хакасией.

Основная цель агитационно-политической речи — это изменение представлений адресата о политической реальности, своего рода переконцептуализация политического мира. Одно из важнейших средств такой переконцептуализации — метафорическая модель, которая позволяет либо выделить какой-то аспект проблемы, сделать его более значимым, либо, наоборот, отвлечь от него внимание общества, показать какой-то вариант развития событий как совершенно невозможный.

Дж. Лакофф [1991] справедливо подчеркивает, что метафорическая модель может служить эффективным орудием для манипулирования социальным сознанием. Рассматривая пути метафорического оправдания вмешательства США в боевые действия между Ираком и Кувейтом, Дж. Лакофф специально отмечает демагогический характер таких приемов, как персонификация (обозначение действий президента Саддама Хуссейна как действий Ирака, обозначение помощи кувейтскому шейху как спасение Кувейта), использование мета-

форической схемы «коварный злодей — невинная жертва — благородный спаситель» (кувейтский монарх мало подходит на роль невинной жертвы, правительством США движут не только благородные мотивы и даже президент Ирака — личность далеко не однозначная), использование метафоры немецкого генерала Клаузевица «Война — это продолжение политики другими средствами» (все-таки война и политические переговоры — это слишком разные вещи).

Существуют метафорические модели (и их варианты), которые особенно активно используются в определенных политических ситуациях. Так, политическая ситуация «Выборы» часто метафорически представляется как спортивное состязание — забег на длинную дистанцию. Каждый участник должен правильно распределить силы, иногда приходится преодолевать барьеры, у каждого есть своя группа поддержки, судейская коллегия следит за соблюдением правил и может снять нарушителя с дистанции.

Обсуждение серьезной политической проблемы и последующее голосование в парламенте (а также использование референдума) часто метафорически представляется в виде схватки борцов, поединка боксеров, теннисного, футбольного или хоккейного матча. Метафора высвечивает стратегический замысел, работу группы поддержки, реакцию болельщиков, горечь поражения и радость победы. Политические схватки напоминают спортивные использованием принципа «победитель получает все». Если в бизнесе отставание доходов одной компании от прибылей другой на 1% означает по существу равенство, то в спортивных состязаниях и в политических конфликтах такое и даже меньшее отставание свидетельствует о полном поражении. Вместе с тем спортивная метафора как бы снижает значимость спортивного поражения: жизнь спортсменов — это множество отдельных соревнований, в которых чередуются победы и поражения и проигранный матч не означает крушения всех надежд.

Политическая борьба нередко концептуализируется и в военной метафоре. Эта модель также позволяет обозначить подготовку к схватке, совместность действий, иерархические отношения действующих лиц, всевозможные проблемы, используемые средства и т. п. Победа в войне видится самой высокой наградой, а поражение — полным крахом

без особых надежд на скорый реванш. Политическая схватка, концептуализированная военной метафорой, воспринимается как значительно более жестокая, чем политическая борьба, которая метафорически представляется как спортивное состязание.

Политическая борьба может быть описана и при помощи театральной метафоры. В этом случае обычно акцентируются ритуальность борьбы, наличие заранее написанного сценария и режиссеров, «неподлинность» изображаемых эмоций и предсказуемость побед и поражений.

Некоторые метафорические модели ориентированы не просто на определенную политическую ситуацию, но даже на определенную точку зрения на ту или иную проблему. Примером эффективного использования метафорического манипулирования может служить обсуждение во второй половине 90-х годов XX века вопроса о целесообразности отделения Чечни от Российского государства. Противники отделения активно использовали следующие метафорические аргументы.

РОССИЯ — это ЕДИНЫЙ ОРГАНИЗМ. Развитие этой метафоры позволяет представить отделение какого-либо субъекта как ампутацию необходимого органа, что приводит к инвалидности и даже полной нежизнеспособности организма. И уж совсем нежизнеспособным оказывается ампутированный орган.

РОССИЯ — это ЕДИНАЯ СЕМЬЯ. Развитие этой метафоры связано с акцентированием таких признаков семьи, как неразрывность родственных уз, необходимость заботиться даже о «заблудших сынах», долг отца наставлять и, может быть, наказывать неразумного ребенка, который лишь под чьим-то дурным влиянием надумает разрыв с семьей.

РОССИЯ — это ОБЩИЙ ДОМ для всех граждан (наций, регионов и др.). Традиционный путь развития этой метафоры — нежелательность и даже невозможность разделения дома, который был построен совместными усилиями и рассчитан на совместное проживание, который вместе защищали от врагов и оберегали от стихийных бедствий.

Подобные метафоры способны оказать воздействие на адресата, который может не задумываться о том, что метафора только концеп-

туально связывает государство и живой организм, что для государства отделение какой-то его части может быть не столь вредоносным, как ампутация у человека ноги или удаление почки. Россия — это все-таки государство, а не семья, и ее регионы — это не в полном смысле дети федерального центра или президента. Россия лишь метафорически может представляться единым домом для всех народов, и отделение какого-то региона не обязательно приносит вред всей конструкции.

Сторонники отделения находили некоторые возможности удобного для себя развития метафор организма, семьи и дома. Например, говорили о том, что иногда для спасения организма необходимо ампутировать зараженный гангреной орган, что братьям иногда имеет смысл разъехаться, а супругам, если «супружество им было мукой», лучше разойтись. Высказывалась мысль о том, что братья для чеченцев — это вовсе не живущие поблизости русские или осетины, а арабы или турки.

Сторонники отделения Чечни часто использовали экономическую метафору. Они утверждали, что чеченцы *кровью заплатили* за свою свободу, что *цена* удержания Чечни слишком высока, что чеченская война слишком *дорого обходится*, что мятежная республика — это гиря на ногах идущей к *экономическому процветанию* России.

Как аргумент в пользу предоставления независимости Чечне нередко использовалась концептуальная метафора **ВОЙНА** — это **ПРЕСТУПЛЕНИЕ**, развитием которой являются слоты «страдания», «невинных жертв», «разрушения» и др.

Соответственно противники сепаратизма говорили, что стремление к сиюминутной экономической выгоде может обернуться большим политическим просчетом, что не всякая война должна считаться преступной.

Очевидно, что и экономическая, и милитарная, и любая другая метафора — это всего лишь образы, которые не могут полностью заменить рациональной аргументации, но человек так устроен, что для него аналоговые аргументы значимы не в меньшей степени, чем строго логические доказательства. Вместе с тем рассмотренный материал свидетельствует, что определенные типы моделей действительно позволяют представить более ярко одни аспекты рассматри-

ваемого явления и соответственно сделать менее заметными другие. Поскольку проблема сепаратизма (или самоопределения) актуальна для самых различных исторических эпох и государств, то выделенные закономерности имеют более широкий характер. Видимо, действительно существуют концептуальные метафоры, которые могут регулярно использоваться в полемике преимущественно как аргумент сторонников определенной точки зрения и в определенных политических ситуациях.

В монографии Е. И. Шейгал [2000] вводится термин «политический нарратив» — совокупность дискурсных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определенного политического события. Еще ранее для обозначения подобного понятия предлагался термин «сверхтекст» [Купина, Битенская, 1994]. Для политического нарратива (сверхтекста) характерны тематическое единство, общность основных действующих лиц, локализованность во времени и пространстве, общая событийная канва. Вместе с тем политическому нарративу присущи многоголосие участников политической борьбы, множественность повествователей и соответственно множественность точек зрения, эмоциональных оценок.

Определенные типы политических нарративов (например, парламентские выборы) объединяют общие черты, но «нельзя войти дважды в одну и ту же воду» — каждый новый политический нарратив имеет специфические признаки, в том числе и в сфере его метафорического моделирования.

Избирательная кампания и результаты последних парламентских выборов (1999 год) дают богатый материал для изучения закономерностей воздействия крупного политического события на активизацию некоторых метафорических моделей, а также отдельных фреймов или слотов этих моделей. Например, участниками выборов Государственной думы 1999 года были партии и политические движения с официальными и «полуофициальными» названиями, способными влиять на развитие определенных метафорических моделей: «Кедр», «Яблоко», «Наш дом — Россия», «Медведь». Еще ряд партий и движений имели слоганы или жаргонные наименования, также активизирующие соответствующие метафорические модели («Правое дело», «Голос России», «Овраг», «Овсянка», «За Победу» и др.).

Среди партий и движений с «говорящими именами» особая активность была проявлена движением «Медведь», и именно оно добилось наибольшего успеха. В результате этого заметно повысилась частотность бестиальной метафоры в политической речи. Наглядно названная активизация проявилась, в частности, в том, что вслед за собственно «Медведем» активно происходило развертывание модели (*медвежата, по-медвежьи, косолапое правительство, медвежья болезнь, берлога* и др.), а также оживление других фреймов и слотов бестиальной метафоры (*молодые волки с медвежьей хваткой; обorongяющиеся от медведей пчел; идущие на медведя собаки* и др.).

Не столь громкий успех партии Г. А. Явлинского и блока «Отечество — вся Россия» имел результатом активизацию флористической метафоры (*яблочные депутаты, недалеко падающее от яблони яблоко, яблочная начинка, пирог с овсянкой* и др.). К аналогичным результатам привело преодоление пятипроцентного барьера блоком «Союз правых сил», в названии которого заложена ориентационная метафора.

Следствием поражения на выборах движений «Кедр» и «Наш дом — Россия» стало резкое сокращение частотности связанных с этими названиями метафор (*черномырдинская крыша, ремонт «Нашего дома», дом с прогнившим фундаментом, кедровый урожай, кому нужны кедровые шишки?* и др.).

Еще более показательны наблюдения над взаимодействием политической ситуации и общей системы метафорических моделей в современной политической речи. В диссертации Ю. Б. Феденевой [1997], выполненной под руководством автора данной монографии, представлены данные, отражающие частотность соответствующих различным моделям метафорических словоупотреблений в публикациях, отражающих политические ситуации «путча» (1991 год), референдума о новой конституции (1993 год), а также президентских и парламентских выборов (1993—1995 годы). На основе методики случайной выборки было выделено по 10 текстов, соответствующих каждой из указанных политических ситуаций, и выявлено общее количество используемых в этих текстах метафор, соответствующих различным моделям.

В политической ситуации «Путч» наиболее активными оказались метафоры «войны» (20 метафор в 7 текстах), «единого биологиче-

ского организма» (20 метафор в 6 текстах) и «дороги» (10 метафор в 5 текстах). Основная аргументация заговорщиков была связана с созданием образа разрушаемой внутренними врагами страны; в аргументации противников заговора превалировали незаконные действия с использованием вооруженных сил. Обе стороны активно использовали метафоры «правильной» и «неверной» дороги, по которой идет страна, и «живого организма», который разрушается действиями противника.

В политической ситуации «Референдум» наиболее активными были метафоры «дороги» (17 метафор в 10 текстах), «войны» (15 метафор в 5 текстах) и «дома» (10 метафор в 5 текстах). Частотность указанных образов вполне объясняется спецификой политической ситуации: в публикациях активно обсуждались проблемы и перспективы «общего дома» и «общего пути» народов СССР и обусловленные «общностью» социальные конфликты; в связи с яркой полемичностью материалов активно использовалась милитарная метафора.

В политической ситуации «Выборы-95» наиболее активными оказались бестиальные метафоры (19 метафор в 5 текстах), метафоры «войны» (18 метафор в 7 текстах) и «театра» (15 метафор в 4 текстах). Как показано в предыдущих главах, бестиальная и милитарная метафоры наиболее ярко реализуют концептуальные векторы угрозы, насилия, разрушения, а театральная метафора — концептуальные векторы неискренности, зависимости событий от закулисных «режиссеров».

Автор диссертации делает справедливый вывод о том, что политическая ситуация способна оказать значительное влияние на частотность использования метафорических моделей в политических текстах и в целом на характерные для политической речи способы метафорического представления действительности.

Последние годы XX века отличались в России быстрой сменой социально-экономических ситуаций, интенсивной политической борьбой, что закономерно приводило к преобразованию политического языка. В публикациях, отражающих важнейшие политические ситуации конца десятилетия, система метафорических концептов оказалась уже несколько иной.

В десяти случайно отобранных текстах, соответствующих политической ситуации «Попытка начала процедуры импичмента» (далее —

политическая ситуация «Импичмент-99»), наиболее частотными оказались группы метафор с исходными понятийными сферами: «криминал» (23 метафоры в 9 текстах), «война» (19 метафор в 8 текстах) и «болезнь» (14 метафор в 5 текстах). Среди других частотных моделей следует назвать бестиальную метафору, метафоры «пути» и «родства», а также метафоры с исходными понятийными сферами «дом», «живой организм» и «семья».

Для рассматриваемой политической ситуации характерна целеустановка на острую критику действий президента, которые оцениваются сторонниками импичмента как преступные. К числу таких действий авторы проекта относили прежде всего ситуацию вооруженного противостояния с Государственной думой (1993 год), военные действия в Чечне (1996 год), так называемый геноцид российского народа (уменьшение рождаемости, увеличение смертности, падение жизненного уровня и т. п.) и разрушение вооруженных сил России. Уже само перечисление оснований для импичмента делает вполне понятными причины «лидерства» криминальных и милитарных образцов в рассматриваемых текстах. Ср.:

- Если бы он [Ельцин] ушел сам, страной управлял бы не самодурствующий «крестный отец» вконец разложившейся «семьи», олигархов и коррумпированных чиновников, а совсем другие силы (Г. Зюганов); Президент — это убийца и спаситель, это герой и негодяй, это враг и друг (В. Жириновский); Вспомним «историческую передачу», когда три особо доверенных полпреда второй древнейшей профессии делали умные лица, слушая бред нашего первого президента о гениальном плане завершения чеченской войны (А. Ильин).

Авторы критических выступлений рисуют образ президента как воюющего с собственным народом кровожадного бандита, окруженного преступной камарильей («мафиозной семьей») и совершенно забывшего о народе, страдающем от множества социальных болезней. Показательно, что во многих рассматриваемых контекстах трудно разграничить прямые и образные номинации. Противники импичмента тоже говорили о войне (в прямом и метафорическом смысле), о преступности и болезнях общества, однако винили во всем этом оппозиционные президенту силы.

В десяти текстах, отражающих политическую ситуацию «Парла-

ментские выборы-99», на первое место выдвинулась бестиальная метафора (19 словоупотреблений в 8 текстах), далее следуют метафоры «войны» (17 словоупотреблений в 8 текстах) и «криминала» (13 словоупотреблений в 5 текстах). Среди других достаточно частотных моделей выделяются метафоры «театра» («цирка», «кино» и т. п.), «родства», «игры и спорта», морбиальная и растительная метафоры, традиционные для политической речи образы, связанные с понятийными полями «живой организм», «дом» и «путь».

Выдвижение бестиальной метафоры объясняется прежде всего тем, что авторы текстов всячески изощрялись в языковой игре, связанной с новым политическим движением «Медведь». Милитарные и криминальные образы, как правило, особо типичны для периодов обострения социальных отношений; это же можно сказать о морбиальной метафоре. Метафора «родства» в рассмотренных текстах очень однообразна: это исключительно образы, связанные с кремлевской «семьей». Характерные для современной отечественной политической речи представления о неискренности политиков, о наличии тайных «режиссеров» реализовались преимущественно в метафорах, связанных с театром и цирком, с игрой и спортивными соревнованиями. Показательно, что в критических текстах к «ельцинской мафиозной семье» прибавилась «лужковская мафиозная семья»: как заметил В. Шендерович, «политики в России живут семьями».

Для ситуации российских выборов, как правило, характерна целеустановка на рекламу программы поддерживаемой партии и ее кандидатов и острая критика действий оппонентов, приписывание их кандидатам всевозможных пороков и описывание бед, до которых оппоненты довели Россию. Рассматриваемые группы метафор в полной мере соответствуют партийному заказу. Ср.:

- Так давайте изберем того, кто покончит с нынешним блудом, тревогами, смутами, разбоями, инфляцией, коррупцией и прочей дрянью (В. Жириновский); Страну растаскивает по кускам горстка олигархов и коррумпированных чиновников, установивших в стране свою криминальную диктатуру (Г. Зюганов); Все сегодня спорят, куда должна идти Россия. А я говорю: никуда она не может идти, она в инвалидном кресле (Г. Явлинский).

Создается впечатление, что яркое расписывание ужасного прошлого, настоящего и будущего родной страны начинает вызывать отторжение у избирателей, что улавливают наиболее чуткие политики и журналисты. Возможно, именно с этим связано произошедшее в начале 2000 года некоторое сокращение частотности и продуктивности отдельных метафорических образов с наиболее сильным агрессивным потенциалом.

Вместе с тем ведущее место в десятке политических текстов периода «Президентские выборы-2000» сохранила бестиальная метафора (17 словоупотреблений в 7 текстах), второе место по существу разделили военная (14 словоупотреблений в 7 текстах) и спортивно-игровая метафоры (14 словоупотреблений в 5 текстах).

Можно заметить, что причины лидерства (хотя уже не столь ярко выраженного) бестиальной и военной метафор аналогичны тем, что сделали указанные образы ведущими на недавних парламентских выборах. Интерес представляет увеличение частотности спортивно-игровой метафоры: авторы текстов анализировали прогнозы и течение предвыборной гонки или разбирали слаженность участвующих «команд». Ср.:

- Прагматический расчет Путина виден в формировании команды, которая и помогла выиграть выборы (Т. Нетреба); Решение отказаться от участия в предвыборном марафоне созрело у Севастьянова за 12 минут до момента, когда претенденты еще могли сойти с дистанции (К. Катанян); Фаворит гонки, как и ожидалось, победил уже в первом туре. Прогнозируемое второе место занял председатель КПРФ. «Бронзу» получил лидер «Яблока» (А. Птицын).

Среди других моделей по-прежнему можно заметить сохранение метафоры мафиозной семьи (к которой нередко причисляли и будущего президента), многие противники «скоротечной» избирательной кампании говорили о ней в традиционных образах «театра», «цирка» и «балагана», немало было сказано гневных слов о «большом обществе», как и прежде, использовались метафоры понятийных сфер «человеческое тело», «дом», «путь», «растительный мир», «механизм», «стихии».

Итак, метафорическое осмысление трех крупнейших политических событий, относящихся к отрезку времени с весны 1999 года по начало 2000 года, происходило в рамках достаточно ограниченного

круга моделей, однако каждое из названных событий заметно влияло на востребованность рассматриваемых моделей.

Материалы настоящей монографии позволяют сделать и некоторые более общие выводы о типичных для последнего десятилетия XX века способах метафорического осмысления политической жизни России.

Развитие страны, динамика социально-экономических процессов метафорически представляются преимущественно с использованием понятийного поля «путь», в котором наряду с общим позитивным потенциалом выделяются сегменты, связанные с мотивами неверной дороги, топтания на месте, плохой подготовки и отсутствия единства в действиях экипажа.

Создание нового общества, рост потенциала российского государства часто метафорически представляются с использованием строительной метафоры, в которой, однако, по-прежнему активны слоты, характеризующие недостатки фундамента, плохое качество материалов и отсутствие квалификации у строителей.

Концептуальные векторы тревожности и агрессивности наиболее ярко проявляются при использовании военной, морбиальной и криминальной метафор. Это же относится к значительной части бесчеловечных представлений. Образное представление России как преступного сообщества, как нечеловеческого (звериного) мира, как больного государства, находящегося в состоянии перманентной гражданской войны, несет деструктивный прагматический потенциал, отрицательно сказывается на социальной оценке состояния государства и перспектив его развития.

Концептуальные векторы неискренности политиков и лживости создаваемых в средствах массовой информации образов, представление о каких-то закулисных режиссерах публичной политической жизни последовательно реализуются в метафорических моделях с исходными понятийными полями «театр», «цирк», «игра» и (в несколько меньшей мере) «спорт». По-прежнему активны в отечественном политическом дискурсе не имеющие однородных эмотивных векторов метафоры, в основе которых лежат понятийные сферы «физиология», «растения», «стихии», «техника», «родство».

Названные выше концептуальные векторы и эмотивные смыслы

характеризуют прежде всего модель в целом, только наиболее общие закономерности дискурса, тогда как решающее воздействие на актуальный смысл и прагматическую нагрузку метафоры оказывают специфика конкретного текста и соответствующая ему коммуникативная ситуация. Политическая метафора рождается не в языке, а в ментальной сфере конкретной личности, которая стремится познать и объяснить окружающий мир, выразить свое отношение к нему и воздействовать на окружающих.

6.3. О степени объективности метафорического зеркала

Современную эпоху в развитии цивилизации справедливо называют информационной. Новый статус информации в нашем обществе — это «сильнодействующее средство, для которого нет пределов» [Почепцов, 2000, с. 9]. Возможно, читателю показалось, что зеркало политической метафоры представляет современную Россию в слишком мрачном свете. Автор данной монографии, закончив анализ материала, пришел к точно такому же выводу. Поэтому вполне закономерен вопрос: «Что отражает метафорическое зеркало и не слишком ли оно искажает реальность?»

Развертывая концептуальную модель **МЕТАФОРА — ЗЕРКАЛО**, следует отметить, что это огромное зеркало (целостная метафорическая система русского политического языка) состоит из множества маленьких зеркал — конкретных метафорических словоупотреблений. Каждое из этих маленьких зеркал отражает мировосприятие одного человека, нередко метафорическое словоупотребление показывает только сиюминутное его настроение. Но если метафора подхватывается другими людьми — образ становится уже социально значимым фактом. Ср.:

- Мой коллега Юрий Яковлев сказал: «Нас *затоптали*, во всем мире Россию воспринимают как черт знает какую страну, и тут такая радость» (Ж. Алферов).

Когда фразу *Нас затоптали...* произносит «широко известный в узких кругах» физик — это его частное мнение, но когда эту фразу запоминает и повторяет (а, значит, фраза показалась ему точной и

выразительной) лауреат Нобелевской премии и депутат Государственной думы, когда интервью с этой фразой печатает газета с многомиллионным тиражом — это уже не частное мнение и отражение личного мировосприятия, а значимый для политического дискурса факт.

Аман Тулеев страстно восклицает:

- «В России сейчас ГУЛАГ. ГУЛАГ преступности».

Конечно, эта криминальная (по сфере-источнику) метафора отражает не просто личное восприятие конкретного человека, но представления губернатора одного из крупнейших регионов России, члена Совета Федерации и кандидата в президенты, за которого на выборах проголосовали миллионы избирателей. И это словоупотребление служит еще одним подтверждением продуктивности метафорической модели **СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ — это КРИМИНАЛЬНЫЙ МИР**.

Ирина Хакамада кокетливо пишет:

- «Я придумала теорию хромого верблюда. Хромой верблюд — это Россия, Америка — сильный верблюд, идущий впереди».

И вполне понятно (хотя это очень горько осознавать), почему депутат Государственной думы, один из лидеров крупной партии, бывший федеральный министр сравнивает родную страну с больным животным, а не с вожаком каравана. Но это высказывание, будучи опубликованным в газете «Комсомольская правда», несомненно, воздействует на социальную оценку положения дел в России и вместе с тем еще раз свидетельствует о распространенности бестиальной метафоры в современной русской политической речи и о типовых концептуальных векторах такой метафоры.

Подобные примеры легко продолжить: одни политические лидеры выражаются ярко и афористично, другие — путано и коряво, но все они постоянно говорят о болезнях России, о преступных действиях или хотя бы замыслах своих политических противников, призывают к войне против терзающих Россию хищников до полной победы над преступными кланами, требуют прекратить политический фарс и разоблачают политических мародеров и проституток. Однако в нашей картотеке отсутствуют метафорические высказывания, в которых современная политическая элита представляла бы родную страну как мчащуюся вперед тройку или идущий сквозь бури мощ-

ный корабль, как цветущий сад, как здоровый организм, которому не страшны никакие инфекции, или как заботливую мать своих детей. Именно подобные факты (распространенность одних концептуальных метафор и практически полное отсутствие других) позволяют говорить о достоверности зафиксированной в метафорическом зеркале картины.

Многие из рассматриваемых метафор концептуализируют не российскую действительность в целом, а только (!) высшие властные структуры страны — президента, правительство или парламент. Разумеется, Ельцин — это еще не вся Россия, но когда президента называют сукой, проституткой, бандитом, паханом мафиозной семьи, то это свидетельствует и об оценке говорящими положения дел в стране, которую он возглавляет. Это же можно сказать и о случаях, когда правительство или парламент называют бандой, сворой, бездушным механизмом, сборищем комедиантов или шизофреников. Ср.:

- Отвечая на вопросы, Григорий Явлинский заявил, что Кремль представляется ему мясорубкой, в которую входит политик, а выходит фарш (А. Григорьев); Государственная дума в последнее время похожа на театр, впрочем, разве одна Дума напоминает театр? Вся наша политическая жизнь — игра (С. Панкевич); Кремль у нас выступает в роли политического хамелеона или флюгера (М. Ростовский); Те, кто до сих пор правит сатанинским балом в разграбленной стране, будут распяты народным гневом (В. Борков).

Подобные образы демонстрируют не только низкую речевую и политическую культуру их создателей, но и их отношение к высшим органам государственной власти. Все это воспитывает неуважение к политической системе России и ко всему государству в целом. Принятые в цивилизованных странах правила политической этики требуют корректно относиться к законным органам государственной власти.

Значительная часть исследованных метафорических номинаций характеризует положение дел лишь в конкретных министерствах и ведомствах, в отдельных партиях, регионах и т. п. Конечно, «беспредел» в той или иной государственной или общественной структуре, «болезнь», поразившая отдельно взятый город или всего лишь отдельного чиновника, не позволяют сделать вывод о том, что так

обстоят дела во всей обширной державе. Каждая из подобных метафор — это только мелкая деталь, малозаметное стеклышко в огромной мозаике, но подобные образы — это реализация действительно существующих в общественном сознании моделей. И рассмотренный выше материал свидетельствует о высокой продуктивности и частотности этих моделей, их доминантном положении в современном политическом дискурсе.

Важно подчеркнуть, что метафорическое зеркало **ОТРАЖАЕТ НЕ РЕАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В РОССИИ, А ЕГО ВОСПРИЯТИЕ В НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ**. Реальность и ее осознание в социальной ментальности, разумеется, не всегда совпадают. В истории цивилизации известно немало фактов, когда граждане стремительно развивающейся страны считали, что они живут в очень суровую эпоху, но встречались и случаи, когда голодные полурабы были полны оптимизма и искренне пели о своей счастливой доле. В задачи данной монографии не входит оценка социальной ситуации в современной России, но факты показывают что в общественном сознании эта ситуация оценивается как очень тяжелая. Вместе с тем создается впечатление, что излюбленные многими политиками и журналистами метафоры «болезни», «преступности», «войны» и «балагана» уже не находят прежнего отклика, что люди слишком устали от потоков грязи и жестокости.

Можно предположить, что, помимо реальной сложности социальной обстановки в России конца XX века, на развитие соответствующих метафорических моделей в агитационно-политической речи повлияли и некоторые другие факторы.

Во-первых, трудно припомнить в России времена, когда подавляющая часть общества была бы в полной мере довольна центральными и местными субъектами политической власти. По-видимому, есть в нашем национальном сознании какие-то гены вечного недовольства настоящим, ностальгии по прошлому и надежды на чудодейственные рецепты. Эти качества особенно усиливаются в эпохи политической нестабильности.

Во-вторых, агитационно-политическая речь имеет свои законы, в ней используются особые коммуникативные стратегии и тактики. Во все времена и во всех странах оппозиционные партии стремятся по-

казать избирателям, как неудачно правящий режим распоряжается данной ему властью, до какого незавидного положения доведено государство. Во многих странах оппозиционеры активно обсуждают и низкий моральный уровень официальных лиц — представителей правящей партии. Соответственно «партия власти» остро критикует оппозицию и объясняет существующие в государстве проблемы тяжелым наследством, доставшимся от предшественников, кознями оппозиции (и иных врагов) или хотя бы объективными обстоятельствами. И чем острее политическая обстановка в стране, тем агрессивнее становятся метафоры.

В-третьих, в советский период наши газеты под идеологическим давлением были «оптимистически ориентированы»: в сообщениях о жизни Советского Союза преобладала позитивная информация. В постсоветский период наблюдается противоположная тенденция: в средствах массовой информации главенствует негативная информация [Майданова, 1997; Чепкина, 2000]. Нередко высказывается даже мысль, что происходит это по злему умыслу «закулисных режиссеров». С последней точкой зрения трудно согласиться: слишком много надо режиссеров и не настолько продажны наши журналисты. Негативная информация оказывается востребованной в свободной прессе всех стран, но в России эта общая тенденция, по-видимому, усиливается за счет того, что со времен «перестройки» смакование «чернухи» считается признаком свободной прессы и смелости автора. Взвешенность оценок, объективность информации и репутация издания еще не стали в России главными критериями оценки работы того или иного средства массовой информации.

Рассмотренные особенности современной российской политической и публицистической речи ясно указывают на причины заметного преобладания метафор с концептуальными векторами тревожности, агрессивности и неверия. Мы наблюдаем активизацию именно тех моделей, которые востребованы эпохой.

В свое время Дж. Лакофф [1991] блестяще проанализировал способы «метафорического оправдания» войны США против Ирака и предшествующей агрессии Ирака против Кувейта. Американский ученый показал, что метафора может быть мощным средством «переконцептуализации» (изменения системы базисных представлений)

общественного сознания. Когда руководители Соединенных Штатов использовали знаменитую метафору Карла Клаузевица «Война — это продолжение политики с использованием других средств», то они вводили войну в систему обычных и необходимых для великой державы политических средств. При этом как бы «забывалось» о том, что политические переговоры ведутся в тиши кабинетов, а война приносит множество смертей и разрушений.

Политическая метафора способна оказать мощное воздействие не только на избирателей, но и на решения самих политиков. Как мудро замечено в Евангелии, «сначала было Слово». Можно уверенно сказать, что первыми выстрелами в противостоянии президента и Верховного Совета (октябрь 1993 года) стало изменение системы номинаций: политические оппоненты превратились в преступников, с которыми необходимо вести не дискуссии, а войну. А поскольку «на политической войне — как на войне» к «Белому Дому» были подтянуты танки, выстрелы которых оказались наиболее весомым аргументом, и несговорчивые оппоненты были доставлены в «Матросскую тишину».

Рассмотренные в настоящем разделе материалы подтверждают мысль о том, что метафорическое зеркало отражает не столько реальное положение дел в стране, сколько бытующие в соответствующих сферах социальные представления о существующей ситуации. Однако эти представления способны существенно влиять на дальнейшее развитие событий, и метафора нередко как бы «подсказывает» пути для решения проблем. Несколько перефразируя В. И. Ленина, можно утверждать, что выраженная в метафорической форме идея быстрее овладевает массами и становится более весомой материальной силой.

Вместе с тем выявленная картина свидетельствует о несомненной боли за Россию, о желании при помощи метафорической гиперболы выделить наиболее жгучие проблемы, о стремлении к переменам именно в тех областях, которые наиболее последовательно концептуализирует политическая метафора с сильными векторами тревожности, агрессивности, отклонения от естественного порядка вещей.

Создается впечатление, что наши журналисты, добившись свободы слова, еще не научились ею пользоваться: то есть ощущать необходимость не только образно выражать свои эмоциональные реак-

ции, но и предлагать аудитории объективное описание ситуации без леденящих сознание гипербола. С другой стороны, еще далеко не все наши граждане научились разграничивать респектабельные издания и бульварную прессу. По-видимому, даже российская политическая элита еще не в полной мере осознает, что эпатазирующие общество образы вполне закономерны для политических авантюристов и скандалистов, но совершенно неуместны в речи людей, уверенных в себе и пользующихся доверием общества.

Политический язык советской эпохи окончательно ушел в прошлое. Новый политический язык еще только формируется, далеко не все в нем пока отвечает потребностям социума. Нет сомнений в том, что со временем все встанет на свои места: будет отброшено все мешающее развитию общества и появятся новые средства объективного и взвешенного отражения развития страны. Есть все основания полагать, что в политических метафорах XXI века наше общество сможет выразить совершенно иные представления о политической ситуации в России.

6.4. Перспективы исследования политической метафоры

Исследование российской политической речи на основе теории метафорического моделирования — одна из наиболее перспективных областей современной отечественной когнитивистики. Выделим хотя бы ближайшие направления работы.

1. Исследование концептуальной метафоры в дискурсе различных политических убеждений

Реальная многопартийность — несомненное завоевание современных российских демократов. Едва ли в когнитивном исследовании есть смысл специально останавливаться на различиях в политических взглядах российских коммунистов, правых сил, центристов и либеральных демократов. Для нас в данном случае важнее тот факт, что эти политические взгляды прямо отражаются в зеркале метафоры, которая позволяет зафиксировать даже то, что политики иногда предпочитают не афишировать. Что бы ни говорили коммунисты об обновлении своей партии, создается впечатление, что они не «по-

ступились» ни принципами, ни ленинско-сталинско-брежневской системой базисных метафор. Извечное диссидентство и поразительная неспособность разделить Россию и российские властные структуры, некоторый космополитизм, как нигде, выражаются в концептуальной метафоре «яблочно»-правых сил. А традиционное державное (в других терминах — великодержавное, имперское) мышление и фундаменталистские ценности — яркая черта «медвежьего» метафорического мышления. Драчливая, алкогольная, сексуальная и скатическая метафоры постоянно используются политическими хулиганами, эпатазирующими общество в прессе лимонного и ультракрасно-коричневого цвета.

Очерченный выше абрис фиксирует лишь самые общие черты политико-стилистических течений в отечественной концептуальной метафоре. Очевидно, что детальное изучение откроет какие-то новые, незаметные с первого взгляда свойства и заставит отказаться от некоторых сложившихся стереотипов.

Отдельная очень серьезная проблема — изучение идиостилей крупных политических фигур современной России. В отечественной филологии выработана великолепная методика изучения поэтических идиостилей, но иногда создается впечатление, что начинающим аспирантам уже не хватает «предметов исследования». Обращение к политическому языку снимет все затруднения и (что более важно) поможет лучше понять соотношение между личностной метафорической системой, метафорикой политического направления и общей системой русской политической метафоры, сделает возможным выявление индивидуальных когнитивных стилей, каждый из которых понимается как «предпочитаемый подход к решению проблем, характеризующих индивида относительно целого ряда ситуаций и содержательных областей» [Демьянков, 1994, с. 27]. Очень перспективна выдвинутая А. Н. Барановым задача «метафорической портретизации» политических деятелей.

Идиостили ведущих современных российских политиков отличаются подлинной индивидуальностью, узнаваемостью, яркой образностью. Одно из подтверждений этому — результаты следующего эксперимента.

Без предварительной подготовки студентам-филологам второго

курса (39 человек) было роздано по пять фрагментов (примерно по 300 слов) из речей Б. Ельцина, В. Жириновского, Г. Зюганова, Г. Явлинского и Е. Гайдара. Задания: 1) определить автора и 2) выделить признаки идиостиля. Абсолютное большинство студентов легко справилось с первым заданием и испытывало затруднения при выполнении второго. Интересно было бы повторить описанный эксперимент со студентами других факультетов.

Кстати, пора бы активнее включать выступления современных политиков в разнообразные хрестоматии по риторике, предназначенные для студентов. Разумеется, постигать политическую речь нужно и на классических образцах, но современной политической речи лучше учиться у современников.

2. Сопоставительные межкультурные исследования политической метафоры

По справедливому замечанию Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры» [1990, с. 404]. Аналогичные мысли высказывают и отечественные специалисты (А. Н. Баранов, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, Ю. Н. Караулов, Б. А. Успенский и др.).

Очевидно, что российские метафорические модели отражают национальную культуру России. Вместе с тем Россия — это часть европейско-американского культурного пространства, которое заметно отличается от культурного пространства арабского мира, стран Африки или Дальнего Востока. Наконец, российская культура — это составная часть общечеловеческой культуры.

Очень интересная проблема — соотношение национального и общечеловеческого в метафорическом видении мира. Показательны уже наблюдения над работой переводчиков, стремящихся адекватно передать содержание рассматриваемых Дж. Лакоффом и М. Джонсоном метафор [1990, с. 388—403]. Некоторые метафорические образы переводятся практически буквально; больше того, метафоры воспринимаются как «стертые», вполне соответствующие традициям русской образной системы. Ср:

- He attacked every weak points in my argument (Он напал на каждое слабое

место в моей аргументации); впрочем, по-русски чаще говорят «Он атаковал каждое звено...». His criticisms were right on target (Его критические замечания били точно в цель). This gadget will save you hours (Это приспособление сэкономит вам много времени).

Некоторые другие фразы тоже переведены буквально, чтобы читатель мог осознать внутреннюю форму образа, концептуальность метафоры (переводчик специально это оговаривает), но метафора (хотя она вполне понятна, поскольку соответствует хорошо известной модели) уже не воспринимается как вполне традиционная для русской речи. Ср.:

- You disagree? Okay, shoot! (Вы не согласны? Отлично, ваш выстрел!). He shot down all of my arguments (Он расстрелял все мои доводы). Put aside some time for ping pong (Выделите — букв.: накопите — время для пинг-понга).

Рассмотренные примеры свидетельствуют, во-первых, о наличии параллелей между русской и английской метафорой, а во-вторых, о том, что даже при использовании по существу одинаковой модели конкретные метафорические образы могут по-разному восприниматься: как традиционные, стертые или свежие, отчасти неожиданные.

Как отмечает Дж. Лакофф [1991], взаимное непонимание между американцами и арабами во время войны в Персидском заливе во многом объясняется различной ролью концептуальных метафор родства и могущества в национальном сознании. Используемые американскими политиками для оправдания своих действий метафорические образы оказались убедительными для большинства европейцев и американцев, но на жителей Ближнего Востока большее впечатление производили метафоры Саддама Хуссейна.

Еще более интересным могло бы стать сопоставление концептуальной метафоры, отражающей дискурс однотипных политических событий, происходящих одновременно в различных странах, например метафорическую концептуализацию президентских выборов в России и Соединенных Штатах (2000 год) или попытки импичмента президентов Бориса Ельцина и Билла Клинтона незадолго до завершения их президентских полномочий.

Не менее показательным могло бы стать сопоставление метафорического моделирования одного политического события в политической речи различных стран, например сравнение событий в Юго-

славии (противостояние в Косово, натовские бомбардировки и др.) в российском, американском и французском метафорическом зеркале. Возможно, это прольет дополнительный свет на тот удивительный факт, что абсолютное большинство граждан и все крупные политические партии России осуждали кровавый антисербский террор албанских сепаратистов и варварские бомбардировки мирных городов, тогда как общественное мнение в большинстве европейских стран и в Соединенных Штатах было на стороне свободолюбивого албанского народа, которому оказали помощь доблестные войска союзников. Иначе говоря, в рассмотренной Дж. Лакоффом [1991] метафорической модели «злодей — жертва — доблестный спаситель» поменялись местами злодей и жертва, а в роли доблестного спасителя в европейской и американской метафорической картине мира выступали войска НАТО, тогда как в представлении наших политиков эту роль должны были выполнить российские воины. Похоже, что наш взгляд на распределение ролей оказался под сильным влиянием метафоры «родства»: наши братья по крови и религии, конечно, больше подходят на роль жертвы. Скорее всего, реальность не соответствует ни той, ни другой схеме: обе конфликтующие стороны были одновременно и жертвой, и злодеем, а натовские генералы думали о демонстрации своей мощи больше, чем о спасении невинной жертвы.

3. Региональные особенности российской политической метафоры

Как выразился известный отечественный эрудит и красноречивый Виктор Черномырдин, «Россия — это континент». Конечно, некоторые филолого-географические крохоборы могут усомниться в точности сказанного, но экс-глава правительства прав в том смысле, что по многообразию регионов наша страна не уступает некоторым континентам.

Выше уже говорилось о несомненных различиях в ментальности москвичей и уральцев, петербуржцев и сибиряков, жителей юга и севера России. Во многих регионах свободной России журналистам для демонстрации свободы слова все еще приходится изучать эзопов язык и по зову сердца славить мудрость местного генерала, батяни или бабая, одним словом — отца и благодетеля региона. Одни местные политические бои иногда отличаются поразительным грохотом,

а другие — ведутся исключительно в подковерной сфере.

Все это, а также множество других факторов определяет серьезные различия в политическом дискурсе регионов России, а следовательно, возможность и необходимость автономного исследования региональной политической метафоры.

Самостоятельный интерес могло бы представить изучение метафорического моделирования в языковом мышлении различных народов России.

Очень интересно исследовать воздействие национальной ментальности и языка на развитие концептуальной метафоры в условиях (почти) единого политического, правового и экономического пространства.

4. Исследование исторической динамики моделей

В предыдущих главах уже немного говорилось о политической метафоре ленинской и сталинской поры, об образах времен покорения целины и прокладывания БАМа, о концептуальных метафорах эпохи нового политического мышления, начавшегося с искоренения пьянства и приведшего к разгулу наркомании. Однако все это результат лишь отдельных наблюдений, впечатление от каких-то деталей мозаики, а не осознанное представление целостной картины (некоторое исключение составляет лишь язык «перестройки»).

Очевидно, что российская политическая метафора нуждается в историческом изучении, что только такой подход позволит правильно оценить современное состояние политического языка, проследить за динамикой метафоры, обнаружить истоки (они же корни) многих современных феноменов. Исследование метафоры XX века надо начинать с царствования Святого Николая (бывшего Николая Кровавого), но не меньший интерес представляют политические образы более отдаленных от современности веков.

Самостоятельная проблема — дальнейшее изучение динамики политической метафоры в пределах «ельцинского» периода: более глубокое исследование воздействия крупных политических событий на развитие метафорической системы, сопоставление политической метафоры первой и второй половины десятилетия.

И уже пора создавать картотеку метафор периода президентства

Владимира Путина. Хочется верить, что в ней окажется меньше образов, проникнутых концептуальными векторами тревожности, опасности, агрессивности, неискренности и двоемыслия, что это будут метафоры общества, уверенного в себе, развивающегося и вместе с тем не забывающего о фундаментальных национальных ценностях. Возможно, в новых условиях самыми востребованными окажутся метафоры «дружной семьи», «цветущего дерева», «успешно строящегося дома», «стремящегося к цели транспортного средства» и люди перестанут ощущать себя пешками, винтиками, лохами, подопытными кроликами, актерами, пассажирами тонущего корабля или захваченного террористами самолета.

5. Лексикографическая систематизация концептуальных метафор

Своего рода образцом такой работы могут служить словари А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [1991; 1994], но лексикографическая систематизация русских политических метафор требует продолжения хотя бы уже потому, что материалы названных словарей отражают в основном период «перестройки» (до 1993 года), а политическая метафора «во времена царя Бориса» стала уже несколько иной. Очень скоро потребуются и подготовка словаря политических метафор начала XXI века: новое время требует от журналистов новых песен, а успешные политики всегда «шестым чувством» ощущают изменения в устроении народа и власти.

В будущем словаре целесообразно разграничить три раздела. Структура двух первых разделов окажется аналогичной структуре названных выше словарей А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова.

В первом разделе за основу для систематизации можно взять исходные понятийные сферы (такой подход представлен во второй главе настоящей монографии), то есть в словарных статьях будут последовательно фиксироваться фреймы и слоты моделей, основанных на понятийных областях «Анатомия и физиология человека», «Болезнь», «Семья», «Дом», «Война», «Криминал», «Мир животных» и т. п.

Во втором разделе за основу для классификации можно взять (как это сделано во второй части «Словаря русских политических метафор») основные фреймы соответствующего денотативного поля

(сферы-мишени). Иначе говоря, если традиционно описание ведется на основе классификации источников метафорической экспансии, то предлагается описание, базирующееся на тезаурусной классификации объектов метафорического притяжения. На первый взгляд такое построение будет просто зеркальным отражением традиционного способа отражения моделей. Отчасти это действительно так, но вместе с тем подобное описание позволяет заметить некоторые относительно новые закономерности. Особенно это касается малочастотных моделей, а также метафор, которые относятся к числу нерегулярных.

При классификации понятийных сфер метафорического притяжения необходимо выделить, в частности, разделы «Россия и внешний мир», «Российские ветви власти» (президент, правительство, парламент, судебная система и др.), «Субъекты Федерации и регионы» (например, Москва, Урал, Чечня, Кавказ, Калининградская область), «Политические активисты и вожди» (политики вообще и конкретные личности), «Политические партии и движения», «Политические события» (президентские и парламентские выборы, референдум, попытки импичмента, прекращение полномочий президента и др.).

Каждый раздел подразделяется на подразделы. Например, в разделе «Россия и внешний мир» необходимо выделить следующие рубрики: «Соединенные Штаты», «Германия», «Япония», «Китай», арабские страны, страны СНГ и др. Даже предварительные наблюдения показывают, что метафорическое представление друзей и соперников России может многое сказать о современном национальном самосознании россиян, о том, что заменило бывшие братские республики и лагерь социализма, империалистических акул и «Пылающий континент», старушку-Европу и пробуждающуюся Африку.

Важная часть раздела «Политические активисты и вожди» — подраздел «Personalia», где будут отражены и льстивые, и ядовитые, и смешные, и очень точные номинации политической элиты: *Штази*, *Цицерон Степаныч*, *Газпром*, *Труба*, *дядька Черномор*, *Баобаб и его бабники*, *Пахан*, *Гарант Нелакаевич*, *Яйцин*, *Орел-Горыныч*, *ЕБН и ебнутые*, *Франкентейновна*, *Акселератор*, *Лохотрон*, *Киндерсюрприз*, *Примус*, *Академик*, *Бульдог*, *Степашка*, *Пожарник*, *Хомяк*, *президентский ГАД (глава администрации)*, *тетя Валя*, *Кучерявый*,

Пудель, Владимир Юристович, Сексуал-демократ, Пэтэушник, Папаша Зю, Лысый Чебурашка, Крокодил Гена, Зюгзаг удачи, Лесоповал, Петух бойцовый и др.

В третьем разделе будут представлены типовые ситуации понятия и отношения, метафорически обозначаемые в различных областях политической речи. Например, группа совместно действующих людей (правительство, партия, журналисты, адвокаты и др.) может представляться при помощи метафор из различных понятийных сфер-источников: *команда* (спорт), *труппа* (театр), *свора, стая* (мир животных), *банда, шайка* (криминал), *полк, дивизия* (военная сфера), *семья, клан* (родство), *машина, механизм* (техника), *единый организм* (физиология), *экипаж, команда* (транспортное средство).

Для обозначения иерархических отношений в той или иной группе лиц могут быть использованы метафоры из тех же сфер: *тренер, капитан, ферзь, пешка* (спорт), *режиссер, сценарист, прима, кукла* (театр), *вожак, пастух* (мир животных), *пахан, братаны, шестерка* (криминал), *генерал, штаб, сержант, рядовой* (война), *отец и сын, старший брат и младший брат* (родство), *мотор и винтик* (техника), *голова и ноги* (физиология), *капитан, боцман и матросы* (транспортное средство). Соответственно субъекты политической деятельности — это представители животного мира (*медведи, волки, львы, крокодилы* и т. п.), спортсмены (*лидеры, аутсайдеры, шахматисты, участники марафона* и т. п.), части организма (*мозг, рука* и др.), члены семьи (*мать, отец, дочь, внучка* и др.), военнослужащие (*десантники, разведчики, атакующие, отступающие* и др.), преступники (*жулики, бандиты, воры* и т. п.), физически и психически больные люди (*инвалиды, чахоточники, шизофреники, наркоманы* и др.), части механизма (*мотор, винтик, аккумулятор* и др.).

При обозначении причинно-следственных отношений могут быть использованы такие относящиеся к различным понятийным сферам концепты, как *посев и уборка урожая, цветочки и ягоды; бактерии (микробы) и болезнь, ранение и смерть, преступление и наказание*. Для номинации инициатора, основоположника и продолжателей дела могут быть использованы такие разные образы, как *учитель (педагог, профессор) и ученики, корни и плоды, источник, родители и дети (орел и птенцы его гнезда, медведь и медвежата), рассадник,*

наследник.

Наличие такого раздела (с богатым иллюстративным материалом и сведениями об эмотивных смыслах) позволит легко обнаружить разнообразные способы для метафорического обозначения соответствующей реалии, подобрать образ, наиболее соответствующий авторскому замыслу, а также оценить степень оригинальности автора.

В отдаленной перспективе можно планировать создание сопоставительных двуязычных словарей политической метафоры, в которых будут отражены и обширные фоновые знания, усвоение которых может помочь взаимопониманию народов. Как говорят французы, «все понять — все простить».

Логика развития науки такова, что достижение поставленных целей открывает новые горизонты. А российская действительность такова, что она еще не один раз преподнесет богатый материал для когнитивного исследования метафоры.

Заклучение

Известно, что наиболее перспективные научные направления возникают в зоне пересечения различных областей знания. Одним из таких пересечений и является когнитивное изучение политической метафоры, что создает условия для возникновения на пересечении политологии, психологии и лингвистики новой отрасли знаний — политической лингвистики, относящейся к кругу когнитивных наук. Социальная востребованность политической лингвистики определяется возрастающим интересом общества к механизмам политической речи, в том числе к проблемам метафорического моделирования действительности в массовом сознании.

Три взаимодействующих зеркала современной российской концептуальной политической метафоры, во-первых, отражают когнитивные «механизмы» человека (изучая метафору, мы изучаем человеческое мышление), во-вторых, мы видим в метафорическом зеркале отражение обыденных представлений человека о понятийной сфере-источнике метафорической экспансии (в данном случае для нас важно не то, как человек мыслит, а то, как он концептуализирует эту сферу), а в-третьих, мы видим отражение «наивных» человеческих представлений о понятийной сфере-мишени метафорической экспансии: человек метафорически концептуализирует и структурирует эту сферу, выделяя в ней самое важное и необходимое, давая эмотивную оценку ее элементов.

В метафорических зеркалах, как и в любых других, картины постоянно меняются, а поэтому очень важно своевременно их фиксировать и анализировать.

При характеристике российской политической метафоры конца XX века прежде всего необходимо отметить сохранение и развитие целого ряда традиционных позитивных образов, акцентирующих идею естественности и непрерывности развития жизни, близости и взаимосвязанности человека и природы, наглядно отражающих причинно-следственные связи в природе, значимость физического и морального здоровья, крепких корней и другие фундаментальные для русского на-

ционального сознания ценности. Особенно тесно это связано с концептами «человеческое тело», «родство», «дом», «мир растений».

Вместе с тем исследование показало, что в последнее десятилетие получили развитие метафорические модели (и их отдельные фреймы, слоты) с концептуальными векторами жестокости, агрессивности и соперничества (война, криминал, спорт и др.), отклонения от естественного порядка вещей (болезнь, криминал, сексуальные извращения и др.). Показательно, что подобные же прагматические смыслы оказались наиболее востребованными и у других моделей; это, в частности характерно для современной зооморфной метафоры, а также для традиционно «неагрессивных» метафор «дома», «пути» и «мира растений».

Еще одна группа сильных концептуальных векторов современной российской политической метафоры — это неправдоподобие происходящего, неискренность политиков, излишняя карнавальность находящихся в центре общественного внимания событий, несамостоятельность публичных политиков, наличие каких-то тайных «сценаристов», «режиссеров» и «тренеров» в политической жизни страны (театральная, игровая и спортивная метафоры).

Зеркало современных концептуальных метафор отражает типовые социальные представления о жестокости и лицемерии новой эпохи, где человек человеку уже не «друг, товарищ и брат», но общественное сознание все-таки противится и реальности, казалось бы, более соответствующей рассмотренным концептуальным векторам метафорической формулы **ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ — ВОЛК, ВРАГ, ПАХАН, СПИД, ПУТАНА, РЕЖИССЕР** или **НУЖНЫЙ МЕХАНИЗМ**. Начинается новая эпоха, и страна ждет совершенно новых концептуальных метафор.

Рассмотрение закономерностей метафорической концептуализации российской политической реальности непреложно требует ответа на извечные российские вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?»

Перефразируя известную поговорку, можно сказать, что пенять, разумеется, следует на рожу, хотя и зеркало, мазохистски подчеркивая ее кривизну, во многом воздействует на самосознание смотрящего в него народа. Если же использовать традиционный научный стиль, то необходимо отметить сложное взаимодействие метафори-

ческой системы, социального самосознания, его отражения в политической речи и современной российской действительности.

Во-первых, одна из причин активизации рассматриваемых моделей — это реальная сложность социальной обстановки, что отражается в народном сознании и выражается в речи: давно замечено, что находящиеся в центре общественного внимания явления становятся источником метафорической экспансии.

Во-вторых, активное использование моделей с сильными концептуальными векторами тревожности, агрессивности и отклонения от естественного порядка вещей, несомненно, влияет на социальную оценку ситуации в стране, внушает мысль о том, что страна понастоящему больна, что общество действительно пронизано криминальными связями и отношениями, что политическая элита состоит из клоунов, зверей, преступников, проституток и солдафонов, а это опосредованно может сказываться на жизни страны.

В-третьих, создается впечатление, что наше общество (в том числе многие политики и журналисты) еще не поняло, что свобода слова не исключает хотя бы нравственной ответственности за сказанное, что, щедро поливая грязью политических оппонентов, невозможно сохранить чистыми собственные руки и подобная грязь обладает свойствами бумеранга. В народном сознании справедливо осуждаются люди, которые ради красного словца не жалеют родного отца и родную страну. Нам необходимо научиться (как научились этому в странах с богатыми традициями свободы слова) отличать уважаемые издания от бульварной прессы, а солидных политиков от скандалистов.

Рассмотренные концептуальные метафоры ярко отражают естественную для каждого подлинного патриота боль за состояние родной страны. Они свидетельствуют о желании привлечь внимание к наиболее жгучим проблемам, о стремлении к переменам в политической жизни. Вместе с тем необходимо еще раз подчеркнуть, что в настоящей монографии исследовано не реальное положение дел в России, а его отражение в политическом дискурсе. Как известно, реальность и ее осознание в социальной ментальности далеко не всегда соответствуют друг другу, и в данном случае зеркало политической метафоры многократно увеличивает все реально существующее.

вующие проблемы (как приуменьшали их средства массовой информации в период застоя). Конечно, социальная ситуация в современной России очень сложна, но Бисмарк был прав, когда говорил, что Россия никогда не бывает и такой могущественной, и такой слабой, как это может показаться. Мы верим, что наша страна преодолет все трудности и еще много раз подтвердит свой статус великой державы. Наш народ, по меньшей мере, не глупее и не ленивее многих других народов, добившихся процветания и уважения в современном мире.

Политический язык новой России еще только создается, пока далеко не все в нем отвечает реальным потребностям общества. Нет сомнений в том, что уже в ближайшем будущем будут созданы необходимые средства для взвешенного описания социальной реальности, что политические гиперболы окончательно выйдут из моды. Все более заметны признаки того, что общественное сознание уже устало от однообразных образов милитарной, криминальной, бестиальной и морбиальной сфер и ждет совершенно новых концептуальных метафор. Это обстоятельство позволяет надеяться на то, что российский политический дискурс нового века будет отличаться актуализацией совсем других метафорических моделей и лингвисты нового поколения отметят в качестве свойства русской ментальности такие образы, как **РОССИЯ — МАТЬ, РОССИЯ — ЦВЕТУЩИЙ САД, РОССИЯ — ДОМ ТОРЖЕСТВА ЗАКОНА И СПРАВЕДЛИВОСТИ, РОССИЯ — ЛЕТЯЩАЯ ПТИЦА** или **МЧАЩАЯСЯ ВПЕРЕД ТРОЙКА**. Хотелось бы, чтобы в новой метафоре было меньше образов, проникнутых концептуальными векторами тревожности, опасности, агрессивности, неискренности и двоемыслия.

Метафора способна быть мощным средством переконцептуализации общественного сознания, то есть изменения системы базисных представлений народа о себе, о своей стране и своей роли в ее развитии. Поэтому с изменением системы концептуальных метафор наши граждане перестанут ощущать себя пешками, винтиками, лохами, солдатами, подопытными кроликами, актерами, пассажирами тонущего корабля или захваченного террористами самолета. Это будут метафоры общества, уверенного в себе, развивающегося и вместе с тем не забывающего о фундаментальных национальных ценностях и приоритетах.

Библиографический список

- АГЕЕНКО Е. Л. Русская речь у микрофона // Русская речь. 1996. № 1.
- АЛТУНЯН А. О собирателях земли русской: Жириновский как публицист // Вопросы литературы. 1996. № 2.
- АПРЕСЯН В. Ю., АПРЕСЯН Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3.
- АПРЕСЯН Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- АПРЕСЯН Ю. Д. О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1971. Вып. 6.
- АПРЕСЯН Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1.
- АРУТЮНОВА Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1978. № 4.
- АРУТЮНОВА Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- БАГИЧЕВА Н. В. Россия — мать или мачеха? (метафорическое моделирование образа Родины) // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2000. Т. 5.
- БАЗЫЛЕВ В. Н. Автопортреты политиков: от психоэтики к психополитике // Политический дискурс в России-3: Материалы рабочего совещания. М., 1999.
- БАЗЫЛЕВ В. Н. Новая метафора языка (семиотико-синергетический аспект): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999.
- БАЙБУРИН А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
- БАЙКОВ В. Г. Манипулятивная семантика и контрпропаганда // Функционирование языка как средства идеологического воздействия. Краснодар, 1988.
- БАЛАШОВА Л. В. Метафора в диахронии: на материале русского языка XI—XX веков. Саратов, 1998.
- БАРАНОВ А. Н. Языковые игры времен перестройки (Феномен политического лозунга // Русистика. 1993. № 2.
- БАРАНОВ А. Н., ДОБРОВОЛЬСКИЙ Д. О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56. № 1.
- БАРАНОВ А. Н., КАЗАКЕВИЧ Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новаторство. М., 1991.

- БАРАНОВ А. Н., КАРАУЛОВ Ю. Н.** Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М., 1991.
- БАРАНОВ А. Н., КАРАУЛОВ Ю. Н.** Словарь русских политических метафор. М., 1994.
- БАРАНОВ А. Н., ПАРШИН П. Б.** Процедурный язык в лингвистической семантике // Известия АН СССР. Сер лит. и яз. 1990. № 1.
- БАХТИН М. М.** Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- БЕЗМЕНОВА Н. А.** Речевое воздействие как риторическая проблема // Проблемы эффективности речевой коммуникации. М., 1989.
- БЕЛОВА Е. Н.** Структура и семантика аргументативного дискурса (на материале слушаний комитетов конгресса США): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Спб., 1995.
- БЕЛЬЧИКОВ Ю. А.** Из наблюдений над русским литературным языком эпохи Великой Отечественной войны // Филологические науки. 2000. № 6.
- БЕРДЯЕВ Н.** Судьба России. М., 1990.
- БЕССАРАБОВА Н. Д.** Метафорические сочетания в общественно-публицистическом стиле русского литературного языка // Филологические науки. 1979. № 1.
- БУЛГАКОВА Л. Н., ЗАХАРЕНКО И. В., КРАСНЫХ В. В.** Харизма без власти и власть без харизмы (к вопросу о современном российском политическом дискурсе) // Политический дискурс в России-3: Материалы рабочего совещания. М., 1999.
- БУЛЫГИНА Е. Ю.** Лексическое воплощение концепта «деньги» в современной публицистике // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике. Новосибирск, 1999.
- ВАСИЛЕНКО И. А.** О возможностях политической герменевтики // Вопросы философии. 1999. № 6.
- ВЕЖБИЦКА А.** Антитоталитарный язык в Польше // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
- ВЕЖБИЦКА А.** Язык, культура, познание. М., 1996.
- ВЕРШИННИНА Т. С.** Метафора в политическом дискурсе: традиции и новаторство // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2001. Т. 6.
- ВЕСЕЛОВСКИЙ А. Н.** Историческая поэтика. М., 1989.
- ВИНОГРАДОВ С. И.** Слово в парламентской речи и культуре общения // Русская речь. 1993. № 2—4.
- ВИТГЕНШТЕЙН Л.** Философские работы. М., 1994. Ч. 1.
- ВОВК Н. Н.** Языковая метафора в разговорной речи. Киев, 1986.

- ВОДАК Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997.
- ВОРОБЬЕВА О. И. Политическая лексика. Ее функции в современной устной и письменной речи. Архангельск, 2000.
- ВОРОБЬЕВА О. И. Политическая лексика. Семантическая структура. Текстовые коннотации. Архангельск, 1999.
- ВОРОБЬЕВА О. И. Политический язык: семантика таксономия, функции: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000.
- ГАЖЕВА И. Д. Опыт концептуального анализа имени *игра* // Филологические науки. 2000. № 4.
- ГАК В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М., 1988.
- ГЕЛЛЕР М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994.
- ГРАУДИНА Л. К. Эвфемизмы — дисфемизмы: парламентские и непарламентские выражения // Культура парламентской речи. М., 1994.
- ГРЕШНЕВИКОВ А. Информационная война. М., 1999.
- ГУДКОВ Д. Б. Настенные надписи в политическом дискурсе // Политический дискурс в России-3: Материалы рабочего совещания. М., 1999.
- ГУДКОВ Д. Б. Ритуалы и прецеденты в политическом дискурсе // Политический дискурс в России-2: Материалы рабочего совещания. М., 1998.
- ГУМБОЛЬДТ В. ФОН. Язык и философия культуры. М., 1984.
- ГУРЕВИЧ П. С. Философская антропология. М., 1997.
- ДЕЙК Т. А. ВАН. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- ДЕМЕНТЬЕВ В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000.
- ДЕМЬЯНКОВ В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М., 1989.
- ДЕМЬЯНКОВ В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
- ДЖОНСОН-ЛЭРД Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. XXIII.
- ДИНСМОР ДЖ. Ментальные пространства с функциональной точки зрения // Язык и интеллект. М., 1998.
- ДМИТРИЕВА О. Л. Ярлык в парламентской речи // Культура парламентской речи. М., 1994.
- ДОРОЖКИНА Т. Н. Речевой имидж политического лидера // Соисс (социологические исследования). 1997. № 8.
- ЕНИНА Л. В. Идеологическое содержание современных лозунгов протеста // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.

- ЕНИНА Л. В.** Современные российские лозунги как сверхтекст: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999.
- ЕРМАКОВА О. П.** Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 2000.
- ЕРМОЛЕНКО С. С.** Язык тоталитаризма и тоталитаризм языка // Мова тоталітарного суспільства. Киев, 1995.
- ЖЕЛЬВИС В. И.** Инвектива в политической речи // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999.
- ЖЕЛЬВИС В. И.** Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М., 1997.
- ЗАДЕ Л. А.** Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. М., 1976.
- ЗЕМСКАЯ Е. А.** Введение // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.
- ЗЕМСКАЯ Е. А.** Клише новояза и цитация в языке постсоветского времени // Вопросы языкознания. 1997. № 3.
- ИГНАТЬЕВ А. А.** Ценности науки и традиционное общество (социокультурные предпосылки радикального политического дискурса) // Вопросы философии. 1991. № 4.
- ИЛЬИН М. В.** Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997.
- ИЛЮХИНА Н. А.** Об одной метафорической категории // Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994.
- ИЛЮХИНА Н. А.** Образ в лексико-семантическом аспекте. Самара, 1998.
- ИОРДАНСКАЯ Л. Н.** Сердце // Толково-комбинаторный словарь русского языка. Вена, 1984.
- ИССЕРС О. С.** Коммуникативные стратегии и тактики. Екатеринбург; Омск, 1999.
- КАКОРИНА Е. В.** Новизна и стандарт в языке современной газеты // Поэтика. Стилетика. Язык и культура. М., 1996.
- КАКОРИНА Е. В.** Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.
- КАРАУЛОВ Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- КАРАУЛОВ Ю. Н., ПЕТРОВ В. В.** От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- КИРЕЕВА Е. С.** Символические проводники в политическом сценарии // Политический дискурс в России-3: Материалы рабочего совещания. М., 1999.
- КИТАЙГОРОДСКАЯ М. В., РОЗАНОВА Н. Н.** «Свое» — «чужое» в коммуникативном пространстве митинга // Русистика сегодня. М., 1995. № 1.
- КЛЕМПЕРЕР В. LTI.** Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М., 1998.

- КОБОЗЕВА И. М.** Лингвистическая семантика. М., 2000.
- КОГНИТИВНАЯ лингвистика: современное состояние и перспективы развития:** Материалы первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. Тамбов, 1998.
- КОГНИТИВНАЯ лингвистика: современное состояние и перспективы развития.** Материалы второй международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. Тамбов, 2000.
- КОЖЕВНИКОВА Н. А.** Образная параллель «строение — человек» в русской литературе XIX—XX вв. // Художественный текст: единицы и уровни организации. Омск, 1991.
- КОЖИН А. Н.** Лексико-стилистические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны. М., 1985.
- КОЛОТНИНА Е. В.** Метафорическая модель «Субъекты экономической деятельности — это животные» // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2001. Т. 6.
- КОЛОТНИНА Е. В.** Метафорическое использование лексики понятийной сферы «Больной — здоровый» // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2000. Т. 5.
- КОРДОНСКИЙ С.** Фундаментальный лексикон: язык и политический спектр в России // Век XX и мир. 1994. № 1—2.
- КОСТОМАРОВ В. Г.** Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. Спб., 1999.
- КРАВЧЕНКО И. И.** Политическая мифология: вечность и современность // Вопросы философии. 1999. № 1.
- КРЫСИН Л. П.** Русский литературный язык на рубеже веков // Русская речь. 2000. № 1.
- КРЫСИН Л. П.** Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.
- КРЫСЬКО В. Г.** Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). Минск, 1999.
- КРЮЧКОВА Т. Б.** Общественно-политическая лексика и терминология: основные свойства и тенденции развития: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1991.
- КУБРЯКОВА Е. С.** Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
- КУБРЯКОВА Е. С.** Семантика в когнитивной лингвистике // Известия АН. Сер. лит. и яз. 1999. Т. 58. № 5—6.
- КУБРЯКОВА Е. С., ДЕМЬЯНКОВ В. З., ПАНКРАЦ Ю. Г., ЛУЗИНА Л. Г.** Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- КУЗЬМИНА Н. А.** Интертекст и его роль в процессах эволюции языка. Екатеринбург; Омск, 1999.

- КУЗЬМИНА Н. А.** Концепты художественного мышления: к постановке проблемы // Проблемы деривации: Семантика. Поэтика. Пермь, 1991.
- КУПИНА Н. А.** Агитационный дискурс: в поисках жанров влияния // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.
- КУПИНА Н. А.** Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995.
- КУПИНА Н. А., БИТЕНСКАЯ Г. В.** Сверхтекст и его разновидности // Человек — Текст — Культура. Екатеринбург, 1994.
- КУРТИН Ж. Ж.** Шапка Клементиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
- ЛАБУТИНА В. В.** Вторичная номинация в сфере обозначения причинно-следственных отношений в русском языке: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Уфа, 1998.
- ЛАБУТИНА В. В.** О двух моделях метафорического обозначения причинно-следственных отношений // Семантическая системность языковых единиц. Самара, 1997.
- ЛАКОФФ ДЖ.** Когнитивная семантика // Язык и интеллект. М., 1995.
- ЛАКОФФ ДЖ.** Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М., 1988.
- ЛАКОФФ ДЖ., ДЖОНСОН М.** Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.
- ЛАКОФФ ДЖ., ДЖОНСОН М.** Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
- ЛАНГАККЕР Р. В.** Модель, основанная на языковом употреблении // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997. № 4; № 6.
- ЛАСАН Э.** Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс, 1995.
- ЛЕВИН Ю. И.** Семиотика советских лозунгов // Левин Ю. И. Поэтика. Семиотика: Избр. труды. М., 1998.
- ЛЕВОНТИНА И. Б., ШМЕЛЕВ А. Д.** За справедливостью пустой // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000.
- ЛИХАЧЕВ Д. С.** Экология культуры. Л., 1985.
- ЛОГИЧЕСКИЙ анализ языка.** Образ человека в культуре и языке / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 1999.
- МАЙДАНОВА А. М., АМИРОВ В. М., ЕНИНА Л. В. И ДР.** Речевая агрессия в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997.
- МАРТЫНЕНКО Н. Г.** Субъективизация новостийного дискурса аналитических программ ТВ // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000.

- МЕТАФОРА** в языке и тексте. М., 1988.
- МНОГОЗНАЧНОСТЬ** в лексике современного русского языка. Екатеринбург, 1999.
- МОЛОКОВ С. В., КИСЕЛЕВ В. Н.** Словарь новых значений и слов языка газеты М., 1996.
- МОНЕЛЬЯ М.** Прототипические и непрототипические способы понимания и семантические типы лексических значений // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997. № 2.
- МОСКВИН В. П.** Русская метафора. Волгоград, 1997.
- МУХИН А. А.** Информационная война в России. М., 2000.
- НИКИТИНА С. Е.** Сердце и душа фольклорного человека // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
- НИКИТИНА С. Е., КУКУШКИНА Е. Ю.** Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах (опыт тезаурусного описания). М., 2000.
- НОВИКОВ А. Б.** Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). М., 1999.
- НОВИКОВ Л. А.** Семантика русского языка. М., 1982.
- НОВЫЙ** объяснительный словарь русского языка. М., 1997.
- НОРМАН Б. Ю.** Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культуры // Язык и культура. Третья международная конф. Киев, 1994.
- ОПАРИНА Е. О.** Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. М., 1988.
- ОРТЕГА-И-ГАССЕТ Х.** Две великие метафоры // Теория метафоры. М., 1990.
- ОСИПОВА М. А.** Этноним «совок» // Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995.
- ПАВЛОВИЧ Н. В.** Словарь поэтических образов. М., 1999. Т. 1—2.
- ПАВЛОВИЧ Н. В.** Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 1995.
- ПАДУЧЕВА Е. В.** Парадигмы регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкознания. 1998. № 5.
- ПАНЧЕНКО А. М., СМИРНОВ И. П.** Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и поэзии начала XX века // Труды отдела древнерусской литературы. Древнерусская литература и культура XIX—XX веков. Л., 1976.
- ПАРШИН П. Б.** Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики // ww/elections/ru/biblio/parshin/htm/ Архив. 23 марта 1999.
- ПЕНЬКОВСКИЙ А. Б.** О семантической категории чуждости в русском языке // Структурная лингвистика. 1985—1987. М., 1989.
- ПЕТРОВ В. В.** Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. 1990. № 3.

- ПЕТРОВ В. В.** Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы // Вопросы языкознания. 1988. № 2.
- ПОКРОВСКАЯ Е. А.** Лингвокультурологическая периодизация развития синтаксиса русского языка в XX веке // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2001. Т. 6.
- ПОСТОВАЛОВА В. И.** Судьба как ключевое слово культуры и его понимание А. Ф. Лосевым // Идея судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
- ПОТЕБНЯ А. А.** Из записок по русской грамматике. М., 1968.
- ПОЧЕПЦОВ Г. Г.** Информационные войны. М., 2000.
- ПОЧЕПЦОВ Г. Г.** Тоталитарный человек. Киев, 1994.
- ПРОСКУРИЯКОВ М. Р.** Дискурс борьбы (очерк языка выборов) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1999. № 1.
- РАХИЛИНА Е. В.** Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
- РАХИЛИНА Е. В.** О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2000. Т. 59. № 3.
- РЕВЗИНА О. Г.** Язык и дискурс // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1999. № 1.
- РОЗИНА Р. И.** Корифей пропаганды, или Риторика Сталина // Наука убеждать — риторика. 1991. № 8.
- РОМАНОВ А. А.** Конфликтный дискурс политика // Политический дискурс в России-3: Материалы рабочего совещания. М., 1999.
- РУССКИЙ язык конца XX столетия (1985—1995).** М., 1996.
- РЯБЦЕВА Н. К.** Этические знания и их «предметное» воплощение // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000.
- РЯПОСОВА А. Б.** Милитарная метафора в современном агитационно-политическом дискурсе // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2001. Т. 6.
- САВЕЛЬЕВ А. Н.** Политическая мифология и политическая технология // Москва. 1998. № 8.
- СЕРИО П.** Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
- СКЛЯРЕВСКАЯ Г. Н.** Метафора в системе языка. Спб., 1993.
- СКОВОРОДНИКОВ А. П.** Лингвистическая экология: проблема становления // Филологические науки. 1996. № 2.
- СКРЕБЦОВА Т. Г.** Американская школа когнитивной лингвистики. Спб., 2000.
- СЛОВАРЬ перестройки /** Сост. В. И. Максимов и др. Спб., 1992.

- СЛОВО** в парламентской речи и культура общения. М., 1995.
- СОЛГАНИК Г. Я.** Лексика газеты. М., 1981.
- СОРОКИН Ю. А.** Человек из будущего, которого у него нет: Григорий Явлинский // Политический дискурс в России-3: Материалы рабочего совещания. М., 1999.
- СТЕПАНОВ Ю. С.** Константы: Словарь русской культуры. М., 1997.
- СТЕРНИН И. А.** Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1995.
- ТЕЛИЯ В. Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
- ТЕЛИЯ В. Н.** Метафора и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988.
- ТЕОРИЯ** метафоры: Сб. / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; Вступит. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М., 1990.
- ТОПОРОВ В. Н.** К символике окна в мифопоэтической традиции // Балто-славянские исследования. 1983. М., 1984.
- ТОПОРОВ В. Н.** Модель мира // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2.
- УЛЬМАНН СТ.** Семантические универсалии // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. 5.
- УРЫСОН Е. А.** Душа, сердце и ум в языковой картине мира // Путь. 1994. № 5.
- УРЫСОН Е. А.** Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // Вопросы языкознания. 1995. № 3.
- УСПЕНСКИЙ Б. А.** «Грамматическая правильность» и понимание // Межвузовская конференция по порождающим грамматикам: Тез. докладов. Тарту, 1967.
- УСПЕНСКИЙ Б. А.** Избранные труды: В 2 т. Язык и культура. М., 1994.
- ФЕДЕНЕВА Ю. Б.** Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998.
- ФЕДЕНЕВА Ю. Б.** Функции метафоры в политической речи // Художественный текст: структура, семантика, прагматика. Екатеринбург, 1997.
- ФЕДЕНЕВА Ю. Б., ЧУДИНОВ А. П.** Метафорическое моделирование в российском политическом дискурсе // Политический дискурс России-3: Материалы рабочего совещания. М., 1999.
- ФОДОР ДЖ., ПЫЛИШИН З.** Коннекционизм и когнитивная структура: критический обзор // Язык и интеллект. М., 1995.
- ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ** направления современной американской лингвистики. Сб. обзоров. М.: Изд-во МГУ, 1997.
- ХАЧАТУРОВА Л. А.** Проблемы комплексного описания зоонимов в русском языке. Ташкент, 1992.
- ЦИВЬЯН Т. В.** Дом в фольклорной модели мира // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1978. Вып. 463.

- ЦЫГАНКОВА А. В.** Роль образных средств в организации художественного текста // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2000. Т. 4.
- ЧЕНКИ А.** Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996. № 2.
- ЧЕПКИНА Э. В.** Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995—2000). Екатеринбург, 2000.
- ЧЕРКАСОВА Е. Т.** О метафорическом употреблении слов (по материалам произведений Л. Леонова и М. Шолохова) // Исследования по языку писателей. М., 1959.
- ЧЕРНИКОВА Н. В.** Метафора и метонимия в аспекте современной неологии // Филологические науки. 2001. № 1.
- ЧУДИНОВ А. П.** Заметки о риторическом мастерстве И. В. Сталина // Художественный текст: структура, семантика, прагматика / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 1997.
- ЧУДИНОВ А. П.** Метафорическое моделирование образа России в современном агитационно-политическом дискурсе // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 2000.
- ЧУДИНОВ А. П.** Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. 2001. № 1.
- ЧУДИНОВ А. П.** Структурный и когнитивный аспекты исследования метафорического моделирования // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2001. Т. 6.
- ЧУДИНОВ А. П.** Теория метафорического моделирования на современном этапе развития // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2000. Т. 5.
- ЧУДИНОВ А. П.** Типология варьирования глагольной семантики. Свердловск, 1988.
- ШАПОШНИКОВ В. Н.** Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отражении. М., 1998.
- ШАХОВСКИЙ В. И.** Голос эмоций в русском политическом дискурсе // Политический дискурс в России-2: Материалы рабочего совещания. М., 1998.
- ШАХОВСКИЙ В. И., ЖЕЛТУХИНА М. Р.** Роль комического в дискурсивном портрете политика // Политический дискурс в России-3: Материалы рабочего совещания. М., 1999.
- ШВАРЦКОПФ Б. С.** «Я поставил кавычки потому, что...» // Облик слова: Сб. статей памяти Д. Н. Шмелева. М., 1997.
- ШЕЙГАЛ Е. И.** Вербальная агрессия в политическом дискурсе // Вопросы стилистики. Саратов, 1999. Вып. 28.
- ШЕЙГАЛ Е. И.** Семиотика политического дискурса. Москва; Волгоград, 2000.
- ШМЕЛЕВ Д. Н.** Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.

- ШМЕЛЕВ Д. Н.** Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- ЭПШТЕЙН М. Н.** Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. № 6.
- ЮНГ К. Г.** Архетип и символ. М., 1991.
- ЯГУБОВА М. А.** Культурно-оценочный аспект речевой деятельности // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000.
- CHOMSKY N.** Language and Politics. Montreal; New York, 1988.
- HAHN L. F.** Political Communication: Rhetoric, Government and Citizens // State College (Pennsylvania). 1998.
- JOHNSONSON-LAIRD P. N.** Mental models: Towards a cognitive science of language, inference and consciousness. Cambridge, 1983.
- LAKOFF G.** Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Gulf // D. Yallet (ed.). Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf. Honolulu, 1991.
- LAKOFF G.** Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago; London, 1987.
- LAKOFF G., JOHNSON M.** Metaphors we live by. Chicago, 1980.
- ROSCH E.** Principles of categorization // Cognition and categorization. Hillsdale; New York, 1978.
- WATTS D.** Political Communication Today. Manchester; New York, 1997.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЧУДИНОВ Анатолий Прокопьевич

**РОССИЯ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ЗЕРКАЛЕ:
КОГНИТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ
(1991—2000)**

Монография

Редактор Л. Н. Лексина

Оригинал-макет Л. Н. Лексина

ЛР № 040330 от 18.04.97

Подписано в печать 23.04.2001. Формат 84x108 1/32.

Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,9. Уч.-изд. л. 11,5.

Тираж 500 экз. Заказ

Оригинал-макет изготовлен в отделе множительной техники Уральского
государственного педагогического университета
620219 Екатеринбург, ГСП-135, проспект Космонавтов, 26

Отпечатано в типографии г. Первоуральска
Первоуральск, проспект Ильича, 26а

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

А. П. Чудинов

**РОССИЯ
В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ЗЕРКАЛЕ:
КОГНИТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ
(1991—2000)**

Монография

Екатеринбург 2001